

ПЕРМСКАЯ СТАРИНА.

СБОРНИКЪ

ИСТОРИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ И МАТЕРІАЛОВЪ

ПРЕИМУЩЕСТВЕННО

О ПЕРМСКОМЪ КРАѢ.

АЛЕКСАНДРА ДМИТРИЕВА,

преподавателя Пермскихъ мужской и Маринской женской гимназій, товарища предѣдателя
и правителя дѣлъ Пермской ученой архивной комиссіи, члена-сотрудника С.-Петербургскаго
археологическаго института и другихъ ученыхъ учреждений и обществъ.

Выпускъ I.

ДРЕВНОСТИ БЫВШЕЙ ПЕРМИ ВЕЛИКОЙ.

ИЗДАНИЕ АВТОРА.

ПЕРМЬ.

Типографія П. Ф. Каменскаго.

1889.

8/26/78

Автобіографическая замѣтка автора-издателя.

(Вмѣсто обычнаго предисловія).

Съ 1880 года, когда я опредѣленъ былъ преподавателемъ исторіи и географіи въ Пермскую гимназію, я занялся специально изученіемъ мѣстной исторіи Пермскаго края. Я сталъ постепенно приводить въ исполненіе мысль, впервые явившуюся у меня еще на университетской скамьѣ. Еще въ 187⁴/₅ академическомъ году, въ бытность студентомъ 3-го курса историко-филологическаго факультета Казанскаго университета, во мнѣ родилась эта мысль подъ вліяніемъ чтенія Новгородскихъ лѣтописей. Избравъ спеціальностью Русскую исторію, я обратился тогда къ профессору Д. А. Корсакову за темою для годичнаго курсоваго сочиненія. Онъ предложилъ мнѣ тему: «Библіографическій разборъ Третьей Новгородской лѣтописи и отношеніе ея къ прочимъ Новгородскимъ и Лаврентьевской лѣтописямъ». Тема была хороша тѣмъ, что заставила меня работать совершенно самостоятельно надъ важнѣйшими источниками Русской исторіи и углубиться въ обширную и въ высшей степени интересную область русскаго лѣтописанія. Проработавъ упорно цѣлый учебный годъ надъ разработкой темы и сдавъ сочиненіе, я въ слѣдующемъ 4-мъ курсѣ, въ 187⁵/₆ уч. году, просилъ Д. А. Корсакова опять дать мнѣ такую тему для годичнаго сочиненія, которая имѣла бы соприкосновеніе съ прежней. Онъ исполнилъ мое желаніе, предложивъ тему: «О договорныхъ грамотахъ Новгорода съ великими князьями Тверскими и

Московскими». Третій курсъ университета я посвятилъ изученію многотомнаго «Полнаго собранія русскихъ лѣтописей», въ четвертомъ пришлось не мало посидѣть и потрудиться надъ «Собраніемъ государственныхъ грамотъ и договоровъ», «Актами Историческими» съ ихъ «Дополненіями», «Актами Археографической Экспедиціи» и другими фундаментальными изданіями нашей Археографической Коммиссіи. Вторая работа имѣла очень близкое отношеніе къ первой и была въ одинаковой степени полезна для моей исторической подготовки, заставивъ работать самостоятельно надъ первоисточниками.

Двухгодовая спеціальная работа надъ источниками Новгородской исторіи естественно привела меня, уроженца Пермскаго края, къ мысли заняться когда нибудь спеціально исторіей Пермской земли, составлявшей нѣкогда часть обширныхъ Новгородскихъ владѣній и затѣмъ постепенно вошедшей въ составъ земель великихъ государей Московскихъ—сперва въ церковномъ, потомъ и въ гражданско-административномъ отношеніяхъ. Можетъ быть, моя мысль и не воплотилась бы въ дѣло, если бѣ, по окончаніи университетскаго курса, мнѣ пришлось служить не въ своемъ родномъ краѣ, куда впрочемъ я стремился неудержимо, а въ какой нибудь другой губерніи. Къ счастью, обстоятельства сложились именно такъ, что я имѣлъ возможность занять мѣсто преподавателя своего спеціального предмета въ той самой Пермской гимназіи, гдѣ я получилъ среднее образованіе и куда желалъ попасть болѣе всего не столько по служебнымъ, даже семейнымъ, сколько по научнымъ соображеніямъ. Я занялъ это мѣсто съ радужной надеждой привести въ исполненіе мою прежнюю студенческую мечту относительно изученія *местной* исторіи. Я былъ болѣе многихъ

другихъ подготовленъ къ изученію исторіи именно Пермскаго края, который при томъ же, какъ родной для меня, всегда былъ особенно близокъ моему сердцу. Съ теплою любовью къ дѣлу, но не безъ нѣкоторой робости на первыхъ порахъ приступалъ я къ изученію родной пермской старины на мѣстѣ, въ самомъ средоточіи нынѣшней Пермской земли, благодаря Бога за столь счастливое сочетаніе обстоятельствъ моей жизни.

Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что первой мыслью, осуществленіе которой составляетъ теперь цѣль моей жизни, я обязанъ Казанскому университету въ лицѣ его достоуважаемаго профессора Д. А. Корсакова, который на научномъ поприщѣ былъ моимъ первымъ и лучшимъ руководителемъ. Поселившись въ Перми, съ готовымъ планомъ предстоящихъ научныхъ работъ, долженствовавшихъ составить собою продолженіе моихъ университетскихъ занятій, я познакомился прежде всего съ Д. Д. Смышляевымъ, нынѣ ревностнымъ членомъ Православнаго Палестинскаго Общества, временно живущимъ въ Іерусалимѣ. Уроженецъ Пермскаго края, питомецъ Пермской гимназіи, обладающій замѣчательною начитанностью, рѣдкій знатокъ и въ свое время очень почтенный общественный дѣятель Пермскаго края, Д. Д. Смышляевъ былъ для меня лучшимъ руководителемъ при началѣ изученія собственно Пермской исторіи. Его небольшая по объему, но драгоценная по содержанію книга: «Источники и пособія для изученія Пермскаго края» (Пермь. 1876 г.) съ 1880 года стала для меня настольною. Въ то время былъ еще въ живыхъ другой извѣстный знатокъ этого края, Н. К. Чупинъ, съ которымъ впрочемъ мнѣ не суждено было познакомиться лично. На его труды, какъ на образцовые въ своемъ родѣ,

указалъ мнѣ Д. Д. Смышляевъ, и я въ теченіе одного года основательно познакомился съ ними. Такимъ образомъ Н. К. Чупинъ, умершій въ 1882 г., слѣлался для меня третьимъ учителемъ въ дѣлѣ изученія мѣстной исторіи. Въ теченіи 1880 и 1881 г.г. я окончательно подготовилъ себя къ занятіямъ Пермской исторіей, начавъ съ слѣдующаго 1882 года самостоятельныя работы въ этой области.

Но прежде чѣмъ начать *самостоятельные* труды по разработкѣ Пермской исторіи, мнѣ нужно было составить для себя тотъ или другой планъ ученой работы и уяснить себѣ практическіе ея приемы. Н. К. Чупинъ писалъ Пермскую исторію, сидя на мѣстѣ, въ Екатеринбургѣ, гдѣ онъ нѣсколько десятилѣтій былъ директоромъ мѣстнаго горнаго училища, имѣя подъ руками богатѣйшій горный архивъ. Я, какъ частный и невластный любитель старины, нашелъ болѣе цѣлесообразнымъ держаться экскурсіальнаго приема мѣстныхъ изслѣдованій, въ послѣднее время въ широкихъ размѣрахъ практикуемаго почти всѣми учеными обществами. Служба давала возможность пользоваться для ученыхъ экскурсій ежегодно лѣтними вакантами. При небольшомъ учительскомъ жалованьѣ и неимѣніи другихъ средствъ я могъ предпринимать, конечно, скромныя поѣздки, не задаваясь широкими планами. Обращаться за субсидіями къ ученымъ обществамъ я не хотѣлъ, потому что не желалъ связывать себя никакими обязательствами*). Равнымъ образомъ я никогда не обращался ни за какимъ содѣйствіемъ «подлежащихъ властей». Какъ частный, безвластный и безвѣстный любитель, я одиноко работалъ и про-

*) Впрочемъ Пермскій губернскій статистическій комитетъ далъ мнѣ, какъ своему члену, небольшую субсидію на изданіе нѣкоторыхъ матеріаловъ, собранныхъ мною на свой счетъ.

должаю работать по мѣстной исторіи—урывками, въ свободное отъ служебныхъ занятій время, а потому какія бы то ни было обязательства меня только угнетали бы нравственно. «Содѣйствіе же властей», на мой взглядъ, нерѣдко только вредитъ тамъ, гдѣ имѣешь совершенно частное дѣло съ частными же лицами. Особенно не любитъ его деревня, которая между тѣмъ является хранительницей многихъ полезныхъ для науки данныхъ, какъ убѣдилъ меня опытъ. Брать на себя стороннихъ обязательствъ я не могъ и потому, что, пускаясь въ экскурсію по губерніи, могъ-ли я съ увѣренностью сказать, что возвращусь изъ поѣздки не съ пустыми руками? что у меня хватитъ умѣнія розыскать въ томъ или другомъ мѣстѣ обладателей старины и внушить имъ довѣріе къ себѣ, что бы получить возможность воспользоваться для науки ихъ рукописями, книгами, коллекціями? Я обыкновенно пускался въ путь на удачу, особенно въ первыя экскурсіи въ тотъ или другой уѣздъ. Дѣло въ томъ, что всѣ рукописные историческіе матеріалы я собиралъ не изъ казенныхъ и общественныхъ архивовъ, что не представляло бы ничего труднаго, а *изъ частныхъ рукъ*, при чемъ сплошь и къ ряду не легко было доискаться самыхъ обладателей старины, нерѣдко людей вовсе безвѣстныхъ, такъ сказать, случайныхъ хранителей памятниковъ прошлаго. Мнѣ случалось въ деревнѣ у безграмотныхъ крестьянъ находить поземельные акты XVII столѣтія, представляющіе несомнѣнный интересъ и значеніе для историка Пермскаго края.

Соображаясь съ историческими судьбами Пермскаго края, я началъ самоознакомленіе съ нимъ съ сѣверо-западнаго угла нынѣшней обширной Пермской губерніи, т. е. съ уѣзда Чердынскаго, нѣкогда входившаго

въ число новгородскихъ владѣній и составлявшаго, вмѣстѣ съ Соликамскимъ и болѣе южными уѣздами, такъ называемую «Пермь Великую». Порядокъ предпринятыхъ мною по собственной иниціативѣ и на свои средства экскурсій былъ слѣдующій: въ 1881 году въ Чердынскій уѣздъ; въ 1882 г.—въ Соликамскій; въ 1883 г.—въ Пермскій уѣздъ и вторично въ Соликамскій и Чердынскій; въ 1884 г.—въ третій разъ въ Чердынскій и Соликамскій уѣзды и въ первый—въ Верхотурскій уѣздъ; въ 1885 г. вторично въ уѣзды Пермскій и Верхотурскій и первый разъ—въ Екатеринбургскій, Камышловскій и Шадринскій; въ 1886 г.—въ первый разъ въ уѣзды Кунгурскій и Красноуфимскій; въ 1887 г.—вторично въ уѣздъ Екатеринбургскій и въ третій разъ въ Верхотурскій; въ 1888 г.—въ третій разъ въ Пермскій уѣздъ. Такимъ образомъ изъ 12 уѣздовъ громадной Пермской губерніи я не успѣлъ доселѣ побывать съ специальной цѣлью только въ трехъ—Ирбитскомъ, Оханскомъ и Осинскомъ, знакомыхъ мнѣ лишь отчасти, благодаря случайнымъ перѣздамъ по нимъ. Всѣ доселѣ предпринятые 8 экскурсій мнѣ стоили до 3000 рублей. Но такъ какъ серьезная научная работа въ отдаленной провинціи часто встрѣчаетъ препятствія по недостатку научныхъ пособій, то я долженъ былъ иногда брать дополнительные къ вакалу отпуски и въ 1882, 1886, 1887 и 1888 годахъ по тому же дѣлу изученія Пермской старины предпринималъ поѣздки въ Петербургъ и Москву, ознакомившись въ то же время кстати какъ съ столичными историческими достопримѣчательностями, такъ и съ памятниками древности попутныхъ городовъ—Новгорода Великаго, Владиміра губернскаго, Нижняго-Новгорода, Ярославля, Ростова Великаго, Костромы и нѣк. друг., не говоря уже про близко и давно зна-

комую мнѣ Казань. Эти экскурсіи на западъ дали мнѣ весьма много свѣдѣній для *сравнительнаго* изученія памятниковъ русской древности, особенно церковной, и сблизили меня съ людьми одной спеціальности. Въ 1887 г. я имѣлъ возможность побывать впервые на археологическомъ съѣздѣ въ Ярославлѣ, въ качествѣ приглашеннаго частнаго члена съѣзда, и лично познакомиться еще со многими представителями русской науки.

До сихъ поръ я работалъ на избранномъ поприщѣ одиноко, какъ частный любитель, если безъ всякой матеріальной поддержки, за то при нравственной поддержкѣ тѣхъ, кто любитъ и уважаетъ науку *). Теперь въ Перми возникаетъ губернская ученая архивная комиссія. Удостоенный избранія въ правители ея дѣлъ, съ исполненіемъ обязанностей и товарища предсѣдателя, я получаю возможность расширить кругъ дѣятельности на поприщѣ мѣстной археографіи, особенно если въ числѣ членовъ комиссіи найдется нѣсколько трудолюбивыхъ, энергичныхъ и свѣдущихъ въ этой области лицъ, съ которыми можно будетъ сообща предпринять нѣкоторыя большія работы по части научной обработки и изданія въ свѣтъ памятниковъ пермской старины. Но все это, конечно, вопросъ будущаго, предрѣшать котораго нельзя. А теперь, во ожиданіи будущихъ предпріятій общественнаго характера, составляющихъ пока наши ріи

*) Впрочемъ моимъ предпріятіямъ не сочувствуютъ, какъ водится, нѣкоторые жалкіе завистники изъ людей одной со мною профессіи, и — не знаю почему — чиновники Оренбургскаго учебнаго округа. Последнее обстоятельство едва не заставило меня въ 1886 г. бросить навсегда неблагодарную учительскую службу и поступить въ Археологическій Институтъ, почтившій меня въ прошломъ году избраніемъ въ свои члены, и только нравственная связь съ гимназіей, въ которой я и самъ учился, и научные интересы по отношенію къ давно изучаемому мною краю удержали меня отъ такого нахѣренія.

указалъ мнѣ Д. Д. Смышляевъ, и я въ теченіе одного года основательно познакомился съ ними. Такимъ образомъ Н. К. Чупинъ, умершій въ 1882 г., сдѣлался для меня третьимъ учителемъ въ дѣлѣ изученія мѣстной исторіи. Въ теченіи 1880 и 1881 г.г. я окончательно подготовилъ себя къ занятіямъ Пермской исторіей, начавъ съ слѣдующаго 1882 года самостоятельныя работы въ этой области.

Но прежде чѣмъ начать *самостоятельные* труды по разработкѣ Пермской исторіи, мнѣ нужно было составить для себя тотъ или другой планъ ученой работы и уяснить себѣ практическіе ея приемы. Н. К. Чупинъ писалъ Пермскую исторію, сидя на мѣстѣ, въ Екатеринбургѣ, гдѣ онъ нѣсколько десятилѣтій былъ директоромъ мѣстнаго горнаго училища, имѣя подъ руками богатѣйшій горный архивъ. Я, какъ частный и невластный любитель старины, нашелъ болѣе цѣлесообразнымъ держаться экскурсіальнаго приема мѣстныхъ изслѣдованій, въ послѣднее время въ широкихъ размѣрахъ практикуемаго почти всѣми учеными обществами. Служба давала возможность пользоваться для ученыхъ экскурсій ежегодно лѣтними вакантами. При небольшомъ учительскомъ жалованьѣ и неимѣніи другихъ средствъ я могъ предпринимать, конечно, скромныя поѣздки, не задаваясь широкими планами. Обращаться за субсидіями къ ученымъ обществамъ я не хотѣлъ, потому что не желалъ связывать себя никакими обязательствами*). Равнымъ образомъ я никогда не обращался ни за какимъ содѣйствіемъ «подлежащихъ властей». Какъ частный, безвластный и безвѣстный любитель, я одиноко работалъ и про-

*) Впрочемъ Пермскій губернскій статистическій комитетъ далъ мнѣ, какъ своему члену, небольшую субсидію на изданіе нѣкоторыхъ матеріаловъ, собранныхъ мною на свой счетъ.

должаю работать по мѣстной исторіи—урывками, въ свободное отъ служебныхъ занятій время, а потому какія бы то ни было обязательства меня только угнетали бы нравственно. «Содѣйствіе же властей», на мой взглядъ, нерѣдко только вредитъ тамъ, гдѣ имѣешь совершенно частное дѣло съ частными же лицами. Особенно не любить его деревня, которая между тѣмъ является хранительницей многихъ полезныхъ для науки данныхъ, какъ убѣдилъ меня опытъ. Брать на себя стороннихъ обязательствъ я не могъ и потому, что, пускаясь въ экскурсію по губерніи, могъ-ли я съ увѣренностью сказать, что возвращусь изъ поѣздки не съ пустыми руками? что у меня хватитъ умѣнія розыскать въ томъ или другомъ мѣстѣ обладателей старины и внушить имъ довѣріе къ себѣ, что бы получить возможность воспользоваться для науки ихъ рукописями, книгами, коллекціями? Я обыкновенно пускался въ путь на удачу, особенно въ первыя экскурсіи въ тотъ или другой уѣздъ. Дѣло въ томъ, что всѣ рукописные историческіе матеріалы я собиралъ не изъ казенныхъ и общественныхъ архивовъ, что не представляло бы ничего труднаго, а *изъ частныхъ рукъ*, при чемъ сплошь и къ ряду не легко было доискаться самыхъ обладателей старины, нерѣдко людей вовсе безвѣстныхъ, такъ сказать, случайныхъ хранителей памятниковъ прошлаго. Мнѣ случалось въ деревнѣ у безграмотныхъ крестьянъ находить поземельные акты XVII столѣтія, представляющіе несомнѣнный интересъ и значеніе для историка Пермскаго края.

Соображаясь съ историческими судьбами Пермскаго края, я началъ самоознакомленіе съ нимъ съ сѣверо-западнаго угла нынѣшней обширной Пермской губерніи, т. е. съ уѣзда Чердынскаго, нѣкогда входившаго

въ число новгородскихъ владѣній и составлявшаго, вмѣстѣ съ Соликамскимъ и болѣе южными уѣздами, такъ называемую «Пермь Великую». Порядокъ предпринятыхъ мною по собственной иниціативѣ и на свои средства экскурсій былъ слѣдующій: въ 1881 году въ Чердынскій уѣздъ; въ 1882 г.—въ Соликамскій; въ 1883 г.—въ Пермскій уѣздъ и вторично въ Соликамскій и Чердынскій; въ 1884 г.—въ третій разъ въ Чердынскій и Соликамскій уѣзды и въ первый—въ Верхотурскій уѣздъ; въ 1885 г. вторично въ уѣзды Пермскій и Верхотурскій и первый разъ—въ Екатеринбургскій, Камышловскій и Шадринскій; въ 1886 г.—въ первый разъ въ уѣзды Кунгурскій и Красноуфимскій; въ 1887 г.—вторично въ уѣздъ Екатеринбургскій и въ третій разъ въ Верхотурскій; въ 1888 г.—въ третій разъ въ Пермскій уѣздъ. Такимъ образомъ изъ 12 уѣздовъ громадной Пермской губерніи я не успѣлъ доселѣ побывать съ спеціальной цѣлью только въ трехъ—Ирбитскомъ, Оханскомъ и Осинскомъ, знакомыхъ мнѣ лишь отчасти, благодаря случайнымъ перѣздамъ по нимъ. Всѣ доселѣ предпріятыя 8 экскурсій мнѣ стоили до 3000 рублей. Но такъ какъ серьезная научная работа въ отдаленной провинціи часто встрѣчаетъ препятствія по недостатку научныхъ пособій, то я долженъ былъ иногда брать дополнительные вакацыи отпуска и въ 1882, 1886, 1887 и 1888 годахъ по тому же дѣлу изученія Пермской старины предпринималъ поѣздки въ Петербургъ и Москву, ознакомившись въ то же время кстати какъ съ столичными историческими достопримѣчательностями, такъ и съ памятниками древности попутныхъ городовъ—Новгорода Великаго, Владиміра губернскаго, Нижняго-Новгорода, Ярославля, Ростова Великаго, Костромы и нѣк. друг., не говоря уже про близко и давно зна-

комую мнѣ Казань. Эти экскурсіи на западъ дали мнѣ весьма много свѣдѣній для *сравнительнаго* изученія памятниковъ русской древности, особенно церковной, и сблизили меня съ людьми одной спеціальности. Въ 1887 г. я имѣлъ возможность побывать впервые на археологическомъ съѣздѣ въ Ярославлѣ, въ качествѣ приглашеннаго частнаго члена съѣзда, и лично познакомиться еще со многими представителями русской науки.

До сихъ поръ я работалъ на избранномъ поприщѣ одиноко, какъ частный любитель, если безъ всякой матеріальной поддержки, за то при нравственной поддержкѣ тѣхъ, кто любить и уважаетъ науку *). Теперь въ Перми возникаетъ губернская ученая архивная комиссія. Удостоенный избранія въ правители ея дѣлъ, съ исполненіемъ обязанностей и товарища предсѣдателя, я получаю возможность расширить кругъ дѣятельности на поприщѣ мѣстной археографіи, особенно если въ числѣ членовъ комиссіи найдется нѣсколько трудолюбивыхъ, энергичныхъ и свѣдушихъ въ этой области лицъ, съ которыми можно будетъ сообща предпринять нѣкоторыя большія работы по части научной обработки и изданія въ свѣтъ памятниковъ пермской старины. Но все это, конечно, вопросъ будущаго, предрѣшать котораго нельзя. А теперь, во ожиданіи будущихъ предпріятій общественнаго характера, составляющихъ пока наши рѣ-

*) Впрочемъ моимъ предпріятіямъ не сочувствуютъ, какъ водится, нѣкоторые жалкіе завистники изъ людей одной со мною профессіи, и — не знаю почему — чиновники Оренбургскаго учебнаго округа. Последнее обстоятельство едва не заставило меня въ 1886 г. бросить навсегда неблагодарную учительскую службу и поступить въ Археологическій Институтъ, почтившій меня въ прошломъ году избраніемъ въ свои члены, и только нравственная связь съ гимназіей, въ которой я и самъ учился, и научные интересы по отношенію къ давно изучаемому мною краю удержали меня отъ такого намеренія.

desideria, не мѣшаетъ разобраться въ томъ, что уже сдѣлано лично нами въ теченіе 8 лѣтъ.

Съ чувствомъ живѣйшаго удовольствія не могу не засвидѣтельствовать, что, за немногими исключеніями, я постоянно встрѣчалъ сочувствіе своему предпріятію и потому имѣлъ успѣхъ въ своихъ археографическихъ поискахъ въ предѣлахъ обширной Пермской губерніи. Долго было-бы перечислять людей различныхъ состояній, званій, образованія и общественнаго положенія, съ коими мнѣ пришлось имѣть дѣло во время экскурсій по градамъ и весямъ роднаго края. Съ глубокой признательностью вспоминаю то радушіе, предупредительность и подчасъ рѣдкое въ наше время безкорыстіе, свидѣтелемъ которыхъ я имѣлъ удовольствіе быть много и много разъ. Благодаря этому теплomu сочувствію къ моему предпріятію, плодомъ восьмилѣтнихъ скитаній моихъ по губерніи явилось значительное собраніе историческихъ матеріаловъ преимущественно по исторіи Пермскаго края за время съ XVII вѣка до нашихъ дней. Съ каждымъ послѣдующимъ годомъ кругъ знакомствъ увеличивался, и сообразно съ тѣмъ все болѣе обезпечивался успѣхъ частнаго предпріятія. Собранное лѣтомъ приводилось въ порядокъ, научно обрабатывалось и подготавливалось къ печати зимой. Въ такихъ трудахъ прошли 1881—1888 годы, давъ въ результатъ уже до 40 статей по исторіи обширнаго Пермскаго края, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстныхъ періодическихъ и повременныхъ изданіяхъ. Но поступленіе въ мой частный архивъ новыхъ матеріаловъ постоянно превышало количество изданныхъ въ свѣтъ, почему архивъ этотъ оставляетъ работы еще на много лѣтъ, тѣмъ болѣе что изъ года въ годъ пополняется новыми пріобрѣтеніями. Такъ благодатна еще въ Пермской

губерніи почва для археографическихъ изысканій! Была бы только надлежащая къ тому подготовка и личное желаніе потрудиться на этой почвѣ!

Люди науки не разъ указывали мнѣ на практическое неудобство пользоваться статьями, разбросанными въ разныхъ газетахъ за многіе годы. Особенно много матеріаловъ помѣщено мною въ «Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», полные экземпляры которыхъ за прежніе годы весьма трудно достать даже на мѣстѣ ихъ изданія, въ Перми. На этомъ основаніи мнѣ не разъ высказывалось желаніе, что бы я предпринялъ изданіе всѣхъ своихъ статей въ одномъ сборникѣ. Но, съ одной стороны, для частнаго лица чего стоитъ такое изданіе, а съ другой—какая гарантія въ томъ, что сборникъ специальныхъ статей не залежится въ книжныхъ лавкахъ, а уйдетъ въ продажу? Въ 1882 г. Пермскій губернский статистическій комитетъ, по мысли Д. Д. Смышляева, сдѣлалъ подобную попытку, издавъ въ особомъ сборникѣ историческія статьи Н. К. Чупина; попытка оказалась весьма убыточной для комитета, и едва-ли не половина изданія и сейчасъ лежитъ нераспроданною, показавъ, что спросъ на спеціальныя ученыя изданія въ провинціи ничтоженъ. Въ этихъ видахъ я все откладывалъ изданіе сборника, какъ предпріятіе, казавшееся непосильнымъ при моихъ ограниченныхъ учительскихъ средствахъ. Между тѣмъ изъ года въ годъ число печатныхъ статей моихъ по исторіи Пермскаго края увеличивалось, и неотложная надобность въ изданіи сборника чувствовалась даже при собственныхъ дальнѣйшихъ занятіяхъ. Теперь я рѣшаюсь наконецъ приступить къ изданію сборника своихъ статей подъ общимъ названіемъ «Пермская Старина». Онъ будетъ выходить небольшими выпусками, листовъ въ десять или болѣе

каждый, что сдѣластъ изданіе для меня посильнымъ. Нѣсколько выпусковъ иногда будутъ составлять одну серію при однородности матеріала. Такой пріемъ изданія будетъ цѣлесообразнымъ въ двухъ отношеніяхъ: во 1-хъ, онъ дастъ возможность назначить за каждый выпускъ умѣренную цѣну, и во 2-хъ, предоставитъ каждому возможность приобрести изъ многаго лишь то, кому что нужно.

Таково происхожденіе и цѣль настоящаго изданія. Оно задумано частнымъ лицомъ при небольшихъ средствахъ и потому не претендуетъ, конечно, на внѣшнюю роскошь. Но въ корректурномъ отношеніи издатель, являющійся вмѣстѣ и авторомъ каждой статьи, старался сдѣлать свое изданіе по возможности безупречнымъ, особенно въ отношеніи подлиннаго текста разныхъ древнихъ актовъ. Каждый выпускъ будетъ распадаться на два отдѣла: 1) изслѣдованія и 2) матеріалы, съ присовокупленіемъ въ нѣкоторыхъ выпускахъ и третьяго отдѣла мелкихъ замѣтокъ. Порядокъ расположенія статей въ своемъ изданіи я принимаю не тотъ, въ какомъ являлись онѣ въ печати первоначально, а стараюсь по возможности сводить однородный матеріалъ въ одну группу. Многія статьи будутъ передѣланы и дополнены вновь добытыми данными по тѣмъ же вопросамъ. Я не буду стѣснять себя никакими заранѣе установленными сроками, такъ какъ печатаніе выпусковъ будетъ зависѣть отъ моихъ матеріальныхъ средствъ, количества свободнаго отъ служебныхъ занятій времени и другихъ внѣшнихъ условій.

Не лишнимъ считаю замѣтить, что многія мои статьи уже вошли въ массивный сборникъ В. Н. Шишонко: «Пермская Лѣтопись», но съ разными сокращеніями и вставками изъ статей другихъ лицъ.

Поэтому я желаю издать свои статьи вновь въ особомъ сборникѣ. Различіе между «Пермской Стариной» и «Пермской Лѣтописью» будетъ состоять, во 1-хъ, въ томъ, что первое изданіе предпринимается въ скромныхъ размѣрахъ частнымъ лицомъ исключительно на свои средства, а второе печатается на средства Пермскаго Губернскаго Земства и задумано по широкой программѣ; во 2-хъ въ томъ, что «Лѣтопись», не представляя самостоятельнаго сочиненія издателя, составляетъ лишь сводъ и перепечатку всего, что было доселѣ напечатано множествомъ лицъ и разныхъ ученыхъ обществъ и учреждений по исторіи Пермскаго края, а «Старина» есть сборникъ оригинальныхъ статей и критически обработанныхъ матеріаловъ исключительно самого издателя, перепечатываемыхъ нерѣдко въ значительно измѣненной имъ же самимъ редакціи, при чемъ и самые матеріалы большею частію вновь открыты и собраны самимъ авторомъ-издателемъ. Само собою разумѣется, что и библіографическія требованія отъ того и другаго изданія должны быть не одинаковы.

Послѣ настоящей замѣтки считаю нужнымъ привести здѣсь полный списокъ доселѣ напечатанныхъ мною статей и матеріаловъ по исторіи преимущественно Пермскаго края. Онъ покажетъ, какого рода матеріалы были находимы мною и какихъ разнообразныхъ вопросовъ въ прошлой жизни Пермскаго края касаются они. Списокъ этотъ будетъ удлинняться съ каждымъ годомъ. Въ него не вошли, конечно, мои статьи по географіи и этнографіи Пермскаго края, какъ не умѣстныя въ сборникѣ, которому присвоено названіе «Пермской Старины».

Списокъ статей автора-издателя по исторіи преимущественно Пермскаго края, напечатанныхъ въ 1882—1888 г.г.

Въ „Пермскіхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“:

1. „Картофельный бунтъ въ Россіи и новый матеріалъ къ его исторіи въ Пермской губерніи“. 1882 г. №№ 37—41.
2. „Изъ прошлой статистики солеваренія въ Соликамскомъ уѣздѣ“. 1882 г. № 71.
3. Библиографическая замѣтка къ сочиненію О. А. Волегова: „Историческія свѣдѣнія о г.г. Строгановыхъ“. 1882 г. № 81.
4. „Усольская лѣтопись О. А. Волегова“. 1882 г. №№ 96 и 97.
5. „Полюбовное соглашеніе братьевъ Строгановыхъ въ 1749 году“. 1883 г. № 37.
6. „Раздѣлъ вотчиннаго имѣнія и соляныхъ промысловъ братьевъ Строгановыхъ въ 1747 и 1749 г.г.“ 1883 г. №№ 45, 47, 51—53.
7. „Раздѣлъ имѣній г.г. Строгановыхъ въ бассейнѣ Чусовой въ 1784 г.“. 1883 г. № 68.
8. „Мѣстные историческіе документы о празднованіи коронаванія Петра II, Анны, Елизаветы, Екатерины II и Павла“. (По поводу коронаціи 1883 года). 1883 г. №№ 48, 63 и 64.
9. „Историческій очеркъ поземельныхъ отношеній на Уралѣ съ половины XVIII вѣка въ районѣ бывшихъ имѣній Григорія Дмитріевича Строганова“. 1883 г. №№ 73—79.
10. „Соликамскія лѣтописи“. 1883 г. №№ 80—82, 84—90 и 1884 г. №№ 6—17.
11. „О. А. Волеговъ, какъ историкъ Строгановыхъ“. 1884 г. №№ 30—34, 36—38.

Въ „Пермскій Епархіальный Вѣдомостяхъ“:

25. „Новоспасскій монастырь въ Москвѣ, какъ усыпальница бояръ Романовыхъ и въ числѣ ихъ — выробскаго узника Михаила Никитича Романова“. 1888 г. № 4 отъ 16 февраля.

26. „Ростовъ Великій и бывшій Григорьевъ монастырь Затворъ — мѣсто постриженія и приготовленія къ проповѣди св. Стефана Пермскаго“. 1888 г. № 19 отъ 1 октября.

Въ „Екатеринбургской Недѣль“:

27. „Чердынскій окружный начальникъ Волковъ и его сподвижники“. 1882 г. № 24.

28. „Посѣщеніе Екатеринбурга Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ въ 1837 году“. 1887 г. № 20.

29. „Очерки изъ исторіи города Перми. 1812—1832 годы“. (Продолженіе печатавшихся въ Пермск. Губ. Вѣдом.) 1888 года №№ 5, 7, 9, 11, 14, 17, 20 и 25.

Въ „Волжскомъ Вѣстникѣ“:

30. „Ирбитъ и Тюмень, какъ торговые соперники“. За 1884 г. №№ 20 и 22.

31. „О памятникѣ вогулу Чумпину на горѣ Благодати“. 1885 г. № 216.

32. „Писатель-самоучка А. Н. Зыряновъ“. 1885 г. № 224.

33. „Столѣтіе Пермской гимназіи“. 1886 г. №№ 204 и 208.

34. „Посѣщеніе Перми Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ въ 1837 году“. 1887 г. № 133.

35. „Древній Булгаръ и татарскія о немъ преданія“. 1888 г. №№ 180 и 181.

Въ „Календарь Пермской губерніи на 1883 годъ“:

36. „Историко-археологическіе очерки Чердынскаго края“.

Въ „Отчетъ Пермской классической гимназіи за 1886/
учебный годъ“:

37. „Фундаментальная библіотека Пермской гимназіи“
Историко-библіографическій очеркъ.

Въ „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“:

38. „Предсмертное увѣщаніе В. Н. Татищева сыну“.
1886 г. апрѣльская книга.

Въ журналѣ „Историческій Вѣстникъ“:

39. „Дѣловыя и литературныя диковинки“. 1886 г.
Ноябрь.

40. Въ защиту „Предсмертнаго увѣщанія В. Н. Тати-
щева сыну“. 1886 г. Декабрь.

Сверхъ того напечатано въ „Памятной книжкѣ Перм-
ской губерніи на 1889 годъ“ (издаваемой мѣстнымъ статисти-
ческимъ комитетомъ):

41. „Изъ трудовъ О. А. Волегова по исторіи Строга-
новыхъ“. „Историко-статистическія таблицы на Пермскія
имѣнія г.г. Строгановыхъ со времени пожалованія ихъ, т. е.
съ 1558 по 1850 годъ—за 292 года“.

ОТДѢЛЪ I. ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Въ первомъ выпускѣ предпринимаемаго мною изданія я помѣщаю историко-археологическую монографію о древней Перми Великой, вновь составленную мною спеціально для настоящаго изданія. Къ этому побудило меня то соображеніе, что исторія обширнаго Пермскаго края получаетъ свое начало въ области древней Перми Великой, отъ которой наша губернія получила и свое названіе. Древнѣйшая исторія Перми Великой служитъ исходною точкою для исторіи всей нынѣшней Пермской губерніи, всѣхъ ея 12 уѣздовъ.

Вопроса о древней Перми Великой я касался уже въ статьѣ: „Историко-археологическіе очерки Чердынскаго края“, напечатанной въ „Календарѣ Пермской губерніи на 1883 годъ“, изданномъ мѣстнымъ статистическимъ комитетомъ, членомъ коего я состою. Но эта статья не имѣетъ спеціальнаго характера, а представляетъ собою рядъ популярныхъ очерковъ по первоначальной исторіи Пермскаго края. Она написана была довольно поспѣшно, къ опредѣленному сроку, а именно къ предстоявшему 18 октября 1881 г. столѣтнему юбилею Перми и Пермской губерніи. Не оконченная въ свое время по недостатку времени и сданная въ черновомъ, такъ сказать, видѣ въ статистическій комитетъ, она попала затѣмъ въ такомъ же видѣ въ печать, по усмотрѣнію тогдашняго секретаря комитета. Само собой разумѣется, что, составленная при такихъ обстоятельствахъ, статья носитъ на себѣ отпечатокъ поспѣшности и теперь, чрезъ семь лѣтъ, совершенно уже не удовлетворяетъ самого автора. Отъ нѣкоторыхъ прежнихъ положеній, высказанныхъ въ ней, я теперь долженъ отказаться въ силу болѣе близкаго ознакомленія съ исторіей и археологіей Перми Великой. Таковъ въ особенности труднѣйшій для рѣшенія вопросъ о самомъ объемѣ, границахъ и административномъ дѣленіи Перми Великой.

вѣкъ отважные новгородцы ходили за Уралъ, въ страну Югры, для собиранія съ нея дани, а путь ихъ лежалъ, конечно, чрезъ землю Пермскую. Отодвигая такимъ образомъ фактъ перваго появленія русскихъ въ Пермскомъ краѣ приблизительно къ XI вѣку, мы углубляемся затѣмъ въ еще болѣе отдаленное отъ насъ и потому еще менѣе извѣстное намъ время исключительнаго господства инородцевъ въ этомъ обширномъ краѣ. Это—темный и длинный до-славянскій періодъ, называемый иногда *чудскимъ*, иначе—доисторическая эпоха въ жизни Пермскаго края.

Все сказанное даетъ намъ достаточно прочное научное основаніе установить въ жизни Пермскаго края слѣдующіе *главные* періоды, которые въ свою очередь могутъ быть подраздѣлены на второстепенныя части:

I. *Доисторическій періодъ* съ его обычнымъ подраздѣленіемъ на три части, продолжающійся для Перми приблизительно до XI вѣка,—время самостоятельнаго, политически независимаго существованія пермскихъ инородцевъ, часто объединяемыхъ въ народной памяти подъ общимъ названіемъ *Чуди*. Памятниками его служатъ нѣкоторые древнія народныя преданія, прежнія и современные географическія названія рѣкъ, горъ, урочищъ, древнѣйшихъ поселеній и т. д. и многочисленныя *городища* съ ихъ каменными, костяными, бронзовыми, мѣдными и желѣзными вещами, находимыми и по сіе время. Древнѣйшіе обладатели такихъ вещей въ наукѣ получили названіе „Пермской Чуди“.

II. *Новгородскій періодъ* приблизительно съ XI и до XV вѣка—время, такъ сказать, вассальной зависимости Пермской земли отъ Новгорода Великаго. Важнѣйшими источниками для его изученія служатъ Новгородскія лѣтописи, договорныя грамоты Новгорода съ великими князьями Тверскими и Московскими, Епифаніево житіе св. Стефана Пермскаго XIV в. и отчасти другія древне-русскія лѣтописи. Переходъ отъ новгородской зависимости къ московской совершался для

Пермской страны постепенно, болѣе или менѣе продолжительное время, но окончательное завоеваніе Пермской земли Іоанномъ III относится къ 1472 году.

III. *Московский періодъ*, съ его подраздѣленіями на отдѣльныя части, продолжался, какъ и въ другихъ областяхъ Русскаго государства, до XVIII вѣка. Это—время полного подчиненія Пермской земли Москвѣ.

Дальнѣйшая исторія Пермскаго края довольно рѣзко подраздѣляется на двѣ главныя части—до открытія особаго Пермскаго намѣстничества въ 1781 году и послѣ того. Впрочемъ, это подраздѣленіе является общимъ для всего нашего государства, за исключеніемъ немногихъ мѣстностей.

I.

Современное состояніе вопроса о Финнахъ вообще, такъ называемой Чуди и въ частности о народѣ Пермь (Пермякахъ).

До учрежденія громадной Сибирской губерніи при Петрѣ Великомъ въ 1708 году, съ подраздѣленіемъ ея въ 1719 году на три провинціи—Вятскую, Соль-Камскую и Тобольскую, сѣверо-западная часть нынѣшней Пермской губерніи, отъ вологодской границы до рѣки Чусовой включительно, во всѣхъ правительственныхъ актахъ постоянно именовалась *Пермью Великою*. Названіе это весьма древняго происхожденія, поэтому давно занимало очень многихъ ученыхъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ и создало уже большую литературу. Дѣло въ томъ, что историческіе источники допускаютъ значительную неопредѣленность и сбивчивость въ употребленіи слова *Пермь* то безъ всякихъ опредѣленій, то съ прибавленіемъ „Великая“, „Малая“, „Старая“. Трудно подвести итогъ всему, что было высказано въ разное время многими учеными относительно значенія этихъ словъ. Въ

одномъ, думается, мы не ошибемся, если скажемъ, что вопросъ этотъ въ наукѣ всё еще не получилъ окончательнаго и вполне удовлетворительнаго разрѣшенія; все еще слишкомъ много мѣста отводится въ данномъ случаѣ догадкамъ и личнымъ предположеніямъ, болѣе или менѣе смѣлымъ, рѣшительнымъ. Рѣдкая путаница въ рѣшеніи этого вопроса въ значительной степени объясняется тѣмъ, что названіе *Пермь*, и безъ того употребившееся, какъ видимъ, въ неодинаковомъ каждый разъ смыслѣ, многіе ученые вздумали сближать и даже отождествлять съ скандинавскимъ словомъ *Fiarmia*, смыслъ котораго для насъ, конечно, еще болѣе теменъ, загадоченъ. Другою причиною запутанности вопроса о древней Перми служило то обстоятельство, что ученые старались одновременно рѣшить двѣ задачи, дѣйствительно имѣющія между собою самое близкое соотношеніе—что такое была Пермь, какъ страна, и Пермь, какъ народъ? въ какихъ границахъ заключалась эта страна съ одноименнымъ ей населеніемъ? каковаго происхожденія это населеніе? на какой степени культурнаго развитія стояла Пермь? и т. д. Ясно, что этотъ сложный историческій вопросъ представляетъ собою двѣ стороны и требуетъ двухъ рѣшеній. Принимая за Пермь Великую сѣверо-западную часть Пермской губерніи до рѣки Чусовой включительно и откладывая доказательства этого до слѣдующихъ главъ, мы займемся сперва вопросомъ о древнихъ обитателяхъ Перми.

Разбираясь въ массѣ всевозможныхъ мнѣній о древнихъ Финнахъ, высказанныхъ только въ нашемъ вѣкѣ (о прошломъ мы уже не станемъ говорить), замѣчаемъ, что этнологическая сторона вопроса болѣе занимала всѣхъ ученыхъ, нежели сторона топографическая. Какъ извѣстно, изслѣдованіе происхожденія финскихъ народовъ, съ незапамятныхъ временъ заселившихъ сѣверъ Россіи, создало въ наукѣ нашего вѣка цѣлую *алтайскую теорію* происхожденія финскаго племени, особенно хорошо разработанную въ трудахъ извѣст-

наго финнолога *Кастрена* *). Но не успѣла еще упрочиться эта теорія, какъ подъ вліяніемъ венгерскаго ученаго *Антона Регули* и его послѣдователя *Паули Гирфальви*, издатели «Наслѣдствіа Антона Регули» (Пештъ. 1864 г.), а затѣмъ финляндскаго ученаго *Августа Альквиста* возникаетъ *угорская теорія* общаго происхожденія Остяковъ, Вогуловъ и Венгровъ, полагавшая уже мѣстомъ первобытнаго ихъ появленія сѣверъ Европейской Россіи (мнѣніе *Д. Европеуса*), также Уралъ (мнѣніе *Макса Мюллера*) и т. д. и обособлявшая остальныхъ финновъ, и въ томъ числѣ нашихъ Ызянъ, Пермьковъ и Вотьяковъ, въ особыя группы, число которыхъ у разныхъ ученыхъ не одинаково **).

Одновременно съ раздѣленіемъ всѣхъ финновъ то на 2, то на 3, то на 4 вѣтви, въ наукѣ возникаетъ не менѣе спорный вопросъ о племени *Чудь*, съ одной стороны упоминаемомъ въ древнѣйшихъ источникахъ русской исторіи, какова наша первоначальная лѣтопись, а съ другой—сохранившемся въ народныхъ преданіяхъ до сихъ поръ. Исслѣдователи этого вопроса опять раздѣляются на разныя группы:

*) Изъ трудовъ *Кастрена* особенно важное значеніе имѣетъ изданный академикомъ *Шифнеромъ*, «*Ethnologische Vorlesungen ueber die altaischen Völker*», J.-Petersh. 1857 г. и весьма интересныя его «Путешествія и писма» въ 1838—41 г.г. и 1845—49 г.г., въ русскомъ переводѣ въ «Магазинѣ земледѣлія и путешествій» Флорова. Москва. 1860 г. томъ VI.

**) *Европеусъ* всѣхъ финновъ дѣлитъ на двѣ группы: Угорскую и Чудскую или собственно Финскую. *Кастренъ* восточную вѣтвь Финскаго племени подраздѣляетъ на три группы: Волжскую, Камскую и Уральскую. Знаменитый представитель школы сравнительнаго языковѣдѣнія, *Максъ Мюллеръ*, всѣхъ финновъ дѣлитъ уже на четыре вѣтви: Угорскую, Булгарскую, Пермскую и Чудскую (см. его «Лекціи по наукѣ о языкѣ» (переводъ съ англійскаго, СПб. 1865 г., стр. 241—243 и 308). *Европеусъ* печаталъ свои изслѣдованія объ угорскихъ народахъ въ журналѣ «*Suomi*» 1868 г. издававшемъ «Финскимъ литературнымъ обществомъ въ Гельсингфорсѣ». На русскомъ языкѣ см. его статью: «Къ вопросу о народахъ, обитавшихъ въ средней и сѣверной Россіи до прибытія Славянъ» въ «Журналѣ Министера Народн. Просвѣщ.» 1868 г., июль, стр. 67 и др. *Альквистъ* печаталъ свои труды также въ Гельсингфорсѣ; таковы: «*Ethnographische Schilderung der Wogulen*», «*Unter Ostjaken und Wogulen*», 1882 г. и другіе. Объ остякахъ важныя сообщенія въ послѣднее время сдѣлалъ еще *Н. Д. Гондатти*. Литература о Финнахъ вообще очень обширна.

одни, и преимущественно поклонники прославленной Біарми или Біармландіи, утверждали, что нынѣшніе финскіе обитатели русскаго сѣвера суть *прямые* потомки древней Чуди; другіе скептически отвергали это положеніе, ссылаясь на его преждевременность при современномъ запасѣ нашихъ свѣдѣній по антропологіи финновъ нынѣшнихъ и прежнихъ*). Одни видѣли въ названіи Чудь обобщеніе всѣхъ финновъ, *чуждыхъ* по происхожденію и языку русскимъ; такъ, С. М. Соловьевъ слово „Чудь“ считаетъ русскимъ названіемъ всего племени, „Финны“ — пѣмекимъ, „Суомалайны“ — своенароднымъ („Исторія“, I, 76). Другіе, строго держась древнелѣтописной этнографической номенклатуры, приурочивали это названіе только къ обитателямъ Заволочья и Балтійскаго побережья; наприм. Максъ Мюллеръ, называющій Чудскою только одну изъ четырехъ вѣтвей финскаго племени, и Н. И. Костомаровъ**). Не говоримъ уже про болѣе широкую классификацію народовъ всего Туралскаго племени, гдѣ разногласіе ученыхъ часто бьетъ въ глаза, доказывая тѣмъ самымъ все еще недостаточное знакомство ихъ съ многочисленными языками этого племени. Довольно сказать, что Волжско-Камскихъ Булгаръ нѣкоторые считаютъ финнами (Мюллеръ), другіе приписываютъ имъ даже славянское происхожденіе (Д. И. Иловайскій)***).

Въ частности относительно занимающей насъ Перми изъ многихъ мнѣній, доселѣ высказанныхъ учеными, пока

*) Лучшія изслѣдованія по вопросу о Чуди безспорно принадлежатъ академику Шерену (Sjögren) въ его «Historisch—ethnographische Abhandlungen ueber die finnisch—russischen Norden». St.-Petersb. 1861 г. Рядѣ его о Чуди написалъ прекрасныя статьи профессоръ Эйхвальдъ: 1) «Чудскія племена въ Россіи» въ «Вѣстникѣ естественныхъ наукъ» 1855 г. № № 7—9 и 2) «О чудскихъ копияхъ» въ «Запискахъ Императ. Русскаго Археологич. Общества» т. IX, стр. 269—370. Каждый финнологъ неизбежно встрѣчается съ вопросомъ о древней Чуди.

**) «Сѣверно-русскія народоправства» СПб. 1863 г., т. I, стр. 17, 402.

***) «Исторія Россіи» ч. I-я: Кіевскій періодъ. Москва 1876 г., стр. 26 и прилѣжаніе 7-е Д. И. Иловайскій основываетъ мнѣніе о славянствѣ Булгаръ на показаніяхъ арабскихъ писателей Ибнъ-Фадлана и Масуди.

можно вывести одно болѣе или менѣе устойчивое научное заключеніе, что *нынѣшніе Пермьки суть прямой остатокъ прежней Перми*, упоминаемой въ древнихъ памятникахъ письменности, по которымъ и можно прослѣдить постепенное видоизмѣненіе прежняго названія. Такъ въ „Уставной грамотѣ Чердынцевъ и Усольцевъ“ 1553 года упоминаются Пермичи, Великопермцы и *Пермяки*—нынѣшняя форма народнаго названія *). Что же касается непосредственной генетической связи самаго народа Пермь съ Чудью, то этотъ вопросъ въ наукѣ все таки остается открытымъ.

Затѣмъ что касается племеннаго отношенія нынѣшнихъ Пермьковъ къ другимъ финскимъ народамъ, то по языку они почти нисколько не отличаются отъ Зырянъ и очень близки къ Вотякамъ, составляя съ ними несомнѣнно одну этнографическую семью. Такого мнѣнія держались ученые *Келленъ*, *Видеманъ*, *Шегренъ*, *Максъ Мюллеръ* и другіе. Послѣдній Пермьковъ, Зырянъ и Вотяковъ принимаетъ за одну, такъ называемую имъ, *пермскую вѣтвь* финскаго или уральскаго класса Туранскаго семейства народовъ. „Пермская вѣтвь, говоритъ онъ, заключаетъ идіомы Вотяковъ, Зырянъ и Пермьковъ—три діалекта одного языка“ („Лекціи“, стр. 243). Шегренъ признаетъ древнюю Пермь за непосредственныхъ предковъ нынѣшнихъ Пермьковъ, а подъ Печерой, въ источникахъ упоминаемой рядомъ съ Пермью, разумѣетъ Зырянъ. Но лучше всего близкое родство Пермьковъ съ Зырянами и Вотяками доказано изслѣдованіями *И. И. Саввантова* и *Н. А. Рогова*, изъ коихъ первый—уроженецъ Вологодскаго, а другой—Пермскаго края и оба отлично изучили эти финскія нарѣчія каждый на своей родинѣ. Относительно

*) Грамота напечатана въ книгѣ Берха: «Путешествіе въ города Чердынь и Соликамскъ». СПб. 1821 г., гдѣ см. стр. 129. Въ этомъ документѣ слово «Пермякъ» встрѣчается едва-ли не впервые въ предѣлахъ Пермской губерніи. А на Двинѣ оно употреблялось еще въ 1471 году. См. «Акты Археогр. Экспедиціи» т. I, № 94.

же Вотяковъ укажемъ на ученые труды *Видемана*, изданные на нѣмецкомъ языкѣ *).

Таковы взаимныя этнографическія отношенія трехъ народовъ, населяющихъ теперь губерніи Пермскую, Вологодскую, отчасти Архангельскую и Вятскую. Нѣтъ основаній сомнѣваться въ еще большей родственной близости ихъ въ древнія времена. Это слѣдуетъ уже изъ того, что Пермяки и Зыряне долго объединялись въ одномъ наименованіи *Пермянъ*, что видимъ между прочимъ въ извѣстномъ Епифаніевомъ житіи св. Стефана Пермскаго XIV вѣка.

II.

Степень культурнаго развитія обитателей древней Перми, по даннымъ раскопокъ. Скептики Біарміи.

Указавъ мѣсто Пермяковъ, прямыхъ потомковъ древней Перми, въ обширной семьѣ финскихъ народовъ, остановимся теперь на вопросѣ о степени культурнаго развитія обитателей Перми въ древнѣйшія времена. И этотъ вопросъ въ наукѣ относится къ числу весьма спорныхъ, какъ все, касающееся древнѣйшей эпохи Финновъ. Причина этого таже —

*) Николай Абрамовичъ *Роговъ*, мнѣ лично и близко знакомый, и сейчасъ живетъ въ селѣ Ильинскомъ Пермскаго уѣзда и губерніи, состоя на службѣ у графа С. А. Строганова. Его «Опытъ грамматики Чермяцкаго языка» (СПб. 1860 г.) во многомъ напоминаетъ по приемамъ изложенія «Зырянскую грамматику» *Н. А. Саввантова*, что при ближайшемъ родствѣ этихъ двухъ народовъ было необходимо и сдѣлано по совѣту академика *Щерена*. «Чермяцко-Русскій и Русско-Чермяцкій словарь» Н. А. Рогова (СПб. 1869 г.) доселѣ остается единственнымъ въ своемъ родѣ трудомъ по отношенію къ Пермяцкой народности. Н. А. Роговъ долго жилъ въ самомъ центрѣ Чермяцкаго населенія, въ такъ назыв. Ильинской дачѣ Строгановыхъ Соликамск. уѣзда, гдѣ и производилъ всѣ свои наблюденія надъ Пермяками. Относительно Зырянъ въ послѣднее время получили громкую извѣстность изслѣдованія г. *Лыткина*, о коихъ будетъ рѣчь впереди. О Вотякахъ весьма важны труды *Видемана*: «Grammatik der wotjakischen Sprache». Reval. 1851 г. и къ ней словари вотяцко-нѣмецкій и нѣмецко-вотяцкій. Тотъ же Видеманъ составилъ грамматику языковъ Зырянскаго и Черемисскаго; обѣ вышли въ Ревелѣ въ 1847 году.

отсутствіе положительных научных данных и крайняя неопредѣленность и шаткость существующихъ о древней Перми свидѣтельствъ. Отдаленное прошлое Перми скрыто отъ насъ такимъ же, почти непроницаемымъ для взора историка, туманомъ, какой господствуетъ до сихъ поръ въ исторіи древней Скѣіи. Всѣ изслѣдователи древнѣйшей Перми раздѣлились на двѣ, рѣзко очерченныя, группы: на поклонниковъ цѣкогда славной будто-бы Біарміи, именовавшейся у русскихъ Славянь Пермью, и на скептиковъ, считающихъ эту прославленную Біармландію столько же плодомъ фантазіи скандинавскихъ скальдовъ, сколько и простого недоразумѣнія позднѣйшихъ ученыхъ. Одни считали важнѣйшимъ источникомъ для изученія древней Перми скандинавскія саги, сбивчивыя и смутныя свидѣтельства арабскихъ писателей и находки въ предѣлахъ бывшей Біарміи древнѣйшихъ восточныхъ монетъ и разныхъ золотыхъ и серебряныхъ вещей необыкновенной древности. Таковы наприм. въ нашемъ вѣкѣ *Расмуссенъ* и *Сениковский*, а за ними даже *Нивель Савельевъ*, авторъ извѣстной „Мухаммеданской нумизматики въ отношеніи къ Русской исторіи“ (СПБ. 1847 г.), *Гаркави*, авторъ „Сказаній мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ“ (СПБ. 1870 г.), *И. Полевой*, авторъ „Очерковъ Русской исторіи въ памятникахъ быта“ (СПБ. 1879 г., т. I, стр. 145—152)*. Другіе ученые за непреложныя свидѣтельства

*) Со словъ пльнанаго шведа *Табберта фонъ Штраленберга*, написавшаго сочиненіе „Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asien“ (Stokholm. 1780 г.), Біармію восхваляли цѣлою многіе ученые, напр. *Ломоносовъ*, *Чулковъ* въ извѣстномъ „Описаніи Россійской Коммерціи“ и другіе. Въ нашемъ вѣкѣ, на основаніи сказаній арабскихъ писателей и средневѣковыхъ географовъ Копенгагенскій профессоръ *Расмуссенъ* написалъ „Историческій и географическій опытъ о торговлѣ и сношеніяхъ Арабовъ и Персовъ съ Россіею и Скандинавіею“ (переводъ въ „Русскомъ Зрителѣ“ 1828 г., ч. 2-я, №№ VII и VIII), гдѣ также отдаетъ дань уваженія древнимъ Біармійцамъ и Сириніанійцамъ, какъ онъ величаетъ древнихъ Зырянъ. Немного спустя, нашъ извѣстный баронъ *Брамбеусъ* (*Сениковский*) въ своихъ статьяхъ о скандинав. сагахъ не пропустилъ случая въ томъ же хвалебномъ духѣ поговорить о древней Біарміи (см. „Библиотеку для чтенія“ за 1834 г., т. 1 и 2). Было не мало и другихъ хвалителей этой страны, но перечислять ихъ было бы и долго, и бесполезно.

о культурномъ состояніи древняго народа Пермь и Чуди (если только это одно и то же) принимаютъ только то, что въ настоящее время говорятъ намъ достовѣрнѣйшіе источники—лѣтописи, затѣмъ многочисленныя „чудскія городища“ съ ихъ остатками глубокой старины и данныя антропологій (или собственно краніологій) и филологій. Уже трезвый умъ *Карамзина* не могъ помириться съ увѣреніями разныхъ хвалителей Біарміи, и въ первомъ же томѣ его „Исторіи Государства Россійскаго“ мы читаемъ слѣдующія достопамятныя для своего времени слова: „Исландскія повѣсти наполнены сказаніями о сей великой Финской области; по баснословію ихъ можетъ быть любопытно для однихъ леж-
атьныхъ“ (Изд. Смирдина, т. I, стр. 42). *С. М. Соловьевъ* также не придаетъ значенія старымъ баснямъ о Біарміи и свои воззрѣнія на Финновъ основываетъ главнѣйшимъ образомъ на древне-русской лѣтописи, при чемъ, по его мнѣнію, разные финскіе народы, подобно славянскимъ, стояли не на одинаковой степени культурнаго развитія. („Исторія Россіи“, т. I, стр. 76—79). Авторитетный историкъ нашего времени *Д. И. Иловайскій* недавно высказалъ со своей стороны сомнѣніе въ высокой культурѣ Біарміи. („Исторія Россіи“. Москва 1880 г. ч. 2-я, примѣчаніе къ ней 24).

Въ послѣднее время вопросъ о культурѣ древней Чуди изъ рукъ историковъ переданъ въ руки натуралистовъ и разрѣшается преимущественно на почвѣ естествознанія, что въ отношеніи исчезнувшихъ народностей весьма цѣлесообразно въ научномъ отношеніи. Правда, и многіе филологи, особенно финляндскіе и венгерскіе, дѣятельно занимаются изученіемъ прежнихъ и нынѣшнихъ финновъ, но имъ врядъ-ли удастся когда нибудь разрѣшить вопросъ о племени древней Чуди и ея генетическомъ отношеніи къ другимъ племенамъ за полнымъ, совершеннымъ отсутствіемъ древнѣйшихъ письменныхъ памятниковъ ея языка. Поэтому о древней Чуди и ея культурѣ остается судить только по вещественнымъ памятникамъ,

добываемымъ путемъ курганныхъ раскопокъ. И нужно отдать справедливость той энергіи и настойчивости, съ какою ведется это дѣло повсемѣстно въ Россіи съ легкой руки незабвеннаго графа *А. С. Уварова*, отца русской доисторической археологіи. Въ настоящее время наши ученые общества, во главѣ съ Московскимъ Археологическимъ, уже обладаютъ весьма значительнымъ количествомъ курганныхъ вещей доисторической эпохи, систематическое описаніе которыхъ въ отношеніи каменнаго вѣка предпринялъ самъ покойный инициаторъ этого дѣла въ своемъ классическомъ трудѣ „Археологія Россіи“ (т. I и II, Каменный періодъ. Москва. 1881 года). Всѣмъ достаточно извѣстно, что дали до сихъ поръ наукѣ наши курганныя раскопки. Теперь въ рѣдкомъ даже провинціальномъ музеѣ ученаго общества не встрѣтишь особаго отдѣла доисторическихъ древностей. Каждое лѣто ученые общества командируютъ въ разныя мѣстности своихъ членовъ для изслѣдованія древнихъ городищъ и кургановъ, кладбищъ, костищъ и т. п. — на всемъ необъятномъ пространствѣ отъ Варшавы до Иркутска, отъ Улеоборга до Эривани и Самарканда. Годъ отъ году все больше поднимается та завѣса, которая скрываетъ отъ пытливаго взора ученыхъ отдаленнѣйшія доисторическія времена нашего отечества. Конечно, ученые не обошли вниманіемъ и Пермскую губернію, тѣмъ болѣе что Уралъ иногда принимается, какъ мы видѣли, за первобытную родину нѣкоторыхъ народностей.

Что же сдѣлано доселѣ по доисторической археологіи Пермскаго края? У насъ было до сихъ поръ три замѣчательныхъ мѣстныхъ изслѣдователи костищъ, городищъ и кургановъ: въ зауральской половинѣ губерніи Мих. Виктор. *Малаховъ* († 1885 г.) и Александръ Никиф. *Зыряновъ* († 16 ноября 1884 г.), а въ приуральской — Александръ Ефимов. *Теплоуховъ* († 17 апрѣля 1885 г.). Находки первыхъ двухъ теперь составляютъ собственность музея „Уральскаго Общества любителей естествознанія“ въ г. Екатеринбургѣ и частью

„Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“ въ С.-Петербургѣ, гдѣ М. В. Малаховъ нѣкоторое время состоялъ секретаремъ, а древности А. Е. Теплоухова теперь находятся въ рукахъ его сыновей въ с. Ильинскомъ Пермскаго уѣзда и губерніи, при чемъ коллекція эта дѣятельно пополняется въ настоящее время *Гед. Ал. Теплоуховымъ**). Кромѣ того было и есть нѣсколько другихъ любителей по части собиранія древнихъ вещей, при чемъ, къ сожалѣнію, за это дѣло берутся иногда люди безъ малѣйшей къ нему подготовки. Но пріѣзжихъ съ археологической цѣлью ученыхъ въ нашей губерніи перебывало много, и не далѣе какъ лѣтомъ 1887 г. отъ Московскаго Археологическаго Общества были командированы сюда профессоръ-антропологъ *Д. Н. Анучинъ* и извѣстный изслѣдователь Остяковъ *Н. Л. Гондатти*—для изученія преимущественно бронзоваго вѣка на пермскомъ Уралѣ. Значительная часть пермскихъ доисторическихъ древностей теперь находится такимъ образомъ за предѣлами нашей губерніи. Намъ извѣстно, что покойный А. Е. Теплоуховъ отправлялъ даже нѣкоторые интересныя археологическія находки въ музеи заграничныхъ ученыхъ обществъ**).

Въ частности въ предѣлахъ бывшей Перми Великой, т. е. уѣздахъ Чердынскомъ, Соликамскомъ, Пермскомъ, Оханскомъ и частию Кунгурскомъ и Слободскомъ Вятской губерніи,—изслѣдованіе городищъ началось еще въ прошломъ вѣкѣ. Первые описанія ихъ мы находимъ въ путешествіи капитана *Рыкова* 1769—70 г.г. Осмотрѣвъ городища Вятскаго края и въ числѣ ихъ городище въ пяти верстахъ отъ Глазова, на правомъ берегу Чепцы, и городище у села

*) Во всей Пермской губерніи только и существуетъ два богатыхъ собранія мѣстныхъ доисторическихъ древностей—въ г. Екатеринбургѣ и селѣ Ильинскомъ Пермскаго уѣзда.

**) Небогатые результаты экскурсій Анучина и Гондатти см. въ «Указателѣ выставки при VII Археологическомъ Сѣздѣ» (Ярославль. 1887 года). О пермскихъ доисторическихъ древностяхъ, разбланныхъ теперь повсюду, см. «Археологію Россіи» графа *Ал. С. Уварова* (Москва. 1881 г.) т. II, стр. 9 и 108 и рисунки при немъ.

Балезина, Рычковъ вступилъ въ предѣлы Соликамскаго уѣзда. На пути по этому краю онъ видѣлъ городище въ 2 верстахъ отъ с. Рождественскаго на р. Обвѣ, подробно имъ описанное (стр. 74—76), гор. у села Купросъ (стр. 78), у Майгора (тамъ же) и въ 15 верстахъ отъ него на р. Инвѣ (стр. 79), у села Городищенскаго на Камѣ (стр. 81), близъ Висимскаго завода (стр. 82). Затѣмъ Рычковъ останавливается на городищахъ Чердынскаго края: по р. Колвѣ — у села Покчи (115 стр.), у с. Вильгортъ (тамъ же), у с. Искоръ (115—116), затѣмъ описываетъ „камни“ по р. Колвѣ: Ветланъ, Дивій (116—118) съ его пещерою (118—122) и Боецъ; далѣе опять городища — въ 5 верстахъ отъ села Ныроба и у деревни Губипой, на берегу Камы, въ 25 верстахъ отъ Чердыни, которое Рычковъ считаетъ пѣкогда главнѣйшимъ поселеніемъ Чуди и описываетъ особенно подробно (стр. 125—126). „Я съ великимъ примѣчаніемъ, пишетъ онъ, разсматривалъ всѣ городища, находящіеся внутри и внѣ предѣловъ Пермской провинціи: но сіе изъ всѣхъ городищъ есть превосходнѣйшее“ (стр. 126). Проѣхавъ затѣмъ опять въ Соликамскій и Пермскій уѣзды, Рычковъ посмотрѣлъ городище на Камѣ близъ деревни Старой Горевой, въ 23 верстахъ отъ Висимскаго завода, и городище въ 2 верстахъ отъ устья р. Чусовой у Алебастровой горы (130—132)*).

Въ 1810-хъ годахъ Василій Никол. *Верхъ*, чиновникъ Пермской казенной палаты, а впослѣдствіи извѣстный „исторіографъ русскаго флота“ и историкъ трехъ первыхъ царей изъ дома Романовыхъ, изслѣдовалъ нѣсколько Чердынскихъ городищъ, а именно: „Чудское городище“ на лѣвомъ берегу Камы въ Пянтежской волости и такія же городища у деревни Уроль и села Искоръ, что въ 10 верстахъ къ югу отъ историческаго села Ныробъ. Въ первомъ городищѣ не оказалось

*) «Журналъ или дневныя записки путешествія» капитана Рычкова въ 1769—1770 г.г. СПб. 1770 г. О древнихъ пещерахъ въ Перм. Великой см. у Ленекина: «Продолженіе дневныхъ записокъ», ч. III, СПб. 1780 г.

ничего кромѣ шлака и угля, во второмъ Берхъ нашель битыя изъ глины печи, а въ Искорѣ—нѣсколько желѣзныхъ вещей, мѣдныя серыи и серебряное кольцо*). В. Н. Берхъ три раза ѣздилъ въ Чердынь и Соликамскъ, очень старательно собиралъ историческія свѣдѣнія о тѣхъ мѣстахъ**) и пришелъ къ совершенно отрицательнымъ заключеніямъ о мнимомъ величіи и славѣ древней Біарміи и Біармійцевъ, а также и самаго города Чердыни. „Всѣ почти историки наши, говоритъ почтенный изслѣдователь, сочинители географическихъ словарей и Чулковъ въ плодovitомъ описаніи своемъ о Россійской коммерціи утверждаютъ единогласно или, лучше сказать, *повторяютъ безъ всякаго изысканія*, что нынѣшняя Пермь есть Біармія древнихъ. Въ опроверженіе сего несправедливаго заключенія помѣщу я здѣсь отрывокъ изъ сочиняемой мною исторіи географическихъ открытій Россіянъ“ („Путешествіе“, стр. 60). Сдѣлавъ затѣмъ очень обстоятельный разборъ мнѣній о Біарміи разныхъ ученыхъ XVIII вѣка, какъ русскихъ, Чулкова въ особенности, такъ и иностранныхъ, преимущественно шведскихъ, приведя даже свидѣтельства Цицерона, Плинія и Халкондилы, Берхъ приходитъ къ такимъ заключеніямъ: „Удивляюсь толь неосновательнымъ заключеніямъ!“ (стр. 70); „какъ неопредѣлительны настоящія границы бывшей Біарміи!“ (стр. 68); „полагаютъ, что Великою названа Пермія по своей знаменитости, но едва-ли сіе заключеніе справедливо“ (стр. 70); „я имѣлъ случай быть троекратно въ городѣ Чердыни, собиралъ съ особеннымъ любопытствомъ всѣ старинныя преданія, разрывалъ съ жадностью тѣ кучи земли, которыя, какъ мнѣ сказывали,

*) Подробное описаніе этихъ городищъ см. въ очень интересной книгѣ В. Н. Берха: «Путешествіе въ города Чердынь и Соликамскъ для изысканія историческихъ древностей» (СПБ. 1821 г.), стр. 89—98. Мы много разъ будемъ еще ссылаться на нее.

**) См. «предувѣдомленіе» къ его книгѣ. А въ самомъ текстѣ книги на стр. 85 Берхъ говоритъ: «Нельзя не пожалѣть, что знаменитый исторіографъ нашъ Миллеръ обратилъ такое слабое вниманіе на Чердынь, что даже самъ туда не ѣздилъ, а выписывалъ въ Соликамскъ бужаги тамошняго архива».

изображаютъ древнія укрѣпленія, и заключилъ *напоследокъ, что здѣсь не могъ обитать народъ просвѣщенный*“ (стр. 66); „ежели бы жители мѣстъ сихъ были дѣйствительно на такой степени просвѣщенія, на какой намъ ихъ хотятъ представить, то памятники величества ихъ достигли бы и до нашихъ временъ, подобно какъ въ Италіи, или какъ при берегахъ Волги и Камы открываютъ и до сихъ поръ остатки прежнихъ огромныхъ зданій“ (стр. 65—66). Приведя затѣмъ очень простое, но вполне естественное соображеніе, что и св. Стефанъ, по всѣмъ даннымъ, напелъ Пермьковъ народомъ грубымъ, полудикимъ, Берхъ вполне логически заключаетъ: „Слѣдовательно, народъ сей занимался ловлею звѣрей и былъ очень далекъ отъ всякаго просвѣщенія“ (стр. 67).

Вотъ результаты самымъ добросовѣстныхъ *мнѣніемъ* историко-археологическихъ розысканій почтеннаго ученаго, предпринятыхъ еще въ 1810-хъ годахъ. Мы видѣли, что и незабвенный Н. М. Карамзинъ, котораго врядъ-ли кто либо рѣшится назвать пристрастнымъ историкомъ, пришелъ еще ранѣе къ такимъ же воззрѣніямъ на древнюю Біармію. Послѣ Берха въ разное время въ предѣлахъ древней Перми Великой было сдѣлано не мало археологическихъ находокъ, но всѣ онѣ лишь подтверждали еще больше справедливость его ученыхъ заключеній о *мнимой* славѣ Біарміи. Подробно перечислять ихъ здѣсь мы не станемъ и отсылаемъ за справками интересующихся даннымъ вопросомъ къ прекрасной книгѣ Д. Д. Смышляева: „Источники и пособія для изученія Пермскаго края“ (Пермь. 1876 года).

Новѣйшія раскопки, сдѣланныя по приѣмамъ, усвоеннымъ современною археологіею, въ Чердынскомъ, Соликамскомъ и Пермскомъ уѣздахъ, а равно въ восточной части Глазовскаго и Слободскаго уѣздовъ Вятской губерніи, производилъ А. И. Ивановъ, членъ „Общества естествоиспытателей при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“, по порученію его, въ 1879—1880 г.г. Онъ проплылъ Каму отъ самаго ея истока

и старательно изслѣдовалъ многія прикамскія городища въ перечисленныхъ выше уѣздахъ, напечатавъ результаты въ „Трудахъ“ упомянутаго общества (т. X, вып. 1-й 1881 г.), въ статьѣ: „Матеріалы къ антропологии Пермскаго края“.

Въ Глазовскомъ уѣздѣ первыя находки каменныхъ орудій г. Ивановъ сдѣлалъ въ дер. Гордино (Кривецкое), д. Сергиной, Бисеровѣ, затѣмъ у села Егорьевскаго онъ осмотрѣлъ Большую Рудную или *Чудскую* гору, откуда вступилъ въ предѣлы уѣзда Слободскаго. Тутъ онъ производилъ изслѣдованія въ Лойнахъ и с. Гідаевѣ, гдѣ записалъ нѣкоторыя повѣрья и преданія о Чуди. Еще ниже по Камѣ онъ достигъ границы Пермской губерніи и продолжалъ путь уже по Чердынскому уѣзду, въ которомъ осмотрѣлъ городища: Кудесевское на Камѣ, Пятигорское на той же рѣкѣ, два городища въ окрестностяхъ села Уролки, городища съ остатками валовъ въ ю.-зап. части уѣзда близъ деревень Чизевой, Большой Кочи и Пельма, два городища близъ села Косы, на р. Лологѣ; городища Губинское и Пянтегское на Камѣ. Сверхъ того въ восточной части уѣзда г. Ивановъ упоминаетъ городища Дивье и Бобыльское на р. Колвѣ.

При раскопкахъ г. Ивановъ находилъ кромѣ обыкновенныхъ костяныхъ и каменныхъ вещей палеолитической эпохи не мало вещейъ бронзовыхъ, мѣдныхъ и даже серебряныхъ; но послѣднимъ онъ приписываетъ болгарское происхожденіе и только вещи грубой отдѣлки считаетъ дѣломъ рукъ Чуди, на основаніи различныхъ научныхъ соображеній. Общее его заключеніе о Чердынскихъ городищахъ таково. „Первое условіе, что требовалось для Чуди—неприступность жилья, говоритъ онъ. Городища строились на высокихъ мѣстахъ, скаты искусственно дѣлались круче; у подножія горы съ одной стороны болото, съ другой—рѣка или озеро. Отъ смежной высоты городищенская площадка отдѣляется тройной системой валовъ, идущихъ отъ одного обрыва къ другому. Площадка мала; на ней, если только тамъ были

строения, могло помѣститься не болѣе 10—30 дворовъ. Строенія могли быть только деревянныя: нигдѣ никакихъ слѣдовъ камня нѣтъ. Находки вещей дѣлаются рѣдко на самой площадкѣ; чаще вблизи отъ нея. Городища не разбросаны произвольно; они не стоятъ особнякомъ; напротивъ, они кучатся вмѣстѣ, отстоя одно отъ другого верстъ на 5—10, такъ что представляли ассоціаціи, группы городищъ^{*)}.

Въ Соликамскомъ уѣздѣ г. Ивановъ изслѣдовалъ городища: въ с. Кудымкорѣ на р. Иньѣ, въ с. Купросѣ, въ деревнѣ Истогоновой на р. Обвѣ, город. близъ дер. Левиной въ 2 верстахъ отъ Верхъ-Иньвы и городище въ 4 верстахъ отъ Нердвы между двумя Гусевыми логами. Сверхъ того г. Ивановъ упоминаетъ городища: въ д. Стариковой, д. Баксановой Тиминской волости, въ д. Вакиной той же волости, у села Майкорѣ на Иньѣ и въ Верхъ-Исылѣ Тиминской волости. Еще въ Пермскомъ и Соликамскомъ уѣздѣ г. Ивановъ осмотрѣлъ городище Лаврятское на р. Вильвѣ и Чаньвенскую костеносную пещеру. Ивановъ осмотрѣлъ нѣсколько такъ называемыхъ „костницъ“ въ Пермскомъ уѣздѣ (въ Чердынскомъ и Соликамскомъ онъ не встрѣтилъ ни одного), а именно: Ильинское при селѣ того же имени на р. Обвѣ, Гаревское и Останинское при деревнѣ Останиной на Косевѣ.

Разобравшись въ добытыхъ данныхъ, г. Ивановъ дѣлаетъ нѣкоторые общіе выводы относительно древнихъ обитателей „городищъ“ и „костницъ“. Время господства Чуди въ верхнемъ Покамѣ онъ относитъ къ X—XIII в.в., принимая при этомъ Чудь за прямыхъ предковъ нынѣшнихъ Зырянъ, Вотяковъ и Пермьковъ. Впрочемъ, доводы его въ пользу этого заключенія, на мой взглядъ, не достаточно обоснованы. Къ какому же заключенію онъ пришелъ относительно собственно чуждской или древне-пермской культуры? Вотъ его слова: „Судя по находимымъ остаткамъ, культура пермской

^{*)} «Матеріалы къ антропологии Пермскаго края» въ «Трудахъ общества естеств. при Казанскомъ универс.» т. X, вып. I, стр. 22.

Чуди не была самостоятельна. Мы не находимъ издѣлій специально пермскихъ: всѣ они заносныя кромѣ развѣ несложныхъ жѣлѣзныхъ подѣлокъ. При такихъ условіяхъ для насъ вполне объяснимъ, съ перваго раза непонятный, фактъ исчезновенія яко бы самостоятельной, довольно высокой культуры біармійцевъ. Куда она дѣвалась? Какъ она могла исчезнуть? *Ея не было никогда.* Прекратилась историческая автономія и торговое преобладаніе Болгарско-Билярской земли—прекратился отсюда доступъ металлическихъ издѣлій въ чудскую сѣверь. *Всѣ рассказы о баснословныхъ богатствахъ Биарміи не находятъ никакого фактическаго подтвержденія и должны быть отнесены къ области тѣхъ вымысловъ, которые обыкновенно слагаются по поводу отдаленныхъ, мало извѣстныхъ земель.* Самостоятельная, высшая культура, если бы таковая была у Пермиковъ, не могла исчезнуть безслѣдно, тѣмъ болѣе что во внѣшнемъ отношеніи она, какъ ускользнувшая отъ татарскаго погрома, разразившагося надъ Русью и Болгарской землей, находилась въ выгоднѣйшихъ условіяхъ*). Такимъ образомъ почти чрезъ три четверти вѣка г. Ивановъ въ сущности повторилъ слова Берга, придавъ къ одному съ нимъ заключенію совершенно самостоятельнымъ путемъ. Замѣтимъ, что въ предѣлахъ Пермскаго уѣзда археологическія раскопки и изслѣдованія „костницъ“ еще ранѣе г. Иванова производилъ покойный А. Е. Теплоуховъ. Результаты его изысканій изложены въ статьѣ: „Ueber die prähistorischen Opferstätten am Uralgebirge“, напечатанной въ ноябрьской книгѣ 1879 г. журнала: „Archiv für Anthropologie“**). О находкахъ мамонта въ Пермской губерніи свѣдѣнія сгруппированы въ „Археологіи Россіи“ графа А. С. Уварова, т. I, М. 1881 г., стр. 141—142, о пещерахъ тамъ же,

*) „Матеріалы къ антропологии“, тамъ же, стр. 34—35.

**) Къ крайнему сожалѣнію, живя въ Цюрихѣ, мы лишены возможности за неимѣніемъ въ рукахъ заграничнаго журнала, пользоваться прекрасными изслѣдованіями А. Е. Теплоухова.

стр. 207—212, о находкахъ вещей—тамъ же, т. II, стр. 9 и 108. А наиболѣе полный перечень чудскихъ городищъ въ области бывшей Перми Великой приведенъ въ капитальномъ, драгоценномъ въ настоящее время, трудѣ *Никиты Савв. Попова*: „Хозяйственное описаніе Пермской губерніи“ (изданіе 1-е въ двухъ томахъ. Пермь 1804 г. См. томъ I, §§ 5, 6, 9 и 10 и томъ II § 219).

Сосѣдніе съ Чердынскимъ Глазовскій и Слободской уѣзды Вятской губерніи въ послѣдніе годы въ доисторическомъ отношеніи очень старательно изслѣдуются мѣстными археологами Вятскаго края *А. А. Спицынымъ* и *Ник. Грим. Первухинымъ*. Г. Спицынъ, рѣдкій любитель и знатокъ древностей своей родной губерніи, изслѣдовалъ всѣ уѣзды Вятской губерніи, намѣреваясь въ будущемъ, какъ сообщить мнѣ лично, распространить изысканія и на прилежающіе уѣзды нашей Пермской губерніи. Г. Первухинъ занимается преимущественно Глазовскимъ уѣздомъ, почему его работы имѣютъ особенно близкое отношеніе къ области бывшей Перми Великой*). Вятскіе археологи ограничиваются пока собираніемъ матеріаловъ, благоразумно воздерживаясь отъ широкихъ и смѣлыхъ научныхъ обобщеній. О Вологодскихъ археологахъ, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ свѣдѣній (г. *Лыткинъ* доисторической археологіей своей родины не занимался). Кажется, Усть-Сысольскій уѣздъ, бывшая Пермь Вычегодская, доселѣ не былъ еще специально изслѣдованъ въ доисторическомъ отношеніи.

*) Многія находки *А. А. Спицына* и *Н. Г. Первухина* описаны въ «Указателѣ выставки при VII Археологическомъ Сѣздѣ» (Ярославль. 1887 г., стр. 1—18). Кромѣ того весьма важны изданія *А. А. Спицына*: «Каталогъ древностей Вятскаго края» (Вятка. 1881 г.) и «Новыя свѣдѣнія по доисторической археологіи Вятскаго края» (Вятка. 1887 г.).

Кромя специально-археологических изслѣдованій обширной области древней Перми Великой, въ Чердынскомъ и Соликамскомъ уѣздахъ недавно предпринято было антропологическое изслѣдованіе обитающихъ тамъ Пермиковъ профессоромъ Казанскаго, а нынѣ Томскаго университета, г. *Маліевымъ*, который еще раньше въ такомъ же отношеніи изучалъ Вотяковъ Вятской губерніи. Его „Антропологическій очеркъ Вотяковъ“ напечатанъ въ „Трудахъ Общества естествоиспытателей при Казанскомъ университетѣ“ (1874 г., томъ IV, № 2) въ отдѣлѣ матеріаловъ для сравнительной антропологии и анатоміи финскихъ народностей, продолженіемъ которыхъ служить подобный же „Антропологическій очеркъ племени Пермиковъ“, помѣщенный въ тѣхъ же „Трудахъ“ (1887 года, томъ XVI, выпускъ 4). При обѣихъ работахъ указана подробная литература о Вотякахъ и Пермякахъ и приложены таблицы измѣреній череповъ и живыхъ людей и фотолитографическіе рисунки череповъ, вырытыхъ изъ древнихъ могилъ. Тамъ же упоминаются извѣстные антропологическіе работы Г. *Маліева* не берется рѣшать, за недостаткомъ фактическаго матеріала, вопросовъ: какъ давно поселились Пермяки въ Приуральѣ. Откуда явились они сюда и въ какомъ отношеніи стоятъ они къ древней Чудѣ? Въ этомъ отношеніи г. *Маліевъ* является болѣе осторожнымъ ученымъ, нежели г. *Ивановъ*, съ такой авторитетностью отвѣчающій на тѣ же вопросы въ своихъ „Матеріалахъ къ антропологии Пермскаго края“. По словамъ *Маліева*, сами себя нынѣшніе Пермяки называютъ *Коми* и считаютъ себя прямыми потомками Чуды; но *Н. А. Роговъ* приводитъ свидѣтельство, что Пермяки, напротивъ, считаютъ себя другимъ народомъ, отличнымъ отъ Чуды. „Нѣкоторые мѣстные изслѣдователи, говоритъ *Маліевъ*, какъ напримѣръ *Роговъ*, отчасти поддерживаютъ это мнѣніе... Но я не знаю, на чемъ собственно основано это мнѣніе, такъ какъ, сколько мнѣ извѣстно, доселѣ не установленъ типъ самой Чуды. При отсутствіи всякихъ положительныхъ

данныхъ о древности Пермиковъ, мнѣ кажется, единственная возможность разрѣшить этотъ вопросъ—единственный путь освѣтить ихъ далекое прошедшее и установить или отвергнуть генетическую связь ихъ съ Чудью—это сравненіе пермяцкихъ череповъ съ чудскими. Мнѣ кажется, меня нельзя будетъ упрекнуть въ пристрастіи къ спеціальности, если я выражу твердое убѣжденіе, что только путемъ точныхъ краніологическихъ изысканій можно указать на сродство, тожество или отличіе этихъ двухъ народовъ. Исторія и археологія здѣсь безсильны. Но такія изслѣдованія еще заставляютъ себя ждать — и настоящая работа представляетъ первый шагъ, первую къ тому попытку“ (стр. 29—30). Г. Маліевъ собралъ краніологическую коллекцію изъ 29 древнихъ череповъ въ селѣ Кудымкорскомъ Соликамскаго уѣзда, главномъ средоточіи пермяцкаго населенія—томъ самомъ, гдѣ Н. А. Роговъ изучалъ Пермиковъ въ 1850 годахъ. Всѣ черепа добыты на древнемъ кладбищѣ, въ самомъ селѣ, возлѣ пынѣшней православной церкви. *Раскопки не обнаружили ни малѣйшихъ слѣдовъ высокой мѣстной культуры.* По собраннымъ г. Маліевымъ въ 1886 г. свѣдѣніямъ, всѣхъ Пермиковъ-Коми въ уѣздахъ Глазовскомъ, Слободскомъ, Чердынскомъ и Соликамскомъ въ настоящее время считается 90000 человекъ. изъ коихъ на одинъ Соликамскій уѣздъ въ 1885 году ихъ приходилось 51118 чел. и на Чердынскій—21871 человекъ коренныхъ Пермиковъ, сохранившихъ свой языкъ и племенные особенности. На Вятскую губернію, по словамъ г. Маліева, приходится не болѣе 10000 чел. (стр. 20 и др.)*). Сужденія г. Маліева о славѣ древней Біарміи не самостоятельны, совершенно бездоказательны и странны тѣмъ болѣе, что самъ же онъ при раскопкахъ могъ убѣдиться въ противномъ.

*) Добротворскій въ статьѣ «Пермяки» въ «Вѣстникѣ Европы» 1883 года. мартъ, показываетъ около 50000 чел. въ Периской и до 10000—въ Вятской губерніяхъ—всего до 60000 Пермиковъ. (См. въ указанной книгѣ журнала стр. 239—240).

Обращаясь отъ доисторической археологіи и антропологіи обитателей древней Перми къ этнографіи нынѣшнихъ Пермиковъ, мы должны сказать, что въ этомъ отношеніи сдѣлано больше. Уже извѣстный *Лепехинъ* въ своихъ „Дневныхъ запискахъ путешествія“ (т. III, СПБ. 1780 года) сообщаетъ важныя свѣдѣнія о Зырянахъ и Пермяхъ, а въ нашемъ вѣкѣ о нихъ было писано довольно много. Не видя надобности въ послѣдовательномъ перечисленіи всѣхъ трудовъ по этнографіи Пермиковъ (что сдѣлано въ работѣ Маліева), ибо для насъ важно лишь то, что имѣетъ отношеніе къ исторіи и археологіи этого народа, мы остановимся здѣсь только на двухъ этнографическихъ трудахъ.

Мы уже говорили, какую научную важность представляютъ филологическіе труды *Н. А. Рогова* о Пермяхъ, т. е. его пермяцкая грамматика и словарь. Ему же принадлежитъ и лучшій этнографическій очеркъ Пермиковъ подъ заглавіемъ: „Матеріалы для описанія быта Пермиковъ“ *). Ни прежде, ни послѣ Рогова никто не сдѣлалъ столь обстоятельнаго описанія быта Пермиковъ. Другіе писатели нерѣдко черпали у него же. Въ недавнее время въ „Вѣстникѣ Европы“ появилась статья *Доброворскаго*: „Пермяки“ (1883 г. книги 3 и 4), посвященная преимущественно Пермкамъ Вятской губерніи. Въ ней встрѣчаются неточности и даже погрѣшности, указанныя въ упомянутой выше работѣ Маліева. Достоинствомъ статьи г. Доброворскаго можно считать сообщеніе нѣкоторыхъ, еще неизвѣстныхъ и очень любопытныхъ, мѣстныхъ пермяцкихъ преданій и легендъ, указывающихъ на *прямое* происхожденіе Пермиковъ отъ древней Чуды **).

*) Начало этой прекрасной работы *Н. А. Рогова* было напечатано въ „Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ“ 1858 года, апрѣль, отдѣлъ 3, стр. 45—126 (и оттиски), а продолженіе въ „Пермскомъ Сборникѣ“ изданія Д. Д. Смышляева. Москва. 1860 г., т. II, отдѣлъ 2, ст. 1—128.

**) *Доброворскаго*: „Пермяки“ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1883 г. мартъ, стр. 230, 235 и 236. Въ Пермской губ. записано преданіе о братьяхъ Осѣяѣ и Ожѣяѣ, о Степѣ-угодникѣ (св. Стефанѣ) и чудскихъ ямахъ съ ихъ кладами.

въ противоположность свидѣтельству г. Рогова, записанному въ словъ Пермьковъ—старожиловъ, что „Чудь, Чудаки, оставившіе городища, были другой народъ, отличный отъ Пермьковъ, большая часть котораго не хотѣла принимать христіанскую вѣру и добровольно обрекала себя на смерть. Они цѣлыми семействами забирались въ нарочно вырытыя пещеры или ямы, подрубали стойки и умирали подъ обрушившеюся на нихъ землею. Такимъ образомъ Чудаки исчезли и ихъ мѣста заняли Пермьки“ *). Г. Добротворскій въ сущности приводитъ тоже преданіе о чудскихъ ямахъ, вырытыхъ Чудью при появленіи въ ихъ странѣ Степы-угодника (св. Стефана), но съ прибавленіемъ (варіантъ), что Чудь не вся погибла въ этихъ ямахъ. „*Много тоже ея въ лѣсъ убѣжало*, прибавляли Пермьки;—*мы вотъ теперь отъ этой Чуди и народились*“ **). Сопоставляя двѣ редакціи одного и того же преданія, мы должны заключить, что, по убѣжденію самихъ Пермьковъ, нынѣшніе Пермьки ведутъ свое происхожденіе отъ той части древней Чуди, которая измѣнила язычеству и согласилась перейти въ новую христіанскую вѣру. Конечно, эти народныя преданія въ научномъ отношеніи особенной цѣнности не представляютъ, но и не заслуживаютъ того, чтобы ихъ совершенно игнорировать.

Дѣйствительно, „Лѣтописецъ Двинской“, напечатанный въ Новиковской „Вивліюникѣ“, совершенно такъ же смотритъ на отношеніе языческой Чуди къ христіанству ***). Ученые напрасно не обращали должнаго вниманія на важныя свидѣтельства этого „Лѣтописца“, объясняющаго исчезновеніе слова Чудь въ книжномъ языкѣ принятіемъ христіанства. Вотъ слова лѣтописи: „Тогда же (т. е. послѣ крещенія Новгорода въ X вѣкѣ) и Заволоческую Чудь крестиша и просвѣтишася

*) «Журналъ Минист. Внутр. Дѣлъ» 1858 г., кн. IV, отд. 3, сноска на стр. 8.

**) «Вѣстникъ Европы» 1883 г., мартъ, стр. 235—236.

***) «Древняя Россійская Вивліюника», 2-е изданіе, 1791 года, томъ XVIII, см. стр. 2—3.

тіи свитымъ крещеніемъ, понеже Новгородскаго предѣла
бяху.... И мнози отъ нихъ ослѣплени идольскою прелестію
отъ святого крещенія избѣгоша.... *Новопросвѣщенная же*
Заволоческая Чудь рѣки великія Двины для того преименова-
шася Двиняне". Итакъ слово Чудь исчезаетъ въ книжномъ
языкѣ (въ народномъ говорѣ оно живетъ и сейчасъ) съ при-
нятіемъ христіанства, какъ напоминающее о временахъ язы-
чества и потому презрѣнное въ глазахъ духовныхъ лицъ,
каковыми у насъ были тогда почти всѣ писатели. Вотъ
причина, почему Енифаній Премудрый, написавшій въ XIV
в. житіе св. Стефана, многіе народы называетъ по именамъ
тѣхъ рѣкъ, на берегахъ которыхъ они жили (Двиняне,
Вычегжане, Вилежане, Южане и т. д.); а до него такіа
названія не употреблялись, такъ какъ на тѣхъ же мѣстахъ
до временъ св. Стефана жила языческая Чудь, язычники-
Финны. Нельзя не замѣтить, что все сказанное служить
однимъ изъ вѣснхъ доказательствъ *прямое* происхожденія
нынѣшнихъ финскихъ инородцевъ отъ древней Чуди.

Таковы народныя преданія и данныя раскопокъ, нахо-
дящіяся въ распоряженіи современной археологіи. Ни въ
тѣхъ, ни въ другихъ мы не видимъ никакого указанія на
древнюю мнимо-великую Біармію. Она упоминается въ пре-
даніяхъ только *не мѣстныхъ*, а чуждыхъ - скандинавскихъ.
Равнымъ образомъ нѣтъ ея слѣдовъ и въ древнихъ городи-
щахъ и могилахъ. Посмотримъ, на чемъ же основываютъ
свои воззрѣнія и хвалители этой безслѣдно исчезнувшей
Біарміи.

III

Древніе торговые пути, шедшіе чрезъ Пермь. Апологеты Біарміи.

Мы указали два цикла ученыхъ, имѣющихъ діаметрально противоположныя воззрѣнія на древнюю Пермь. Однихъ можно назвать скептиками, другихъ—апологетами Біарміи. Мы видѣли, что скептики, усвоивъ себѣ критическіе приемы изслѣдованій, выработанные современною археологическою наукою (въ обширномъ смыслѣ), отвергнули заключенія апологетовъ о славѣ и величіи древней Перми, отождествляемой ими съ Біарміей. Научные доводы ихъ настолько убѣдительны, что, взвѣсивая ихъ съ доводами апологетовъ, мы съ своей стороны рѣшительно склоняемся на сторону ученыхъ скептиковъ.

Однако мы не имѣемъ никакого права, въ видахъ научнаго безпристрастія, игнорировать убѣжденіе цѣлаго цикла ученыхъ относительно былого величія Біарміи. Вѣдь и апологеты имѣли извѣстныя основанія для своихъ восторговъ. Каковы же могли быть эти основанія? Гдѣ источникъ такого ученаго недоразумѣнія? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны сказать теперь о древнѣйшихъ торговыхъ путяхъ, шедшихъ чрезъ Пермь.

Припомнимъ дѣленіе Пермской исторіи на періоды, установленное нами въ началѣ настоящаго изслѣдованія. Въ каждомъ изъ трехъ періодовъ шли особые торговые пути чрезъ Пермскую землю, которые и нужно разсмотрѣть въ послѣдовательномъ порядкѣ.

Въ существованіи на востокъ Европы торговыхъ путей въ глубочайшей древности, до которой далеко не простирается Русская исторія, сомнѣваться нельзя, ибо на то имѣются неопровержимыя доказательства. Нумизматическія и

другія находки цѣнныхъ вещей во всей пріуральской половинѣ нынѣшней Пермской губерніи положительно убѣждаютъ въ существованіи торговыхъ сношеній Пріуралья съ далекимъ азіатскимъ югомъ въ древнѣйшія времена. Еще въ 1852 г. почтенный нумизматъ *Савельевъ* въ статьѣ: „Пермская губернія въ археологическомъ отношеніи“ справедливо замѣтилъ: „При недостаткѣ *достоверныхъ* данныхъ о древней Біарміи и ея торговомъ значеніи на сѣверѣ, исторіку остается ожидать пособія только отъ археологіи. Подземная Біармія можетъ еще воскресить для него Пермь.... Болѣе чѣмъ вѣроятно, что археологическіе поиски въ земляхъ древней Біарміи доставили бы рядъ данныхъ въ пользу мнѣнія объ участіи въ древности жителей этой страны въ торговыхъ сношеніяхъ не только съ отдаленнымъ европейскимъ сѣверомъ, но и съ югомъ, съ Азіею—посредствомъ ли передачи благородныхъ металловъ, или же произведеніями собственной земли—железомъ и солью“ *). Съ этими словами *Савельева* не мѣшаетъ сопоставить слова бывшаго Московскаго профессора *С. В. Ешевскаго*, весьма интересовавшагося археологическими находками на востокѣ Россіи: „Многія вещи, находимыя въ Казанской губерніи, особенно по Камѣ и ея притокамъ (разумѣя вещи до-татарской эпохи), совершенно сходны съ находимыми въ Пермской губерніи.... Сличеніе древностей Пермскаго края съ древностями Казанской губерніи такъ же естественно и необходимо, какъ и сличеніе первыхъ съ вещами и памятниками, встрѣчающимися въ Сибири. Нѣкоторыя вещи, находимыя въ Пермской губерніи, очевидно, Сибирскаго или Азіатскаго происхожденія“ **). Это обстоятельство заставляетъ оставить сомнѣнія въ существованіи торговаго пути изъ волжско-камской Болгаріи въ Пермь Великую и далѣе—въ Пермь Вычегодскую и на устья С.

*) Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 1852 г., іюль, стр. 114.

**) *Ешевскаго*: «Замѣтка о перскихъ древностяхъ» въ «Пермскомъ Сборникѣ» т. I, Москва, 1859 г., стр. 135.

Дявны. Въ Болгарію же этотъ путь шель чрезъ Хозарію съ юга, изъ Азіи, какъ положительно свидѣтельствуютъ находки монетъ и разныхъ цѣнныхъ вещей восточной фабрикаціи.

Для образца укажемъ нѣсколько подобныхъ находокъ. Въ 1851 г. въ Красноуфимскомъ уѣздѣ Пермской губерніи, близъ деревни Шестаковой и берега рѣки Иргина, найденъ былъ замѣчательный кладъ, состоявшій: изъ серебрянаго ковшика вѣсомъ въ 2¹/₂ фунта, серебрянаго, искусно витаго, жгута съ застежками того же металла, подвѣсокъ и серегъ, обломковъ отъ золотыхъ перстней, ожерелій изъ бусъ чернаго хрустала, сердолика и другихъ камней, болѣе чѣмъ изъ 20 монетъ сассанидскихъ, византійскихъ и индобактрианскихъ V, VI и начала VII вѣка отъ Р. Х. Въ 1846 г. въ имѣніяхъ гр. Строганова въ Пермской губерніи найденъ кладъ изъ одиннадцати древне-персидскихъ монетъ династіи Сассанидовъ и серебряной чаши съ изображеніемъ какого-то божества и надписью неизвѣстными письменами. По опредѣленію академика *Дорна*, монеты оказались принадлежащими V и VI вѣкамъ отъ Р. Х. (441—594 г.г.)—времени Сассанидскихъ царей Эздегирда II, Кобода и Хосроя II. *Д. Д. Смышляевъ*, почтенный любитель и знатокъ Пермскаго края, въ 1860 г. купилъ въ Перми и уступилъ потомъ Императорскому Эрмитажу найденную въ 18 верстахъ отъ Чердыни замѣчательную серебряную чашу съ изображеніемъ животныхъ южныхъ странъ: тигровъ, крокодиловъ, змѣй и морскихъ птицъ. По заключенію академиковъ *Броссе* и *Стефани*, чаша оказалась относящеяся ко времени императора Анастасія (491—518 г.г.)*). Въ позднѣйшее время, именно, въ 1885 году, въ селѣ Ключахъ, Златоустовское тожъ, Красноуфимскаго уѣзда опять были найдены серебряныя блюда съ изображеніемъ какихъ-то животныхъ. По опредѣленію Императорской

*) «Источники и пособія для изученія Пермскаго края» *Д. Д. Смышляевъ*. Пермь. 1876 г., стр. 19—23.

Археологической Коммисіи въ Петербургѣ, блюда оказались произведеніемъ эпохи Сассанидовъ *).

Параллельно съ этимъ замѣтимъ, что на развалинахъ древняго Булгара на Волгѣ уже давно находили множество восточныхъ монетъ и разныхъ цѣнныхъ вещей, какъ-то золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ серегъ, браслетъ и перстней, части металлическихъ зеркалъ, бусы, металлические украшения конской упряжи и т. д. Древняго серебра въ Булгарахъ находили такъ много, что, по откровенному признанію одного Казанскаго купца, торговавшаго въ серебряномъ ряду, на своемъ вѣку онъ одинъ переплавилъ до 8 цудовъ болгарскихъ серебряныхъ монетъ и всякихъ древнихъ вещей! Не смотря на это варварское истребленіе драгоценныхъ остатковъ глубокой старины, множество болгарскихъ находокъ попало, къ счастью, и въ разныя ученые коллекціи, какъ наприм. въ извѣстную коллекцію А. Θ. Духичева въ Казани **).

Столь значительныя богатства, составлявшія продуктъ восточной торговли, легко могли сдѣлаться источникомъ извѣстныхъ преданій о „закамскомъ серебрѣ“, но говорятъ-ли они намъ о высокой *самобытной* культурѣ древней прославленной Перми? Съ какою стати станемъ мы заключать объ этой самобытности, почти не встрѣчая болѣе или менѣе замѣчательныхъ *мѣстныхъ* издѣлій? Здѣсь, въ этомъ занесенномъ съ востока и юга богатствѣ, по нашему мнѣнію, главный источникъ ученыхъ недоразумѣній въ вопросѣ о древней Перми. Въмѣсто того, чтобы мѣстному Чудскому племени приписывать только грубыя бронзовыя, мѣдныя и желѣзныя издѣлія, обыкновенно находимыя въ городищахъ и

*) Наиболѣе подробный указатель старинныхъ цѣнныхъ находокъ по отдѣльнымъ уѣздамъ нашей губерніи сдѣлалъ Штилицъ въ «Спискахъ населенныхъ мѣстъ Пермской губерніи». СПб. 1875 г., стр. CXL—CXIV.

**) С. М. Штилевскій: «Древніе города и другіе булгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи». Казань. 1877 г., стр. 258 и слѣд. О монетахъ стр. 42—47 и другія.

сурганахъ, ему стали безъ разбора приписывать чуть не все серебряное богатство, отрытое изъ земли и съ очевидностью обличающее свое случайное, заносное появленіе въ области древней Перми и несомнѣнно-восточное происхожденіе. Указывали на то, что на всемъ громадномъ разстояніи отъ Алтая до Урала извѣстны такъ называемыя въ простонародѣ „чудскія копѣ“. Но присутствіе ихъ развѣ несомнѣнно свидѣтельствуетъ о высокомъ самобытномъ развитіи Чуди? Извлеченные изъ этихъ копей металлы мы и находимъ теперь въ видѣ *трубыхъ* издѣлій то же въ „чудскихъ“ городищахъ. И городищамъ, и копямъ народъ присвоилъ, какъ видимъ, одинъ эпитетъ *чудскихъ*.

Множество серебряныхъ и другихъ вещей, шедшихъ чрезъ Пермь съ юга на сѣверъ и частію какимъ-то образомъ оставшихся въ предѣлахъ Пермской страны и потому теперь случайно открываемыхъ отъ времени до времени, подало поводъ слагателямъ скандинавскихъ сагъ воспыть древнюю Біармію, какъ какую-то необыкновенно богатую страну. Торговый путь изъ Хозаріи, Волгаріи и Перми пролегалъ далѣе на сѣверъ до береговъ Бѣлаго моря и устьевъ С. Двины, куда пріѣзжали для мѣновой торговли Норманны, въ былыя времена первые мореходы Западной Европы. Чрезъ Пермь сѣверный путь шелъ не иначе, какъ рѣками Камой, Вишерой, Колвой, Вишеркой, Чусовскимъ озеромъ, Березовкой, рѣчкой Вологомъ, далѣе *Бухтиннымъ волокомъ* въ 7 верстъ длины, рѣчкой Немой, Вытегдой и С. Двиной. Другой путь отъ Березовки могъ отдѣляться на Печеру и направляться рѣками Еловкой, Вогулкой, Печерскимъ волокомъ (отъ 3 до 5 верстъ), рѣчкой Волосницею и р. Печерой*).

Во второй половинѣ IX вѣка, какъ извѣстно, нормандскій мореплаватель Отеръ, состоявшій на службѣ у Альфреда

*) Н. К. Чушинъ: «Географическій и статистическій словарь Пермской губерціи». Пермь. 1873 г. отдѣльно и въ приложеніяхъ къ «Оборнику Пермскаго (губернскаго) Земства» за тотъ же годъ, см. статью «Березовка», на стр. 85—87 и слѣд. до 91.

Великаго, короля Англіи, посѣтилъ устья С. Двины и сообщилъ потомъ о всемъ видѣнномъ своему королю. Это было первое, достовѣрно извѣстное, посѣщеніе Норманнами Бѣломорскаго побережья. По слѣдамъ Отера направились на далекій европейскій востокъ и другіе искатели легкой наживы. Отеръ сообщилъ Альфреду вѣрныя, неприкрашенные свѣдѣнія о видѣнной имъ странѣ, а послѣдователи его сложили уже нѣсколько пѣсень о той же странѣ, въ которыхъ, естественно, дали просторъ своимъ чувствамъ и фантазіи.

Что же говорить о Біарміи Отеръ и саги? Отеръ повѣдалъ Альфреду, что вдоль всего сѣвернаго побережья восточной Европы, не исключая и Бѣломорскихъ береговъ, онъ видѣлъ только голую, почти лишенную населенія, пустыню, по которой лишь кое-гдѣ бродили какія-то финскія племена. Но въ устьяхъ С. Двины онъ встрѣтилъ осѣдлый народъ, называвшій себя *Біармійцами* и по языку близкій къ Финнамъ. Біармійцы навѣстили суда Отера и много говорили ему о своей странѣ и смежныхъ съ нею. Отеръ нашелъ ихъ страну довольно обработанною и вымѣнялъ у нихъ мѣха и моржовые клыки, которые и привезъ въ Англію.

Таковъ безыскусственный разсказъ Отера о Біарміи. Въ немъ нѣтъ ничего преувеличеннаго, все естественно и правдоподобно. Совсѣмъ не то повѣтствуютъ намъ саги о подвигахъ скандинавскихъ викинговъ и народѣ Біармійцахъ, ихъ знаменитомъ идолѣ Юмалы, необычайномъ богатствѣ этого капища и т. п. Въ этихъ сагахъ, обнимающихъ собою долгій періодъ времени съ IX вѣка до начала XIII, все облечено въ поэтическую форму, почему странно было-бы въ наше время вѣрить подробностямъ ихъ разсказовъ. И между тѣмъ находилось не мало ученыхъ, которые, увлекшись сагами, вносили ихъ вымыселъ въ исторію! Слѣдовательно, въ вопросѣ о древней Перми, съ которою эти ученые отождествляли Біармію, скандинавскія саги послужили такимъ же источникомъ недоразумѣній, какъ и упомянутыя выше архео-

логическія находки въ предѣлахъ бывшей Перми Великой и царства Болгарскаго *).

Но вотъ за легендарной эпохой сагъ на европейскомъ сѣверо-востокѣ начинается періодъ новгородской колонизаціи. Если-бы все сообщаемое сагами о Біарміи и ея обитателяхъ было исторической дѣйствительностью, то эти сообщенія не преминули бы внести въ свои лѣтописи русскіе бытописатели. Но что же говорятъ намъ русскія лѣтописи? По-видимому, ближе всего было бы новгородскимъ лѣтописцамъ отмѣтить факты торговыхъ отношеній, существовавшихъ на сѣверо-востокѣ Европы, который постепенно вошелъ въ число владѣній Новгорода Великаго. Однако новгородскія лѣтописи до XII вѣка хранятъ глубокое молчаніе о сѣверо-восточной торговлѣ. Нѣкоторые свѣдѣнія по этому вопросу мы находимъ не въ мѣстныхъ новгородскихъ, а въ общерусскихъ лѣтописяхъ. Въ Лаврентьевской и Никоновской лѣтописяхъ помѣщенъ извѣстный рассказъ отрока новгородскаго посланнаго его Гюрятѣ Роговичу о его путешествіи въ страну Югры въ 1096 (6604) году **). Отрокъ, т. е. ушкуйникъ новгородскій, шелъ сначала на Печеру— „люди, яже суть дань дающе Новгороду“—и „оттуда иде въ Югру. Югра же людье есть языкъ нѣмъ, и сѣдять съ Самоядью на полунощныхъ странахъ.... Есть же путь до горъ тѣхъ непроходимъ пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ; тѣмъ же не доходимъ ихъ всегда; есть же и подалъ на полунощіи“. (Лаврент. лѣтоп.). О Перми здѣсь нѣтъ упоминанія, но такъ какъ на Печеру можно было попасть не иначе, какъ чрезъ Пермь, то послѣдняя, очевидно, была извѣстна Новгородцамъ раньше и, конечно, такъ же платила Новгороду дань, какъ и болѣе

*) Подробности объ Отерѣ и сагахъ см. въ «Отеркахъ Русской исторіи въ памятникахъ быта» П. Н. Полевого, СПб. 1879 г., т. I, стр. 148—150.

**) «Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей», изданіе Археограф. Комиссіи, томъ I, стр. 107 и т. IX, стр. 127.

отдаленный народъ Печера, т. е. Печерскіе Зыряне, какъ думаетъ Пегрентъ. Путь изъ Новгорода на востокъ шель С. Двиной, Вычегдой и Печерой чрезъ Камень или Уралъ*). Впередъ шли Пермью, Печерой и Югрой, обратно—Югрой, Печерой и Пермью. Другого удобнаго пути за Уралъ въ то время еще не знали. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Заволочье Новгородцы проникли еще раньше. Приведенный разсказъ лѣтописи ясно показываетъ, что въ XI вѣкѣ восточные народы сохранили свое отдѣльное управленіе и только платили дань Новгороду. По въ такихъ же вассальныхъ отношеніяхъ къ Новгороду стояла Пермь и долго спустя, судя потому, что еще въ XV в. она имѣла своихъ князей, какъ намъ достоверно извѣстно изъ позднѣйшихъ лѣтописей и другихъ источниковъ.

Кромѣ лѣтописнаго извѣстія о платежѣ дани Новгороду восточными народами, есть извѣстіе о существованіи мирныхъ торговыхъ сношеній Болгаріи не только съ Пермью, но и отдаленной Югрой. Мы находимъ его у арабскаго писателя Ибнъ-Батуты XIV вѣка. Онъ говоритъ о мѣновой торговлѣ Болгаръ съ Югрой, отъ которой они получали соборей, горностаевъ и бѣлокъ**). Дорога изъ Болгаріи въ Югру пролегала, вѣроятно, не только водой, но и сухимъ путемъ. Не тотъ-ли самый это путь, ведшій чрезъ нынѣшніе уѣзды Красноуфимскій, Бугурускій, Пермскій и далѣе на сѣверо-востокъ, слѣды котораго въ послѣднее время указалъ Аспельинъ?

Спрашивается: чѣмъ же бралъ Новгородъ дань съ восточныхъ своихъ сосѣдей, и какія мѣстные богатства составляли предметъ торговли Черми, Печеры и Югры съ Волжскими Болгарами? Сколько можно видѣть изъ досто-

*) Отдѣльная высокая вершина на Уралѣ народъ и сейчасъ называетъ „каминями“: Рошчавовскій, Бобыцкій, Полюдовъ. Дѣвиль и ин. др.

**) П. Савельевъ: «Мухаммеданская нумизматика». СПб. 1847 г., стр. СХХХІ и другія.

ѣрныхъ источниковъ, *мѣстами ограничивалось* *же мѣстное богатство* упомянутыхъ странъ. Прославленное же *закамское серебро*, въ смыслѣ *мѣстнаго* богатства Пермской страны, есть не болѣе, какъ мифъ, плодъ недоразумѣнія, источники коего мы указали выше. Если у инородцевъ, напр. у Югры, и встрѣчалось серебро, то оно было *привозное* изъ другихъ странъ. Мѣстные металлы стали вывозить съ Урала гораздо позже, при чемъ именно серебромъ Уралъ никогда не былъ богатъ.

Съ теченіемъ времени все чаще встрѣчаются лѣтописныя извѣстія о походахъ Новгородцевъ для сборовъ дани въ Югру, страна которой казалась имъ особенно заманчивой. Всѣ эти походы совершались неминуемо чрезъ Пермь и Печеру. Не разъ назойливость новгородскихъ сборщиковъ дани выводила изъ терпѣнія инородцевъ, которые поднимали противъ нихъ вооруженное гоненіе. Такъ, подъ 1187 (6695) г. въ I Новгородской лѣтописи записано: „въ то же время избѣни быша Печерьскѣи даньники и Югрьскѣи въ Печерьѣ, а друзи за Волокомъ; и паде головъ о стѣ кѣметьства“ *). То же извѣстіе въ IV Новгородской лѣтописи читаемъ такъ: „Того же лѣта избѣни быша даньники *Перемьскѣи* и Югорьскѣи, а друзи за Волокомъ, и паде головъ о стѣ кмѣтей“ **). Въ этихъ словахъ видимъ доказательство того, что въ XII вѣкѣ *путь въ Югру шелъ чрезъ Пермь и Печеру*. Еще большее сопротивление встрѣтили Новгородцы въ Югрь въ 1193 (6701) году. Вслѣдствіе избѣненія сборщиковъ дани въ 1187 году, Новгородъ послалъ на этотъ разъ въ Югру цѣлую рать подъ начальствомъ воеводы Ядрѣя, которая встрѣтила тамъ укрѣпленные города. Одинъ изъ нихъ Новгородцы взяли, а подъ другимъ потерпѣли столь сильное пораженіе, что изъ всей рати осталось въ живыхъ только 80 человекъ. Всю зиму въ Новгородѣ не было вѣсти о пропавшей рати, и

*) «Поли. Собр. Русск. Лѣтоп.», т. III, стр. 19.

**) *ibidem*, т. IV, стр. 17.

лишь слѣдующимъ лѣтомъ 1194 года вернулись изъ похода жалкіе ея остатки *).

Подобнымъ же образомъ еще раньше подчинили Новгородцы своей власти Заволочье—Біармію скандинавскихъ сагъ, куда проникли въ первый разъ еще во времена Ярослава въ 1032 г. (походъ Глѣба къ Желѣзнымъ Вратамъ). Что Заволочьская Чудь также не безъ борьбы признала новгородскую зависимость, выражавшуюся въ платежѣ дани, лучше всего показываетъ судьба князя Глѣба Святославича, убитого за Волокомъ въ 1079 (6587) году (см. I Новгород. лѣтоп.). И сюда Новгородцевъ привлекало, какъ видно, исключительно пушное богатство, главный предметъ заграничнаго экспорта Великаго Новгорода. Подчинивъ себѣ силою туземцевъ Заволочья, Новгородъ впоследствии не разъ долженъ былъ оберегать это владѣніе отъ другихъ претендентовъ на него— сначала Суздальскихъ, напр. въ 1169 г., а потомъ Московскихъ великихъ князей, пока въ 1471 г. Двинская земля окончательно не отошла къ Москвѣ **).

Такимъ-то насильственнымъ способомъ утвердилъ Новгородъ свою власть въ Заволочьѣ, Перми, Печерѣ и далекой Югрѣ. Нигдѣ въ лѣтописяхъ и другихъ достовѣрныхъ источникахъ не встрѣчаемъ мы при этомъ извѣстій о какихъ-либо иныхъ богатствахъ этихъ странъ, кромѣ пушнаго, за которымъ и стремился Новгородъ въ эти далекія лѣсные дебри, обитаемыя звѣроловами—финнами. Только въ извѣстіяхъ объ

*) Подробный разсказъ объ этомъ событіи см. въ I Новгород. лѣтоп. подъ 1193 и 1194 г.г. (Пол. Собр. Рус. Лѣт. т. III, 21—22). Слова Югры: „яко копимъ сребро“ нужно понимать въ смыслѣ *привознаго* богатства, какъ продукта мѣновой торговли съ Волгарами или Азіей. Объ этомъ см. Д. И. Иловайскіаго: «Исторію Россіи», т. I, ч. 2-я: Владимірійскій періодъ. Москва. 1880 г., стр. 284—285.

**) Подробности объ отношеніяхъ Новгорода къ Заволочью, Перми, Печерѣ и Югрѣ см. у Буляева: «Исторія Новгорода Великаго». Москва. 1864 г. и Костомарова: «Сѣвернорусскія народоправства», СПб. 1863 г., т. I, стр. 407—410 и ж. др.

«Отказная грамота Новгородцевъ на Двинскую землю» и три списка Двинскихъ земель въ «Актахъ Археографической Экспедиціи», т. I, № № 93 и 94, стр. 72, 73 и слѣдующія.

Югрѣ подѣ 1193 годомъ, въ 1 Новгородской лѣтописи, замѣчено, что этотъ народъ даетъ Новгородцамъ дань „серебромъ и узорочьями“. По мнѣнію *Костомарова*, эти богатства шли на Уралъ изъ отдаленныхъ азіатскихъ странъ, жители которыхъ „отправляли серебро и золото на промѣнъ Перми и Югрѣ, а отъ послѣднихъ получали эти предметы Новгородецъ“ *). На Уралѣ если и добывались изъ „чуждскихъ коней“ металлы въ столь отдаленное время, то развѣ въ самомъ ограниченномъ количествѣ, при чемъ сами туземцы, конечно, не обладали искусствомъ переплавлять ихъ въ изящныя издѣлія. Такихъ издѣлій въ Приуральѣ находили, правда, много, но археологія уже признала ихъ азіатское или болгарское происхожденіе. И между тѣмъ какъ скандинавскія саги воспѣваютъ баснословную Віармію, наши русскіе источники самымъ обыкновеннымъ тономъ повѣствуютъ о предприятияхъ Новгородцевъ въ тѣхъ же мѣстахъ. Кому же больше мы должны вѣрить?

Затѣмъ, послѣ утвержденія власти Новгорода Великаго среди восточныхъ инородцевъ, начиная съ XIII и до XV вѣка, Пермь, Печера и Югра постоянно упоминаются въ числѣ Новгородскихъ волостей въ длинномъ ряду договорныхъ грамотъ Новгорода съ великими князьями Тверскими и Московскими. Двѣ древнѣйшія грамоты относятся къ 1263 году (были заключены съ вел. княземъ Тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ), а послѣдними были двѣ Яжелбицкія грамоты, заключенныя съ Василиемъ II Темнымъ въ 1456 г. и двѣ Коростыискія—съ Іоанномъ III отъ 11 августа 1471 года. Всѣхъ же договорныхъ грамотъ за указанное время было заключено до 24, и почти во всѣхъ ихъ дѣлается такое перечисленіе Новгородскихъ волостей: „Волокъ со всѣми волостями, Торжокъ, Бѣжицы, городецъ Палець, Мелеча, Шипинь, Егна, Заволочье, Трѣ, *Пермь*, Печера, Югра,

*) «Сѣвернорусскія народоправства» т. I, стр. 415. Лѣтописную *Печеру* Костомаровъ выѣтъ съ Шегреномъ принимаетъ за Зырянъ. (ibidem, 411 и 415).

Воююгда... Въ первыхъ двухъ договорныхъ грамотахъ 1263 года наша страна наименована *Пермь* *).

Наконецъ, наступаетъ для Пермской страны Московскій періодъ исторіи. Извѣстія о Пермской странѣ дѣлаются все болѣе и опредѣленнѣе по мѣрѣ приближенія къ новому времени. Прежніе пути сообщенія, какъ и направленіе народнои дѣятельности, существенно измѣняются. вмѣстѣ съ тѣмъ принятіе христіанства кореннымъ образомъ измѣняетъ характеръ мѣстнаго населенія и способствуетъ усиленію прилива русскихъ переселенцевъ въ Приуралье. Мало по малу русская колонизація охватываетъ весь Уралъ, проникаетъ далѣе на востокъ и прочно утверждается въ предѣлахъ бывшаго Сибирскаго татарскаго царства. Такимъ образомъ въ Московскомъ періодѣ вся гражданственность восточной окраины Европы радикально измѣняется, и Пермь Великая окончательно сливается во едино съ Московскимъ царствомъ въ одномъ „славянскомъ морѣ“, оставивъ позади себя лишь смутныя преданія о новгородской и еще болѣе отдаленной, такъ сказать, героической или скандинавской эпохѣ ея жизни.

Мы указали торговые пути, которые шли чрезъ Пермскую землю въ то отдаленное время, имѣя крайними пунктами устье Сѣверной Двины и Булгаръ на Волгѣ, откуда путь продолжался до Хозарскаго Итіля и далѣе на югъ и востокъ — въ Азію. Въ продолженіе Новгородскаго періода постепенно, съ большими усилиями, русскіе прокладываютъ новый путь съ запада на востокъ — въ Пермь, Печеру, Югру и даже въ бассейнъ Оби, гдѣ новгородцы впервые появляются, если не ошибаемся, въ 1364 году**). Затѣмъ въ 1465 г. за Ураломъ появляются впервые уже *Московскіе* воинскіе люди.

*) «Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ», т. I, № 1.

**) «Той зимы (^{1364 г.}₆₈₇₂) съ Югры Новгородци прѣхаша, дѣти боярьскіи и молодилы люди, и воеводы Александръ Абакумовичъ, Степанъ Ляпа воевавшіе по Обѣ рѣки до моря, а другая половина рати на верхъ Оби воеваша» (IV Новгородская лѣтопись).

Тѣмъ временемъ страшный татарскій погромъ положилъ конецъ древнему Булгару, а съ нимъ навсегда прервалъ прежній торговый путь съ юга на крайній сѣверъ Европы. Потому-то именно съ этого момента навсегда замолкла героическія пѣсни скандинавскихъ скальдовъ о Бярміи. Новые владетели сѣверо-восточной Европы, Новгородцы, уже не бѣли такихъ пѣсенъ, а безъ шума и рыцарской славы дѣлали свое дѣло, съ трудомъ и лишеніями прокладывая новые пути для своей торговой предприимчивости, за пресѣченіемъ прежняго пути владѣніями первоначально грозной Золотой Орды. Такъ, южный торговый путь уступилъ мѣсто сѣверо-восточному, оставивъ по себѣ вѣковѣчный памятникъ въ видѣ развалинъ древняго Булгара на Волгѣ и множество восточныхъ монетъ и разныхъ металлическихъ вещей по берегамъ тѣхъ рѣкъ, по которымъ онъ когда-то пролегалъ.

Сѣверо-восточный путь, вновь проложенный Новгородцами съ такими усиліями, остался потомъ въ наслѣдіе Москвитянамъ и долго служилъ въ Московскомъ періодѣ единственной удобной дорогой изъ Европы въ Азію. Онъ шелъ С. Двиной, Вычегдой, волокомъ, Печерой, ея притокомъ Щугуромъ, снова волокомъ, Сыгвой и Сосвой на Обь (р. Сыгва, на которой стоялъ Югорскій городокъ Ляпинъ, есть лѣвый притокъ Сосвы). Этимъ путемъ, между прочимъ, въ 1499 году прошла на Обь Московская рать подъ начальствомъ князя Семена Ѳеодоровича Курбскаго, князя Петра Ѳеодоровича Ушатого и Василя Бразника, какъ положительно извѣстно изъ Герберштейна и другихъ источниковъ*).

Но въ XVI вѣкѣ были уже и другіе, болѣе сѣверные, пути изъ Европы въ Азію, какъ можно видѣть изъ дошедшаго

*) Замысловскій: «Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи». СПб. 1884 г., стр. 131—132 и 434—437 и въ атласѣ къ этой книгѣ карта № 2. О походѣ 1499—1500 (7007—7008) г.г. см. въ Воскресенской лѣтописи въ Полн. Собр. Рус. Лѣт. т. VIII, стр. 237. Эта лѣтопись упоминаетъ вѣдетъ съ Югричами и «Гогуличей», т. е. конечно Вогуличей, впервые названныхъ такъ въ Елифаніевомъ житіи св. Стефана XIV вѣка.

до нашего времени стариннаго (XVI в.) дорожника или „Указателя пути въ Печеру, Югру и къ р. Оби“; только ими, повидимому, пользовались мало, какъ не столь удобными и слишкомъ отдаленными. Направленіе этого сѣвернаго пути было таково: С. Двина, Пинега, волокъ, р. Кулой, текущая въ Бѣлое море, далѣе по морю до устья Мезени, р. Мезень, ея правый притокъ р. Пеза, два Волоковыхъ озера, рѣчки Рубиха, Чирка, рѣка Цыльма, Печера, Щугуръ и далѣе чрезъ Уралъ на Сыгву и Сосву, откуда въ бассейнъ Оби. Впрочемъ съ Печеры на Обь чрезъ Уральскія горы шло въ XVI вѣкѣ и позже три дороги: самая сѣверная по р. Усѣ чрезъ горы на р. Собь, притокъ Оби; средняя по Щугуру чрезъ горы на Сыгву и Сосву и третья—южная по р. Илишѣ или Илычу (впадаетъ въ Печеру выше Щугура и Подчерема) чрезъ горы на р. Вогулку и Сосву*).

Въ слѣдующемъ XVII вѣкѣ, именно въ 1627 г., была составлена въ Москвѣ извѣстная *„Книга Большому Чертежу“*, что сдѣланъ въ Розрядѣ новый чертежъ всему Московскому государству, городомъ, и полю, и рѣкамъ, и всякимъ полевымъ именнымъ урочищамъ 135 (1627) году“. Она издана была въ печати въ первый разъ въ 1792 г., во второй—въ 1838 г. *Д. И. Языковымъ*, въ третій—въ 1846 г. *Григоріемъ Спасскимъ*, издателемъ „Сибирскаго Вѣстника“, и представляетъ собою подробное описаніе не дошедшей до насъ большой карты Московскаго государства. По ней можно видѣть и существованіе въ XVII в. пути сообщенія въ Россіи и въ числѣ ихъ—пути въ Азію. Не видя надобности приводить еще большія подробности о сѣверныхъ путяхъ изъ Европы въ Азію, мы обратимъ теперь вниманіе исключительно на торговые пути, шедшіе чрезъ Пермь. Они-то и были важнѣйшими путями сообщенія между Европейскою Россіей и сѣверной Азіей.

*) Замысловскій: «Герберштейнъ», стр. 148—150 и примѣчанія къ нимъ.

Самый древний торговый путь, шедший съ Волги Камою и съ сѣверными притоками на Вычегду и С. Двину и потерявший свое важное значеніе со времени татарскаго погрома въ XIII в., все таки не былъ заброшенъ совершенно и служилъ въ послѣдствіи путемъ сообщенія изъ Золотой Орды чрезъ Пермь въ Заволочье. Это видно изъ лѣтописнаго извѣстія годъ 1324 (6832) годомъ: „Идоша Новгородци съ княземъ Юрьемъ на Заволочье и взяша Устюгъ на щить и придоша на Двину,.... а князь Юрьи поиде въ Орду изъ Заволочья по Камѣ рѣкѣ“ (см. I и IV Новгородскія, Воскресенскую и друг. лѣтописи).

Но этотъ древній путь съ юга на сѣверъ, путь, имѣвшій теперь далеко не прежнее торговое значеніе, уже давно—съ XI или XII вѣка—пересѣкался другимъ „Новгородскимъ“ путемъ съ запада на востокъ—за Уралъ. Мы не можемъ указать съ точностью, когда былъ оставленъ онъ, но полагаемъ, что около половины XVI в., когда вслѣдствіе политическаго возвышенія Чердыни и Соликамска, обусловленнаго завоеваніемъ Перми Великой, *прежній Новгородскій путь съ Вычегды и Печеры на Сосьву и Обь* былъ замѣненъ новымъ, болѣе южнымъ, *Московскимъ путемъ* изъ Москвы чрезъ Ярославль, Тотьму, Устюгъ Великій, Тальскъ, южную часть Усть-Сысольскаго края и далѣе чрезъ Кайгородъ, Соликамскъ, Чердынь, Уральскія горы на Лозвинскъ, вновь построенный русскими около 1590 г. при впаденіи въ рѣку Лозьву рѣчки Ивделя. Слѣдовательно, *Московскій* путь шелъ рѣками: съ Вычегды на верхнюю Каму, по р. Камѣ, съ притоку Вишерѣ, по притоку Вишеры Велею, притоку Велею Почмогу, чрезъ Уралъ на рѣчку Тальтю, притокъ Ивделя, по р. Ивделю на Лозьву, Тавду и Тоболъ, еще не входя въ бассейнъ Оби*).

*) Н. К. Чупинъ: «Географич. и статист. словарь Пермской губерніи», стр. 53—54 (статья: «Бабиновская дорога»). Рѣка Лозьва, сливаясь съ южной Сосьвой, образуетъ вмѣстѣ съ нею рѣку Тавду, лѣвый притокъ Тобола. Тавда съ сѣвера принимаетъ въ себя рѣку Пелымъ, гдѣ былъ городъ того же имени.

Въ „Соликамскомъ Лѣтописцѣ“, изданномъ В. Н. Бер-
хольцъ, подъ 1595 годомъ значится: „По указу царя Ѳедора
Іоанновича велѣно провѣдывать прямую дорогу отъ Соли-
Камской до Верхотурья; прежняя была окольная отъ Соли-
Камской, мимо городъ Чердынъ, вверхъ по Вишерѣ рѣкѣ,
да черезъ Камень (Ураль) въ Лозьву рѣку, Лозьвою внизъ
въ Тавду, да Тавдою внизъ до Тобола рѣки, а Тоболомъ
вверхъ до устья Туры рѣки, а Турою вверхъ до Тюмени.
Тою дорогою хаживала денежная и соболиная казна и хлѣб-
ные припасы, по смѣтѣ въ 2000 верстъ. Провѣдалъ прямую
дорогу Верхъ-Усонецъ крестьянинъ Артюшка Бабиновъ, и
стало отъ Соликамска до Верхотурья только 250 верстъ.
За сію службу пожаловалъ царь Ѳедоръ Іоанновичъ Баби-
нова грамотою безданною и безпошлинною“. („Путешествіе“
Берга, стр. 206).

Артемій Бабиновъ открылъ новую дорогу южнѣе преж-
ней—отъ Соликамска, *минуя* і. Чердынъ, прямо на востокъ,
чрезъ Уральскія горы, къ верховьямъ рѣки Туры, притока
Тобола. Въ 1597 г. эта новая дорога, прозванная *Бабино-*
скою, была окончательно приспособлена для ѣзды. Съ того
времени городокъ Лозвинскъ былъ заброшенъ, а на томъ
мѣстѣ р. Туры, гдѣ вышла къ ней новая дорога, былъ осно-
ванъ новый городъ Верхотурье въ 1598 году. Здѣсь устроена
была таможня, и съ того времени никакими другими доро-
гами, кромѣ этой, не разрѣшалось ѣздить въ Сибирь и
обратно, хотя безъ контрабанды, конечно, не обходилось*).

Итакъ, съ 1597 г. главный трактъ изъ Европейской
Россіи въ Сибирь шелъ слѣдующимъ образомъ: Москва,
Переяславль Залѣсскій, Ростовъ, Ярославль, Шуйскій Ямъ,
Тотьма, Устюгъ, Лальскій посадъ, Кай-городокъ, Соли-
Камская, село Ростесъ, Верхотурье, Туринскъ, Тюмень,
Тобольскъ—длиною 2388 верстъ. Впослѣдствіи дорога отъ

*) Костоморовъ: «Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII стол.». СПб. 1862 г., стр. 113—117 и ин. другія.

Верхотурья уклонилась на села Салдинское и Мугайское, потомъ на Туринскъ, немного сократившись чрезъ это измѣненіе.

Съ учрежденіемъ Ирбитской ярмарки по указу царя Михаила Феодоровича около 1643 года, опять послѣдовало некоторое измѣненіе въ направленіи главной Сибирской дороги. Это произошло около 1685 года. До Верхотурья шла прежняя Бабиновская дорога, а отъ Верхотурья она круче уклонялась на юговостокъ, уже вовсе минуя Туринскъ и направляясь къ важному торговому пункту г. Ирбита. Вотъ это новое направленіе: Верхотурье, село Салдинское, с. Мугайское, Невьянскій монастырь, Невьянская слобода, Рудная слобода, Ницинская слобода, *Ирбитская* слобода, Киргинская слобода, Чубарова, Верхъ-Ницинская, Краснослободскій острогъ, Усть-Ницинская, Тюмень и Тобольскъ. Прежде отъ Верхотурья чрезъ Туринскъ до Тобольска считалось 612 верстъ, а теперь между тѣми же городами чрезъ Ирбитъ считалось 622, но это новое направленіе дороги, захватывая важный торговый пунктъ, было удобнѣе *).

*) *Примѣчаніе:* Хотя предѣломъ настоящаго изслѣдованія мы положили XVII вѣкъ, но, занявшись вопросомъ о торговыхъ путяхъ, позволимъ себѣ указать здѣсь же и пути, шедшіе чрезъ Пермь Великую въ слѣдующемъ столѣтіи.

При Аннѣ Іоанновнѣ въ 1731 году путь изъ Москвы въ Сибирь существенно измѣнился, направившись на Владимиръ, Муромъ, Нижній Новгородъ и Козмодемьянскъ. Здѣсь Сибирская дорога отдѣлялась отъ Казанской, поворачивала на сѣверо-востокъ и проходила чрезъ Царево-Салчурскъ, Яранскъ, Котельничъ, Хлыновъ (Вятку), Кайгородъ, Соликамскъ, Ростесь, Верхотурье, Салду, Мугай, Невьянскій монастырь и слободу и т. д.—чрезъ Ирбитъ до Тюмени и Тобольска. По этому пути отъ Москвы до Тобольска считалось уже 2354 версты.

Путь чрезъ 20 послѣ уничтоженія Верхотурской таможни, именно около 1783 года, былъ продолженъ новый, такъ называемый, „*Большой Сибирскій трактъ*“, оставившій въ сторонѣ всѣ упомянутые города Вятской губерніи, а равно и Пермскіе—Соликамскъ съ Верхотурьемъ и направившійся изъ Казани чрезъ Сарапулъ, Оханскъ, Пермь—губернскій, Кунгуръ на Екатеринбургъ, Тюмень до Тобольска и далѣе на востокъ.

Кромѣ всѣхъ перечисленныхъ путей изъ Европейской Россіи въ Сибирь въ Пермь Великую съ древнѣйшихъ временъ и доселѣ существуетъ особый путь съ Камы

IV.

Эксплоатація естественныхъ богатствъ Перми Великой.

Мы остановились довольно подробно на древнихъ торговыхъ путяхъ, шедшихъ чрезъ Пермь Вычегодскую и Прикамскую или Великую, въ томъ соображеніи, что эти пути вмѣстѣ съ археологическими находками, обыкновенно сопровождающими ихъ, и съ скандинавскими сагами были главными источниками ученыхъ заблужденій для всѣхъ апологетовъ Біарми. Какъ въ вопросѣ о древней Чуди и ея культурѣ, такъ и въ вопросѣ о древнихъ торговыхъ путяхъ мы не могли отдѣлять Пермь сѣверную отъ южной, Вычегодскую отъ Прикамской или *Чусовой*: такъ не разрывна связь между ними по отношенію къ древнѣйшей скандинавской эпохѣ. Теперь мы должны обратить вниманіе на *дѣйствительныя* минеральныя богатства тѣхъ странъ, по которымъ шли древнѣйшіе пути,—и особенно Перми Великой, составляющей главный предметъ нашего изслѣдованія. Посмотримъ, можно ли съ этой стороны принять за дѣйствительность рассказы о „закамскомъ серебрѣ“.

Уже сказано было, что какъ за Ураломъ, такъ и къ западу отъ него встрѣчается не мало такъ называемыхъ „чудскихъ копей“ *), свидѣтельствующихъ о разработкѣ металловъ въ этихъ мѣстахъ въ глубокой, еще доисторической древности. Но мы знаемъ уже, какъ грубы и несовер-

на Печеру. Направленіе его указано выше. О немъ есть моя особая статья: «Нѣсколько словъ о торговыхъ транзитѣ между рѣчными системами Печеры и Колвы» въ «Пермск. Губерн. Вѣдом.» 1882 г. № 21. О другихъ позднѣйшихъ путяхъ въ Пермь Великой довольно полно говорится въ сочиненіяхъ Н. С. Попова: «Хозяйственное описаніе Пермской губерціи». Изданіе 1-е, Пермь 1804, т. I, стр. 69—82, затѣмъ Штилица: «Слиски населенныхъ мѣстъ Пермской губ.» СПб. 1875 г. стр. CVIII—CX, въ «Словарѣ» Н. К. Чукина, въ статьѣ г. Эйнера объ Ирбитской ярмаркѣ въ «Пермскомъ Сборникѣ», т. II, Москва. 1860 г. и у Мозеля: «Пермск. губ.» СПб. 1864, I и II т.

*) Припомнимъ опять специальное изслѣдованіе проф. Эйхвальда «О чудскихъ копияхъ» въ «Запискахъ Импер. Русск. Археолог. Общества», томъ IX, стр. 269—370.

ны были металлическія издѣлія, большею частію мѣдныя и желѣзныя, находимыя теперь въ „городищахъ“, приписываемыхъ преданіями, какъ и самыя копи, той же исчезнувшей Чуди. Серебряныя же вещи высокой технической отдѣлки, на основаніи различныхъ археологическихъ соображеній, специалисты считаютъ принадлежностью далекаго Азіатскаго юга и востока. Подъ ними-то, кажется, и нужно разумѣть прославленное „камское серебро“, большею частію привезенное на берега Камы съ далекаго юга и востока. Далеко не всѣ предметы вывоза болгарской торговли, отмѣченные Арабами, замѣчаетъ Полевой, принадлежали къ мѣстнымъ произведеніямъ Волжской Болгаріи. Къ мѣстнымъ произведеніямъ могутъ быть отнесены только медь и воск, кожа и тѣ дешевые ковры, о которыхъ упоминаютъ Арабы.... Большая часть мѣховъ, въ особенности дорогихъ, а также и желѣзо, добывались изъ далекой Югры; болѣе дешевые мѣха, мамонтовая кость и моржовые клыки шли въ Болгарію съ сѣвера, изъ туманной, полу-баснословной Біарміи“.....*). Монеты и лучшія вещи изъ драгоцѣнныхъ металловъ, находимыя въ Пермскомъ краѣ, говоритъ Д. И. Иловайскій, конечно не туземнаго происхожденія, а добывались съ помощью привозной торговли. Говоря о Біарміи, не надобно забывать существованіе промышленнаго народа Камскихъ Болгаръ, которыхъ торговцы далеко на сѣверъ и западъ распространяли произведенія какъ собственные, такъ и привозимыя изъ мусульманской Азіи“ **). Множество драгоцѣнныхъ находокъ на почвѣ древней Перми и Болгаріи, повторяющихся отъ времени до времени и до сихъ поръ, все болѣе подтверждаютъ справедливость этихъ словъ глубокаго знатока русской отдаленной старины.

Достоверныя лѣтописныя извѣстія о разработкѣ горныхъ богатствъ Урала и прилегающихъ къ нему странъ начинаются

*) «Очерки Русской исторіи въ памятникахъ быта», т. I, стр. 145.

**) «Исторія Россіи», т. I, часть 2-я: Владимірскій періодъ, стр. 542.

только съ XV вѣка. Въ 1491 году великій князь Иванъ Васильевичъ послалъ на Печору Андрея Петрова и Василя Иванова Болтина съ какими-то нѣмцами Іоанномъ и Викторомъ искать серебряной руды, и они удачно выполнили это порученіе. „Лѣта 7000 (1492) октября въ 20, говоритъ лѣтописецъ, придоша на Москву Ондрѣй Петровъ да Василий Ивановъ сынъ Болтина, что посылалъ князь велики съ ними Нѣмецъ Ивана да Виктора на Печеру руды искати сребренны, и они нашли руду серебряную и мѣденую въ великого князя вотчинѣ на рѣцѣ на Цимлѣ, не доходя Космы рѣки за полдница, а отъ Печеры рѣки за семь днищъ; а мѣста того, гдѣ нашли, на десяти верстахъ, а отъ Москвы дотолѣ полъ—4 тысячи верстъ; а нашли руду лѣта девятдесять девятаго августа 8“ *). Однако блажихъ послѣдствій это открытіе не имѣло. „Россія почти не обрабатывала своихъ металловъ, говоритъ Н. И. Костомаровъ. При Іоаннѣ III находка печерскихъ рудниковъ была, кажется, столь же бесплодна, какъ многочисленныя попытки правительства къ отысканію руды въ XVI и XVII вѣкахъ. Только желѣзо выдѣлывалось у насъ въ *горнахъ* и *домницахъ* въ Орѣшкѣ, въ землѣ Корельской, Каргополѣ, Тихвинѣ, Новгородѣ, Устюжнѣ, прозванной „желѣзнопольскою“, и около Коширы. Это не были правильные заводы, а только крестьянскіе опыты. Иванъ Васильевичъ даровалъ англичанамъ право завести желѣзные заводы въ Вычегдѣ“ **). Слѣдовательно, даже въ позднѣйшее время Россія не обходилась безъ иностраннаго желѣза; равнымъ образомъ золото и серебро привозилось къ намъ изъ за границы въ монетѣ, слиткахъ и издѣліяхъ ***). Тѣмъ болѣе все это было неизбѣжно въ древнѣйшія времена, о которыхъ мы говорили выше.

*) Воскресенская лѣтопись подъ 1491 г. Полн. Собр. Рус. Лѣтоп. т. VIII, 223.

**) «Очеркъ торговли Московскаго госуд.» СПб. 1862 г. стр. 194—195.

***) *ibidem*, стр. 197, 201 и ми. др.

Успѣшнѣе эксплуатировались соляныя залежи въ разныхъ мѣстахъ Россіи, но и это дѣло возникаетъ у насъ довольно поздно. Въ XV вѣкѣ, по словамъ *Костомарова*, еще не было добыванія соли, и Великій Новгородъ получалъ соль изъ за границы^{*)}. Въ слѣдующемъ XVI в. началось солевареніе близъ Старой Русы. Въ 1517 г. Строгановы заводятъ свои солеварни на Вычегдѣ, въ Устюжскомъ и Сольвычегодскомъ краѣ, а съ 1558 года въ Пермь Великой на р. Камѣ, въ нынѣшнемъ Соликамскомъ уѣздѣ. Однако *Костомарову* осталось неизвѣстнымъ, что самое старинное солевареніе возникло у насъ въ началѣ XI вѣка, еще до появленія *Строгановыхъ* на Камѣ, возникло около нынѣшняго Соликамска на рѣчкѣ Боровой и на мѣстѣ самаго города, на рѣчкѣ Усолкѣ. Не даромъ же первые русскіе поселенцы на этихъ мѣстахъ дали и городу, и рѣчкѣ такое названіе: самый Соликамскъ первоначально назывался *Усолъе Камское* или *Соль Камская*. *Бергъ*, основываясь на одномъ старинномъ документѣ, найденномъ имъ въ Соликамскѣ, замѣчаетъ: „Въ XV вѣкѣ посадскіе *Каллиники* завели солевареніе выше села Верхъ-Боровскаго, при рѣчкѣ Боровой, и поставили тамъ пять трубъ. Скудость росоловъ побудила ихъ скоро оставить мѣсто сіе и переселиться около 1430 года на рѣчку Усолку (въ нынѣшній Соликамскъ), гдѣ они и нашли больше способовъ для продолженія своего промысла“^{**)}. Это-то и были, сколько намъ извѣстно, первыя въ Россіи солеварни. Въ XVI—XVII в.в. Строгановы сдѣлались обладателями громаднхъ имѣній въ Пермскомъ краѣ, и съ того времени соляное дѣло въ Пермь Великой было поставлено на прочную ногу. Они постепенно заводятъ соляныя варницы: въ 1564 г. въ Кергеданѣ или Орлѣ-городкѣ, въ 1568 г. въ Нижнемъ Чусовскомъ городкѣ, въ 1606 г. — въ Новомъ Усолѣ^{***)}. Тѣмъ временемъ

*) *ibidem*, стр. 191.

**) *Бергъ*: «Путешествіе въ Чердынъ и Соликамскъ». СПб. 1821 г., стр. 3.

***) «Усолевая лѣтопись *О. А. Волкова*», изданная мною въ Пермск. Губерн. Вѣдом. 1882 г. № 96 и 97 и въ отгискахъ (Пермь. 1882 г.).

основанный въ 1560 г. Строгановыми Пыскорскій Преображенскій монастырь заводитъ соляныя варницы на р. Камѣ въ Рождественскомъ Усолѣ, которое чаще называлось Дедюхинымъ (впослѣдствіи горный городъ, а нынѣ—заштатный) и на рѣчкѣ Зырянкѣ. Со временемъ Дедюхинскія солеварни, неизвѣстно когда возникшія *первоначально*, переходятъ въ казну, а Зырянскія—къ Строгановымъ. Въ писцовыхъ книгахъ Ивана Яхонтова 1579 г. по Чердынскому уѣзду уже упоминаются семь варницъ на рѣчкѣ Вишерѣ, съ коихъ получалъ соль между прочимъ и Великопермскій намѣстникъ, да кромѣ того „за рѣкою Вишерою на рѣчкѣ на Толычѣ, на рѣчкѣ на Усолѣ, посадскихъ и волостныхъ крестьянъ соляныя варницы: Якова Могильникова, Имена Коробейникова, Филиппа Возмищева“, да варницы „молочихъ людей“: Юшка Наумова, Максимка Калинина, Аникія Кокотова и Ивана Фотѣева*). Въ 1610 году выходецъ изъ Балахны Соколовъ завелъ солеварни на рѣчкѣ Ленвѣ, гдѣ потомъ появляются варницы и другихъ промышленниковъ: Задорина, Черкасова, Шустова и Филатьева. Въ 1616 г. Строгановы заводятъ на Чусовой по сосѣдству съ Нижнимъ Верхній Чусовской городокъ съ солеварнями**). Со временемъ всѣ Ленвенскія солеварни также переходятъ въ руки богачей Строгановыхъ. Въ 1623—24 г.г. второй писецъ Михаилъ Кайсаровъ уже показываетъ въ Соли Камской на посадѣ и на рѣчкѣ Зырянкѣ 37 варницъ разныхъ частныхъ лицъ: Ивана Безукладникова, Пароена Третьякова, Усачева и другихъ***). Столь широкаго развитія достигло въ Перми Великой частное солевареніе уже въ началѣ XVII столѣтія!

Итакъ, солевареніе въ Перми Великой впервые возникаетъ въ XV вѣкѣ. Между тѣмъ первые горные заводы для

*) Оттискъ писцовыхъ Чердынскихъ книгъ Яхонтова изъ Пермск. Губ. Вѣдом. 1878 г. стр. 41.

**) «Усольская лѣтопись О. А. Вологова», изд. А. А. Дмитріева. Пермь. 1882 г.

***) Оттискъ Соликамскихъ писцовыхъ книгъ Кайсарова изъ Пермск. Губ. Вѣдом. за 1872 г. Пермь. 1872 г. стр. 50—57.

руды металловъ появляются въ этой странѣ только въ XVII вѣкѣ. Упомянутый Пыскорскій монастырь, въ то время богатѣйшій во всемъ Пермскомъ краѣ, имѣвшій уже, какъ мы видѣли, свои солеварни, положилъ основаніе первому горному заводу въ Перми Великой*). Заводъ построенъ былъ около 1640 года на устьѣ рѣчки Камгорки возлѣ самаго монастыря, подъ горой, гдѣ и доселѣ видны его слѣды (плакъ). Первоначально на немъ плавилъ желѣзную руду, открытую въ р. Яйвѣ въ землѣ Строгановыхъ въ Кушгурскомъ рудникѣ. Рудникъ разрабатывался коштомъ боярина Дѣя Андреевича Свитейщикова въ сообществѣ съ нѣмцемъ Аристомъ Петцольтъ. Потомъ открытъ былъ Григоровскій мѣдный рудникъ при горѣ того же имени, около Пыскора, и тогда Кушгурскій рудникъ былъ поставленъ, а на Пыскорскомъ заводѣ стали плавить мѣдную руду. Впослѣдствіи заводъ на нѣкоторое время прекратилъ свое дѣйствіе, а въ 1724 году снова былъ пущенъ въ дѣйствіе**).

Пыскорскій заводъ въ теченіе столѣтія былъ единственнымъ во всей Перми Великой. Надлежащимъ же образомъ горнозаводское дѣло упрочилось здѣсь, какъ и на всемъ Уралѣ, только съ Петра Великаго. Преобразовательная эпоха сильно оживила Пермскій край построеніемъ многихъ горныхъ заводовъ, привлечшихъ на Уралъ массу новыхъ переселенцевъ изъ внутренней Россіи. Но мы не станемъ здѣсь подробно слѣдить за развитіемъ горнаго дѣла въ Перми Великой въ XVIII вѣкѣ, такъ какъ цѣлью нашей въ настоящемъ случаѣ было—указать зародышъ, начало горнаго дѣла въ этой странѣ.

*) Самымъ первымъ на всемъ Уралѣ считается Никитинскій желѣзодобывательный заводъ въ Ирбитскомъ уѣздѣ, основанный въ 1628 г. Пыскорскій былъ вторымъ на всемъ Уральскомъ хребтѣ. «Историческое начертаніе горнаго производства въ Россійской имперіи», сочиненіе Германа, часть 1-я. Екатеринбургъ. 1810 г., стр. 3 и 4. «Списки населенныхъ мѣстъ Пермской губерніи.» Штилица. СПб. 1875 г. стр. СЛХХV.

**) Германъ, стр. 3 и 4. Въ «Путешествіи» Берха на стр. 42—47 см. грамоту Михаила Феодоровича архимандриту Пыскорскаго монастыря Гермогену отъ 15 апрѣля 1641 года.

Итакъ, слѣдя по достовѣрнымъ историческимъ источникамъ за эксплуатаціей природныхъ богатствъ занимающаго края, мы еще разъ убѣждаемся въ *отсутствіи* въ глубокой древности высокой мѣстной культуры въ области Перми Великой. Можно лишь признать, по даннымъ археологическихъ раскопокъ и такъ называемыхъ чудскихъ копей, знакомство древнѣйшихъ обитателей страны съ первобытными приемами плавки металловъ. Всѣ же древнія вещи, болѣе или менѣе совершенныя въ техническомъ отношеніи и находимыя теперь въ Приуральѣ, нужно считать продуктомъ восточной торговли и не мѣстной, а иноземной культуры. Къ такому мнѣнію склоняется теперь большинство ученыхъ. Многое, быть можетъ, выяснится еще въ темномъ прошломъ Приуралья при дальнѣйшихъ ученыхъ изысканіяхъ, но при современномъ уровнѣ нашихъ познаній объ этомъ прошломъ мы можемъ только констатировать несомнѣнный фактъ все большаго и большаго недоумѣнія со стороны ученыхъ къ мнимой славы и величію Пермской страны въ отдаленной древности.

V.

Границы и административное раздѣленіе Перми Великой до начала XVII вѣка.

Переходимъ къ чрезвычайно спорному въ наукѣ вопросу о границахъ древней Перми. Что бы какъ нибудь разобраться въ пѣломъ хаосѣ всевозможныхъ предположеній и мнѣній, высказанныхъ доселѣ по этому вопросу, мы сдѣлаемъ сначала двоякую группировку матеріала: во 1-хъ, сгруппируемъ различныя историко-географическія названія и во 2-хъ—ученныя заключенія о значеніи этихъ названій.

Относительно занимающей насъ страны въ историческихъ памятникахъ мы встрѣчаемъ слѣдующія историко-географическія названія:

1. *Біармін*, *Біармландія* — скандинавскіе слова и *Beoramas* — англо-саксонское употребляются въ описаніи путешествія Отера въ IX вѣкѣ и въ скандинавскихъ сагахъ, а отсюда и въ трудахъ всѣхъ апологетовъ этой страны.

2. *Пермь*, *Перемь*, *Пермія* — русское наименованіе страны — употребляется въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ и договорныхъ грамотахъ Новгорода съ великими князьями Тверскими и Московскими.

3. *Пермь Великая* — въ смыслѣ названія цѣлой страны употребляется постоянно во всѣхъ государевыхъ грамотахъ и указахъ Московскаго періода, писцовыхъ книгахъ XVI—XVII в.в. и во всѣхъ другихъ правительственныхъ актахъ за то-же время.

4. *Пермь Великая Чердынь* — въ смыслѣ названія города (иногда и безъ прибавленія слова „Чердынь“) употребляется въ тѣхъ же документахъ и за то-же время.

5. *Пермь Старая* — въ смыслѣ названія города Усть-Выма, на р. Вычегдѣ при впаденіи въ нее р. Выма, употреблено въ „Книгѣ Большаго Чертежа“ 1627 года.

6. *Пермь Малая* или *Пермца*, въ смыслѣ названія одной Зырянской волости въ Сольвычегодскомъ краѣ, упоминается въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ документахъ Московскаго періода въ Вологодскомъ краѣ.

Таковы встрѣчающіяся въ историческихъ источникахъ старинныя наименованія Пермской страны и ея нѣкоторыхъ населенныхъ пунктовъ. Обитатели же этой страны въ тѣхъ же источникахъ именуются такимъ образомъ:

1. *Біармійцы*, т. е. жители Біармін, упоминаются тамъ же, гдѣ и это названіе страны.

2. *Заволочская Чуть* — русское наименованіе древнѣйшихъ обитателей Заволочья, упоминаемое въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ.

3. *Пермь* вмѣстѣ съ именами *Печера* и *Юра*, въ смыслѣ наименованія народовъ и самыхъ странъ, упоминаются вмѣстѣ съ предъидущимъ названіемъ въ древне-русскихъ лѣтописяхъ и договорныхъ Новгородскихъ грамотахъ.

4. *Пермь Великая* глаголемая *Чусодоя*, какъ народъ, упомянута въ Епифаніевомъ житіи св. Стефана Пермскаго XIV вѣка.

5. *Пермяне*, *Пермичи*, какъ общее названіе Зырянъ и Пермяковъ, упоминаются въ томъ же житіи и во многихъ грамотахъ Московскаго періода.

6. *Пермяки* — передѣлка имени Пермлянъ — упоминается въ первый разъ въ списокѣ Двинскихъ земель 1471 г. *), а затѣмъ въ Великопермской уставной грамотѣ 1553 года **).

Такова историко-географическая номенклатура въ области бывшей Пермской страны, съ которою у разныхъ ученыхъ соединяется далеко не одинаковое представленіе въ отношеніи ея границъ. Попробуемъ сгруппировать и самыя заключенія ученыхъ о границахъ древней Перми.

Предварительно замѣтимъ однако, что въ связи съ вопросомъ о границахъ стоитъ вопросъ о происхожденіи названій *Пермь* и *Біармія*, при рѣшеніи котораго всѣ ученые раздѣлились на двѣ партіи. Одни утверждали, что *Пермь* есть испорченное скандинавское имя *Біармий*, есть русская передѣлка скандинавскаго названія, и что, слѣдовательно, *Біармія* и *Пермь* есть въ сущности одно и то же. Стараясь уяснить себѣ значеніе слова „Пермь“, *Савельевъ*, *Шейренъ* и *Савваитовъ* производятъ его отъ финско-зырянскаго корня и суффиксовъ и переводятъ это слово въ смыслѣ *украины*, задней, крайней

*) «Акты Археологической Экспедиціи», томъ I, № 94.

**) «Путешествіе» В. Н. Берга, стр. 121—134 и въ приложеніяхъ къ настоящей книгѣ.

стороны (отъ финскаго „Perämaa“ = задняя сторона, или зырянскаго „Perjema“ = унаследованная земля, по *Шейрену*; пермяцкое „Päämä“ однозначно съ зырянскимъ „Sytjä, sytä“ = украина, следовательно Пермь и Зыряне — слова синонимическія, по *Савельеву* и *Савваитову* *). Другіе знатоки зырянско-пермяцкаго языка, напримѣръ *Роговъ* и въ последнее время *Лыткинъ*, производятъ слово „Пермь“ отъ зырянскаго „парма“ = возвышенная мѣстность; то же мнѣніе поддерживаетъ профессоръ *Замысловскій* **).

Но есть другая партія ученыхъ, которая, считая форму „Биармія“ первообразомъ слова „Пермь“, старалась объяснить происхожденіе самого скандинавскаго наименованія изъ финскихъ языковъ. Тутъ встрѣтилось еще больше затрудненій въ словообразованіи, почему и выводы были еще гипотетичнѣе. Одни складывали это слово изъ *би* (огонь) *уръ* (бѣлка) *му* (земля) = земля огненной, т. е. красноватой, бѣлки; другіе — изъ *би-аръ* (годъ) - *му* = земля годоваго огня; третьи — изъ *би-югъ* (лучъ) - *му* = земля огненныхъ лучей ***). Конечно, всѣ такія объясненія не привели ни къ чему опредѣленному, и смыслъ слова *Биармія* для насъ и понынѣ такъ же теменъ, какъ и прежде.

Изъ всѣхъ приведенныхъ филологическихъ розысканій наиболее простымъ, естественнымъ является производство слова *Пермь* изъ пермяцкаго и зырянскаго *парма* = возвы-

*) *Шейренъ*: «Gesammelte Schriften», I, 295—296.

Савваитовъ: «О зырянскихъ древнихъ календаряхъ» въ «Трудахъ I Археолог. Съезда». Москва. 1869 г. II.

Савельевъ: «Пермская губернія въ археологическ. отношеніи» въ «Журналѣ Минист. Внутр. Дѣлъ» 1852 г. № 7.

**) *Роговъ*: «Матеріалы для описанія быта Пермскихъ» въ «Журналѣ Минист. Внутр. Дѣлъ» 1858 г. № 4.

Лыткинъ: «Пятистолѣтіе Зырянскаго края» въ «Журн. Мин. Народ. Просв.» 1883 г. № 12.

Замысловскій: «Объясненія къ учебному атласу по Русской исторіи». СПб. 1887 года, стр. 30.

***) «Сказаніе о жизни и трудахъ святаго Стефана, епископа Пермскаго» А. М. (архимандрита Макарія). СПб. 1856 г. на стр. 38, примѣчаніе 6-е.

шенность, такъ какъ и сейчасъ Пермьки и Зыряне „пармоу“ называютъ всякую возвышенную плоскость. Достойно вниманія, что одна возвышенная лѣсистая и глухая мѣстность въ сѣверо-восточной части Соликамскаго уѣзда, въ бассейнѣ рѣки Глухой Вильвы, текущей слѣва въ Язвѣ, притокъ Вишеры, и доселѣ называется среди мѣстныхъ жителей (русскихъ) *Пармою*, а въ недалекомъ отсюда разстояніи, въ бассейнѣ р. Косъвы, лѣваго притока Камы, но въ предѣлахъ сосѣдняго Пермскаго уѣзда, встрѣчается двѣ деревни съ названіемъ *Пермское* и село *Перемское*, иначе Николаевское; кромѣ того въ Чердынскомъ уѣздѣ на рѣчкѣ Зулѣ, въ 315 верстахъ отъ уѣзднаго города, въ Юрлинской волости, донинѣ есть деревня *Парма*. Однако и указанное словообразованіе „Перми“ отъ „парма“ теряетъ значеніе въ отношеніи собственно къ народамъ, населявшимъ эту страну съ древнихъ временъ, такъ какъ и Пермьки, и Зыряне сами себя называютъ *Коми* и, по свидѣтельству знатока ихъ *Рогова*, сами „не знаютъ, почему страну ихъ называютъ Пермью, а ихъ Пермьками“ *).

Обращаясь затѣмъ къ мнѣніямъ разныхъ ученыхъ о границахъ древней Перми, мы замѣчаемъ въ этомъ отношеніи четыре группы.

1. По мнѣнію однихъ, Біармія и Пермь есть одно и то же, именно огромная страна, занимавшая восточныя части нынѣшнихъ Архангельской и Вологодской губерній и сѣверныя Вятской и Пермской.

2. По другимъ, Біармія была одна страна, именно побережье Бѣлаго моря и бывшее Заволочье—отъ р. Онеги либо Двины до Печоры и даже Уральскаго хребта, а Пермь—другая, лежавшая южнѣе, въ области нынѣшняго зырянско-пермьскаго населенія, слѣдовательно восточная часть теперешней Вологодской губерній, сѣверо-западная Пермской и сѣверо-восточная Вятской.

*) «Журналъ Минист. Внутр. Дѣлъ», 1858 г., № 4, въ статьѣ о Пермькахъ.

3. По третьимъ, Пермь вообще и Пермь Великая была одна и та же страна (безотносительно къ Біарміи) въ пределахъ теперешняго зырянскаго и пермяцкаго населенія.

4. По четвертымъ, Пермь Великая была въ сѣверо-западной части нынѣшней Пермской губ. (до рѣки Чусовой включительно) и въ сѣверо-восточной части Вятской, а Пермь (вообще, безъ опредѣленія) лежала по теченію р. Вычегды и ея притоковъ, р. Выма, Сисолы и другихъ.

Приведемъ мнѣнія только важнѣйшихъ представителей каждой группы. Самой обширной по числу послѣдователей является первая группа ученыхъ, считающихъ Біармію и Пермь за одну и ту же страну съ двумя названіями—скандинавскимъ и русскимъ. Сюда относятся все писатели-апологеты прошлаго вѣка, касавшіеся вопроса о древней Перми, каковы *Страшенбергъ*, *Ломоносовъ*, *Чужовъ*, *Рычковъ* и мн. др. Въ нашемъ вѣкѣ первымъ авторитетнымъ представителемъ той же гипотезы является *Карамзинъ*, въ первомъ же томѣ своего монументальнаго историческаго труда рѣшительно заявившій: „Имя нашей Перми есть одно съ именемъ древней Біарміи, которую составляли Архангельская, Вологодская, Вятская и Пермская губерніи“ („Ист. Гос. Россійск.“, изд. Смирдина, I, 42). Позднѣе такое же мнѣніе высказалъ извѣстный нумизматъ *Савельевъ*, на основаніи иныхъ научныхъ соображеній*). Въ 1860 годахъ гипотеза о тождествѣ Перми и Біарміи приобретаетъ новаго авторитетнаго защитника въ лицѣ *Костомарова*. По его словамъ, древнѣйшему приуральскому торговому пути „обязана Пермь извѣстностію въ скандинавскихъ памятникахъ, подъ именемъ Біарміи, своими богатствами. Пермяки и Зыряне вымѣнивали на мѣха восточные товары и въ древности снабжали ими скандинавскихъ викинговъ“. Въ другомъ мѣстѣ *Костомаровъ* еще яснѣе говорить: „Въ глубокой древности Пермскій край былъ извѣстенъ

*) «Пермская губер. въ археологич. отношеніи» въ «Журналѣ Минист. Внутр. Дѣлъ». 1852 г., № 7.

Скандинавамъ и въ путешествіи Отера называется Біармось — испорченное названіе Пермь, Перемь“ *). Наконецъ въ самое послѣднее время знатокъ русской исторической географіи, профессоръ Русской исторіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ, *Е. Е. Замысловскій*, послѣ многолѣтнихъ занятій въ этой области, высказалъ мнѣніе, что „народъ Пермь имѣлъ очень древнюю культуру, промышленялъ горнымъ дѣломъ и вель торговлю съ Болгарами, Скандинавами, которые называли Пермскую землю Біармією, и, вѣроятно, Славянами. Біармія простиралась отъ береговъ С. Двины на востокъ, можетъ быть, до самаго Уральскаго хребта, и въ составъ ея входила нынѣшняя Пермская губернія“ **).

Вторая группа ученыхъ держится прямо противоположнаго мнѣнія, что *Біармія не есть Пермь*, что это — двѣ различныя, хотя и сосѣднія, страны, и что нѣкоторое случайное созвучіе ихъ названій еще не доказываетъ ихъ тождества. Если первую группу составляютъ преимущественно апологеты Біарміи, то ко второй нужно отнести скептиковъ, въ первомъ ряду которыхъ стоятъ нѣкогда извѣстный историческій критикъ *Шлецеръ* ***) и *В. Н. Берхъ*, такъ усердно, такъ много занимавшійся вопросомъ о древней Перми и ея обитателяхъ — на мѣстѣ, въ предѣлахъ бывшей Перми Великой. „Къ сильнѣйшему сомнѣнію, что нынѣшняя Пермь не есть Біармія, говоритъ онъ, побуждаютъ болѣе часто встрѣчаемыя противорѣчія..... Многіе думаютъ утвердить существованіе Біарміи тѣмъ, что греческій авторъ Холкокондилъ о ней писалъ, и извѣстіе историка, жившаго въ XV вѣкѣ, считаютъ они за самое сильное доказательство..... Слича сіи извѣстія о Перми, надобно заключить, что она находилась не у Ледовитаго океана, а около Чернаго и Каспійскаго морей. Вотъ

*) «Сѣвернорусскія народоправства». СПб. 1863 г., т. I, стр. 415 и 411.

**) *Замысловскій*: «Объясненія къ учебному атласу по Русской исторіи». СПб. 1887 г., стр. 30 и въ самомъ «Атласѣ» см. карты подъ №№ 1 и 3.

***) *Шлецеръ*: «Einleitung in die nordische Geschichte». Halle. 1771. Этой книги мы не имѣемъ въ рукахъ.

какой степени заблуждались люди, чтобъ поддержать
жизнѣе свое о коммерціи до временъ Рюрика. („Путеше-
ствие“, стр. 72—73). Находя болѣе правдоподобности только
научныхъ воззрѣнійхъ Несторова критика *Шведеръ Бергъ*
его словъ замѣчаетъ, что „въ важныхъ извѣстіяхъ Отера
описываются одни только берега, а не внутренность земель,
т. е. Біарміи“ (ibidem, 74). — Замѣчательно, что чрезъ 60
лѣтъ къ тѣмъ же самымъ выводамъ пришелъ *Д. М. Павлов-
скій* въ своемъ послѣднемъ капитальномъ трудѣ по исторіи
Россіи, — пришелъ послѣ всѣхъ многочисленныхъ новѣйшихъ
изслѣдованій и открытій въ области русской исторической
науки, новорожденной русской археологіи и сравнительной
филологіи и антропологіи. Вотъ его подлинныя слова:

„Изъ ряда отдѣльныхъ вопросовъ, относящихся къ древ-
ней исторіи Финскаго сѣвера Россіи, укажу на составившееся
представленіе о какой-то самобытной Финской гражданствен-
ности, стоявшей когда-то на довольно высокой степени въ
странѣ, извѣстной подъ именемъ Біарміи. Представленіе это
основалось во первыхъ на разсказахъ Скандинавскихъ сагъ
о Біарміи, во вторыхъ на многихъ цѣнныхъ предметахъ,
находимымъ случайно или добытыхъ раскопками, преиму-
щественно въ Пермскомъ краѣ. *По моему крайнему разум-
нію, означенное представленіе о древней цивилизаций Біарміи
и самобытно развившейся тамъ финской гражданственности
основано на нѣкоторыхъ преувеличеніяхъ и недоразумѣніяхъ...*
По всей вѣроятности, племя Зырянъ или Пермиковъ, сосѣд-
нее и отчасти подчиненное Болтарамъ, преимущественно
подъ ихъ вліяніемъ развило свой болѣе дѣятельный и про-
мышленный характеръ, которымъ оно значительно отличается
отъ другихъ Финновъ. Это-то Пермцко-Зырянское племя
отождествляютъ съ Беормами или Біармійцами скандинав-
скихъ сагъ; хотя *послѣднія указываютъ собственно на при-
брежья Бѣлаго моря, т. е. на страну Заболотной Чуды.*
Замѣчу кромѣ того, что упомянутыя извѣстія этихъ сагъ

относятся къ XI—XIII вѣкамъ, т. е. къ тому времени, когда сѣверовостокъ Европы былъ также посѣщаемъ и русскими торговцами, и русскими сборщиками даней съ туземцевъ; а отъ нихъ наши первые лѣтописцы могли получать современные имъ свѣдѣнія о народахъ той стороны и даже о болѣе отдаленной Югрѣ, и, какъ мы видимъ, дѣйствительно получали (напр. рассказъ Гюриты Роговича). Но въ лѣтописяхъ нашихъ не находимъ никакихъ указаній на существованіе какого-либо Біармійскаго царства или высокой Біармійской гражданственности^{*)}. Это безпристрастное, вполне объективное сужденіе одного изъ самыхъ авторитетныхъ русскихъ историковъ нашего времени служить связующимъ звеномъ въ ученыхъ домыслахъ о древней Перми второй и третьей категорій.

Третья группа ученыхъ, по основнымъ взглядамъ, совпадаетъ съ предыдущей, отличается отъ нея только тѣмъ, что представители ея въ вопросѣ о древней Перми совсѣмъ игнорируютъ Біармію и свои выводы дѣлаютъ на основаніи исключительно русскихъ источниковъ, каковы лѣтописи, царскія грамоты и т. д. Сосредоточивая все свое вниманіе на древней Перми съ ея пермяцко-зырянскимъ населеніемъ, безъ всякаго отношенія ея къ Біарміи, эти ученые не дѣлаютъ отличія Перми вообще отъ такъ называемой Перми Великой, считая эти названія однозначущими. Главнымъ основаніемъ для такого отождествленія Перми съ Великой Пермью служитъ то, что св. Стефанъ обыкновенно называется „Великопермскимъ“ не смотря на то, что въ предѣлахъ нынѣшнихъ Пермской и Вятской губерній онъ никогда не бывалъ, и что, поэтому же, съ 1580 годовъ епископы православнаго имъ края именовались „Вологодскими и Великопермскими“, а съ 1658 г. — „Вятскими и Великопермскими“. Слѣдовательно Пермь вообще и Пермь Великая есть двоякое

^{*)} Д. И. Иловайскій: «Исторія Россіи», часть 2-я: Владимірекій періодъ. Москва. 1880 года, стр. 542—543, примѣчаніе 24-е ко II части труда.

заименованіе одной и той же страны. Еще профессор *Устряловъ* въ книгѣ: „Именитые люди Строгановы“ (СПб. 1842 г.) высказалъ опредѣленно такой взглядъ. „Пермью Великою всегда назывались, говорить онъ, Пермскіе города — Чердынъ, Соль-Вычегодскъ, Соликамскъ, Кайгородъ, хотя былъ и городъ Пермь, извѣстный подъ именемъ Старой Перми: онъ находился на Вычегдѣ въ 140 верстахъ отъ ея устья“ (стр. 8—9, въ сноскѣ). Но во главѣ ученыхъ этой категоріи стоитъ *С. М. Соловьевъ*, въ „Исторіи“ котораго мы не встрѣчаемъ разсужденій о Біарміи, а только одни, основанные на русскихъ источникахъ, разсужденія о Финнахъ, Перми вообще и Перми Великой*). По его мнѣнію, Пермь есть страна Пермяковъ или Зырянъ — народовъ одного языка (IV, 271). То же самое мнѣніе о тождествѣ этихъ странъ, народовъ и ихъ наименованій высказываетъ *П. И. Савваитовъ* въ статьѣ „О зырянскихъ древнихъ календаряхъ“ (**). Сюда нужно отнести и почти всѣхъ мѣстныхъ изслѣдователей о св. Стефанѣ и его просвѣтительной дѣятельности, наприм. *Шестакова*, протоіерея *Евгенія Попова* и др.***). Составитель „Географическаго и статистическаго словаря Пермской губерніи“ *Н. К. Чупинъ* принадлежитъ сюда же, равно какъ *В. Н. Шишонко*, издатель многотомнаго сборника матеріаловъ о Пермскомъ краѣ „Пермской Лѣтописи“, въ которой разсужденія о Перми вообще и Перми Великой постоянно спутываются****).

*) „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ I, 76—78, IV 271—272, V 93—95 и т. д.

**) „Труды I Археологическаго Сѣзда въ Москвѣ“. Москва. 1869 г., т. II, 408.

***) *П. Д. Шестаковъ*: „Св. Стефанъ, первосвятитель Пермскій“. Казань. 1868 года, стр. 18—19.

Евгеній Поповъ, протоіерей: „Великопермская и Пермская епархія“. Пермь. 1879 г. и „Святитель Стефанъ Великопермскій“. Пермь. 1885 г.

****) Доселѣ вышли слѣдующія части этого изданія: „Пермская Лѣтопись“ томъ I съ 1263—1613 г. Пермь 1881 г.; томъ II 1613—1645 г.г. II. 1882 г.; т. III 1645—1676. II. 1884 г.; т. IV 1676—1682 II. 1884 г.; т. V 1682—1694. II. 1885 г.; т. VI 1694—1701. II. 1887 г.

Наконецъ въ послѣднее время, благодаря значительнымъ успѣхамъ въ дѣлѣ разработки *мѣстной* исторіи какъ Пермскаго, такъ и Вологодскаго края, въ вопросѣ о древней Перми образовалась еще четвертая группа ученыхъ. Игнорируя Біармію, какъ дѣлаютъ и ученые третьей группы, эти изслѣдователи признаютъ Пермь Великою странною, по составу населенія близко родственною Перми вообще, но составляющею только южную ея часть. По ихъ воззрѣнію, въ бассейнѣ р. Вычегды съ ея притоками лежала Пермь, а въ бассейнѣ верхней Камы и ея притоковъ — Пермь *Великая*. Такимъ образомъ названіе *Перми Великой*, по этому воззрѣнію, нельзя распространять на всю Пермь въ ея широкомъ объемѣ. Въ понятіяхъ этихъ ученыхъ Вычегодская Пермь отдѣляется отъ Камской, область Зырянскаго населенія отъ области собственно Пермской.

Первымъ представителемъ этого правильнаго воззрѣнія былъ одинъ изъ *мѣстныхъ* писателей Пермскаго края; извѣстный историкъ Строгановыхъ, Ѳеодотъ Алексѣевичъ *Волеговъ*, авторъ „Историческихъ свѣдѣній о г.г. Строгановыхъ“, „Усольской лѣтописи“, „Историческо-статистическихъ таблицъ на Пермскія имѣнія г.г. Строгановыхъ со времени пожалованія ихъ въ 1558 году“ и другихъ трудовъ*). Въ послѣднемъ изъ поименованныхъ трудѣ, чрезвычайно важномъ для исторіи Великопермскаго края и только что изданномъ мною въ печати, Ѳ. А. Волеговъ очень опредѣленно указываетъ свое понятіе о бывшей области Перми Великой (см. таблицу подъ № 1). Онъ *первый изъ всѣхъ*, кто когда-либо писалъ о Перми, судилъ о ея границахъ на основаніи *мѣстныхъ писцовыхъ книгъ*—и это одно уже дѣлаетъ его изслѣдованія особенно важными.

*) О Ѳ. А. Волеговъ см. мои сообщенія: въ Пермск. Губерн. Вѣдом. 1882 г. № 81, статью: «Ѳ. А. Волеговъ, какъ историкъ Строгановыхъ» въ тѣхъ же Вѣдомостяхъ за 1884 годъ и въ отискахъ и рецензію на нее М. В. Аксенова въ «Журн. Минист. Народн. Просвѣщ.» Май, 1885 г. «Истор.-статист. таблицы» изданы мною въ «Памятной книжкѣ Пермской губерніи на 1889 г.». Написанныя въ 1850 годахъ, онѣ доселѣ были въ рукописи.

Другимъ очень виднымъ представителемъ четвертой группы ученыхъ, занимавшихся вопросомъ о древней Перми и ея границахъ, является мѣстный изслѣдователь Вологодскаго края, г. *Лыткинъ*, авторъ превосходной статьи: „Пяти-сотлѣтіе Зырянскаго края“ (Журналъ Мин. Народ. Просв. 1883 г. № 12). Подъ „Великой Пермью“ г. *Лыткинъ* разумѣетъ только возвышенность или „парму“, заключающуюся между рѣками Вишерой и Чусовой. Эту „Вишерско-Чусовую парму“ онъ вездѣ противопоставляетъ „Вычегодской пармѣ“ и, соотвѣтственно тому, Пермь Великую—Вычегодской Перми. Главнымъ, основнымъ источникомъ для его сужденій служить Епифаніево житіе св. Стефана, памятникъ конца XIV вѣка, именно 1396—1397 годовъ.

Теперь, послѣ восьмилѣтнихъ специальныхъ занятій мѣстной исторіей Пермскаго края, позволю себѣ высказать и свой взглядъ по вопросу о древней Перми. Такъ какъ ни въ древнѣйшихъ мѣстныхъ источникахъ письменныхъ и вещественныхъ, ни въ мѣстныхъ народныхъ преданіяхъ нѣтъ никакого упоминанія о баснословной Біарміи, даже никакого намека на нее, то мы оставимъ ее въ сторонѣ, какъ область древней Заволочской Чуди, а не Перми вообще и тѣмъ болѣе южной или Великой Перми. При паличномъ запасѣ всѣхъ данныхъ мѣстной археологіи и исторіи, мы можемъ говорить *только о Перми*.

Мы знаемъ, что въ древнѣйшемъ источникѣ—начальной русской лѣтописи упоминаются сперва только Пермь и Печера, къ которымъ подъ 1096 годомъ, въ разсказѣ Гюряты Роговича, присоединяется и Югра. Затѣмъ въ договорныхъ Новгородскихъ грамотахъ, первая изъ которыхъ относится къ 1263 году, обыкновенно стоятъ рядомъ Пермь, Печера, Югра въ числѣ „волостей“ Новгорода Великаго. Названія „Перми Великой“ мы ни разу не встрѣчаемъ до исхода XIV вѣка.

Въ первый разъ географическій терминъ „Пермь Великая“ встрѣчается въ жизнеописаніи св. Стефана Пермскаго, составленномъ въ 1396—1397 г.г. Елифаніемъ Премудрымъ, инокомъ знаменитой Троице-Сергіевой обители, современникомъ Пермскаго апостола. Изъ сочиненія Елифанія географическія показанія перешли въ лѣтописи того времени, а затѣмъ и въ „Степенную Книгу“. Поэтому особенно важно свидѣтельство первоисточника, каковымъ въ данномъ случаѣ служить Елифаніево сказаніе. Вотъ подлинныя слова Книфанія: „А се имена мѣстомъ и странамъ и землямъ и иноязычникомъ, *живущимъ околоу Перми*: Двиняне, Оустыюжане, Вилежане, Вычегжане, Пинежане, Южене, Сырьяне, Гаиане, Вятчене, Лопь, Корѣла, Югра, Печера, Вогоуличи, Самоедь, Пертасы, *Пермь Великая глаголемая Чюсовал*. Рѣка же едина, ей же имя Вымь, си обходящая всю землю Пермскоую, и вниде въ Вычегдоу; рѣка же другая именемъ Вычегда, си исходящая изъ земли Пермьскыа..... рѣка же третьяя нарицаемая Вятка, яже течеть въ другую страну Перми и вниде въ Камоу; рѣка же четверта именемъ Кама. Си есть, си оубо *обходящая и проходящая всю землю Пермскоую сквозь юю*, по ней же мнози языци сѣдять, *си оубо грядущія оустремленіемъ прямо яко къ ююу* и своимъ оустіемъ вниде въ Волгоу, близъ града нарицаемаго Болгарт. Незнаемо же, како изъ единой страны истекостъ двѣ рѣцѣ Вычегда и Кама, овы оубо воды грядихоу на полноци, овы же на полъдни“ *).

Дабы удобнѣе было понять нѣкоторые не вполне ясныя мѣста въ приведенныхъ словахъ Елифанія, сопоставимъ съ ними подобныя же слова изъ I Софійской лѣтописи, составленной въ концѣ XV вѣка, т. е. столѣтіемъ позже Елифаніева сказанія. Подъ 1396 годомъ въ сказаніи о смерти

*) «Памятники старинной русской литературы», издаваемые графомъ Кушелевымъ-Безбородко. СПб. 1862 года, выпускъ IV, подъ редакціей Н. И. Костомарова, стр. 123.

Стефана Пермскаго, очевидно, заимствованномъ у Елифанія, говорится: „А се *живущимъ около Перми* имена мѣстомъ и странамъ и землямъ иноязычнымъ: Двиняне, Устюжане, Велижане, Вычегжане, Пенежане, Южане, Сирнане, Галичане, Вятчане, Лось, Корѣла, Югра, Печера, Вогуличи, Самоѣды, Пертасы. *Пермь Великая, Гамаль Чосовая*: рѣка же первая именемъ Вымь впаде въ Вычегду, другая рѣка Вычегда обходяще всю землю Пермскую потече къ сѣвернѣй странѣ и паде въ Двину, ниже Устюга 40 верстъ, рѣка же третья Вятка потече съ другую сторону Перми и впаде въ Каму рѣку, *сія же рѣка Кама обходяще всю землю Пермскую*, по сей бо рѣцѣ мнози языци сядуть, и потече на югъ въ землю *Татарскую* и паде въ Волгу, ниже Казани 60 верстъ“ *).

Тѣ же самыя слова встрѣчаемъ и въ Патріаршей или Никоновской лѣтописи, составленной во второй половинѣ XVI вѣка, при чемъ и эта лѣтопись, подобно Софійской, передаетъ топографію Елифанія въ нѣсколько извращенной формѣ. О рѣкѣ Вычегдѣ сказано „*обходяще* всю землю Пермскую“, тогда какъ въ первоисточникѣ сказано „*си исходящая изъ земля Пермская*“; о Камѣ замѣчено „*сія же рѣка Кама обходяще всю землю Пермскую....* и потече на югъ въ землю Татарскую“ вмѣсто Елифаніевыхъ словъ: „*си оубо обходящая и проходящая всю землю Пермскую сквозящую....*“. Пермь Великая сопровождается безсмысленнымъ словомъ „Гамаль“, образовавшимся изъ титулованнаго слова „глаголемая“; въ спискѣ, по которому Никоновская лѣтопись издана была нашей Академіей Наукъ въ 1788 году, встрѣчаемъ даже болѣе удивительное слово „Гамалочюсовая“ (часть IV, стр. 267). Та же извращенная редакція словъ Елифанія повторяется и въ „Степенной Книгѣ“.

*) «Полное Собр. Русск. Лѣтоп.», томъ V, стр. 250.
Пермская Старина. Вып. I.

И первоначальное „сказаніе“, и лѣтописи, какъ видимъ, перечисляютъ народы, жившіе *вокругъ* Перми, разумѣется Вычегодской, просвѣщенной св. Стефаномъ, а также рѣки какъ „обходящія“, т. е. ограничивающія Пермь, такъ и „проходящія сквозъ ню“. Сосѣдами Перми эти источники называютъ ясно жителей береговъ С. Двины, Пинеги, Печоры, Вычегды отъ ея притока Выма до устья, лѣваго притока Вычегды рѣки Виледи, текущей въ нее повыше Сольвычегодска, далѣе—жителей рѣкъ Юга, включая сюда и самихъ Устюжанъ, Вятки. *Чусовой*, лѣваго притока Камы, и приуральскій народъ Вогуличей. За предѣлами этого кольца или круга странъ и народовъ, центромъ котораго служила страна Пермь, населенная Пермьянами, сказаніе и лѣтописи указываютъ еще другой внѣшній и, слѣдовательно, большій по радіусу, кругъ народовъ, болѣе удаленный отъ центра—Перми, а именно: Корѣлу, Галичанъ, Лопъ, т. е. Лапцовъ или Лапонцевъ, Самоѣдовъ, зауральскую Югру и еще нѣкоторыхъ народовъ, имена которыхъ нѣсколько загадочны. Такимъ образомъ, по сказанію Елифанія и позднѣйшихъ лѣтописцевъ, черпавшихъ у него или его компиляторовъ свѣдѣнія, два кольца или круга странъ и народовъ довольно concentрично располагались вокругъ древней Перми, лежавшей внутри меньшаго, ближайшаго къ ней, кольца.

Подробно перечисливъ вдвойнѣ окружавшіе древнюю Пермь народы и страны, Елифаній упоминаетъ затѣмъ важнѣйшія *рѣки Перми какъ пограничныя, такъ и внутреннія*. Рѣка Вымъ „обходила“, т. е. ограничивала съ сѣверо-западной стороны „всю землю Пермскую“; рѣка Вычегда отъ истока до впаденія въ нее Выма начиналась въ самой Перми и служила главной для нея внутренней рѣкой, а кончалась уже за предѣлами Перми; рѣка Вятка течетъ въ противоположную отъ Перми сторону, внѣ ея предѣловъ, почему жители ея и отнесены къ сосѣдямъ Пермской страны; р. Кама, взявъ начало въ Пермскихъ (точнѣе Великоперм-

ея) предѣлахъ, самымъ верхнимъ своимъ теченіемъ съ юга на сѣверъ, отъ своего истока до возникшаго въ послѣдствіи Кая, также „обходила“, т. е. ограничивала Пермь съ западной стороны, а дальнѣйшимъ теченіемъ съ запада на востокъ (сѣверная ея дуга или излучина) и далѣе на юго-западъ уже „проходила *сквозь* всю Пермскую (собственно Великопермскую) землю, какъ вѣрно замѣчаетъ Епифаній, разумѣя въ послѣднемъ случаѣ, какъ увидимъ ниже, Пермь Великую или—по его выраженію—*Чусовую*.

Кажется, мы не ошибаемся, понимая именно такъ топографію Епифаніева сказанія. И всѣ другіе позднѣйшіе источники, какими мы располагаемъ, совершенно согласуются съ этими показаніями. Епифанія въ отношеніи границъ древней Перми вообще. Если за предѣлами указаннаго круга и встрѣчались еще поселенія Пермлянъ, то *это были не болѣе, какъ колоніи древней Перми*. Таковы были всѣ поселенія Пермлянъ на нижней Вычегдѣ, отъ устья Выма до Двины, поселенія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Вятской земли и т. д.

Теперь остановимъ преимущественное вниманіе на одномъ сосѣднемъ съ Пермью народѣ и его странѣ, отнесенномъ у Епифанія къ внутреннему кольцу ближайшихъ къ Перми сосѣдей—на „*Перми Великой глаголемой Чусовой*“.

По единогласному замѣчанію всѣхъ критиковъ Епифаніева сказанія, позднѣйшіе составители „Степенной Книги“ и лѣтописей, вродѣ Софійскаго временника, не разобравъ почему-то стоявшее подъ титуломъ слово „глаголемый“, передѣляли его въ небывалый народъ „Гамаль Чусовая“ *). Поэтому опредѣленіе „глаголемая Чусовая“, несомнѣнно, имѣетъ отношеніе къ „Перми Великой“. Почему же Епифаній такъ называлъ Великую Пермь? Слово „Чусовая“ и нынѣ служитъ наименованіемъ лѣваго притока Камы и довольно значительнаго озера въ сѣверной части Чердынскаго

*) См. наприм. у Ишестакова въ книгѣ: «Св. Стефанъ, первосвят. Пермскій». Казань, 1868 г., стр. 18.

уѣзда. Притокъ Вишеры, впадающей слѣва въ Каму, рѣка Колва принимаетъ въ себя значительно выше города Чердыни р. Вишерку, а послѣдняя въ свою очередь вытекаетъ изъ *Чусовскаго озера*, которое съ сѣверной стороны принимаетъ въ себя рѣчку Березовку, отъ притока которой Волога начинается извѣстный археологамъ *Буронинъ волокъ* въ 7 верстѣ длины, выходящій къ рѣкѣ Немѣ, притоку Вычегды. Это— тотъ самый путь, который нѣкоторые ученые принимаютъ за древнѣйшій восточный торговый путь изъ Булгара на устьѣ Сѣверной Двины *).

Такимъ образомъ, по указанію Епифанія, „Пермь Великая“, какъ особая страна, упиралась южнымъ концомъ въ рѣку Чусовую съ ея притоками, а сѣвернымъ—въ озеро Чусовское, почему и называлась естественно *Пермью Великой Чусовой* въ отличіе отъ собственной или *Вычегодской Перми*. Епифаніева „Пермь Великая, глаголемая Чусовая“ занимала, слѣдовательно, нынѣшніе уѣзды Пермской губерніи: сѣверо-восточную часть Кунгурскаго, большую часть Оханскаго, весь Пермскій, Соликамскій и Чердынскій уѣзды и въ Вятской губерніи—восточную часть Слободскаго и Глазовскаго уѣздовъ. Только по самому склону Урала (западному), начиная съ верховьевъ Печеры до рѣки Чусовой и далѣе къ югу долго жили Вогуличи и Остяки, постепенно вытѣсненные со временемъ въ Азію. *Слѣдовательно, Пермь Великая лежала между р. Чусовой съ ея притоками и озеромъ Чусовскимъ преимущественно по Камѣ, нижней Вишерѣ и Колвѣ*, на западъ не доходя до р. Вятки, а на востокъ—до Уральскаго хребта. Не потому-ли Пермяки и доселѣ сами себя именуютъ *Коми*, т. е. жители береговъ Камы? При этомъ всѣ историче- мѣстной Пермской исторіи весьма опредѣленно называютъ указанное пространство и „Пермью Великой“, и

*) Наприм. Alexander Gastren: «Ethnologische Vorlesungen». СПб. 1857 г. 137—142. *Петръ Полковой*: «Очерки русской исторіи въ памятникахъ быта». СПб. 1879 г., т. I, стр. 147—148. Въ настоящемъ изслѣдованіи см. выше главу III.

просто „Пермью“, тогда какъ бассейну Вычегды наименованія „Пермь Великая“ они *никогда не приписываютъ*. Отсюда ясно, что Пермь Великая была только частью Пермской земли, понимаемой въ общпримѣ смыслѣ, во всемъ ея объемѣ.

Епифаній Премудрый, впервые сообщившій довольно подробныя географическія свѣдѣнія о сѣверо-востоку Россіи, напелъ себѣ многихъ компиляторовъ въ лицѣ позднѣйшихъ русскихъ лѣтописцевъ XV и XVI вѣковъ. Какъ извѣстно, первую передѣлку его произведеній по русской агиографіи сдѣлалъ Пахомій Сербъ, ученый Аѳонскій монахъ, прибывшій въ Москву при Василии Темномъ*), а за нимъ свѣдѣнія о Пермской землѣ компилировали составители лѣтописей. Примѣры такихъ компиляцій мы уже приводили выше. Однако нѣкоторые лѣтописи къ сообщеніямъ Епифанія прибавляютъ и новыя свѣдѣнія о Пермской землѣ. Особенно важныя топографическія свѣдѣнія даетъ намъ Патріаршая или Никоновская лѣтопись, составленная, по мнѣнію академика *Ав. Фед. Быкова*, во второй половинѣ XVI вѣка, — даетъ въ разсказѣ о покореніи Перми Великой воеводами Іоанна III въ 1472 году. Самый походъ въ Пермскую землю описанъ на основаніи какого-то источника XV вѣка, намъ неизвѣстнаго, а географическія свѣдѣнія о Перми, какъ мы убѣдились выше, взяты у Епифанія либо у одного изъ его компиляторовъ; но въ разсказѣ о походѣ 1472 г. Никоновская лѣтопись *въ первый разъ упоминаетъ древніе города Великой Перми — Чердынъ, Урость, Пожчу и Искоръ*. Въ болѣе древнихъ источникахъ мы ни разу не встрѣчаемъ этихъ названій. Упомянувъ Пермь Великую, въ ней 4 города и еще какіе-то *иные городки*. Никоновская лѣтопись подраздѣляетъ всю страну на *Верхнюю* землю, къ которой относитъ городъ Искоръ, и *Нижнюю* съ городами Уросомъ, Пожчею

*) О взаимномъ отношеніи ученыхъ трудовъ Епифанія Премудраго и Пахомія Серба см. «Исторію Россіи» *Д. П. Иловайскаго*, томъ II: «Московско-Литовскій періодъ и собиратели Руси». Москва. 1884 г., стр. 417—418.

и Чердынью. очевидно, по теченію рѣки Колвы, которая и упоминается въ разсказѣ лѣтописи. Впрочемъ изъ другихъ источниковъ намъ извѣстно, что основанный русскими переселенцами городъ Соль Камская получилъ начало еще въ 1430 году.

Приведемъ важное въ историко-географическомъ отношеніи свидѣтельство Никоновской лѣтописи о Пермскомъ походѣ 1472 года: „Тоя же зимы послалъ князь великій на Великую Пермь князя Ѳедора Пестраго воевати ихъ за ихъ неисправленіе..... Того же лѣта іюня въ 26-е прииде вѣсть великому князю изъ Черміи, что воевода князь Ѳедоръ Пестрой землю Пермскую взялъ ю, а пришелъ въ землю ту на усть Черныи*) рѣчки на Ѳоминой недѣли въ четвергъ, и оттуда поиде на плотѣхъ, и съ коньми, и приплылъ подъ городъ Ангаловской, соиде съ плотовъ и поиде оттуду на конехъ на верхнюю землю къ городку Искору; а Гаврила Нелидова отпустилъ на нижнюю землю на Уростъ и на Чердынню да на Почку на князя Михаила. Князю же Ѳедору не дошедшу еще городка Искора, и срътоша его Пермь на Колву ратью.....**). Оттуда князь Ѳедоръ поиде тако ко Искору и взять его, воеводы ихъ поималъ Бурмата да Мичкина, и Зыбра по опасу пришелъ къ нему, поималъ же и иные городки и пожеглъ, а Гаврило шедъ тѣ мѣста повоевалъ, на которые посланъ. И потомъ прииде князь Ѳедоръ на усть Почки, идъ впала въ Колву..... срубивше ту городокъ, сѣде въ немъ, и приведе всю землю ту за великаго князя“.....***).

Таковы важныя свидѣтельства Никоновской лѣтописи о древней Перми Великой. Другія лѣтописи въ разсказѣ о покореніи Черми не сообщаютъ столь любопытныхъ подроб-

*) Лѣвый притокъ Сысолы, текущей въ Вычегоду.

**) Село Искоръ и теперь существуетъ вблизи извѣстнаго городища того же имени, къ югу отъ села Ныробъ и къ востоку отъ рѣки Колвы.

***) «Русская лѣтопись по Никонову списку» изданіе Академіи Наукъ. Часть VI. СПб. 1790 г., стр. 37 и 44—45.

ностей. Такъ, Софійская вторая лѣтопись говоритъ только: „Тое же зимы (1472 г.) послалъ князь велики князя Феодора Пестраго на Великую Пермь воевати, за ихъ неисправленіе; июня 26 прииде вѣсть къ великому князю, яко Пермь взяли, а грубниковъ переималъ да и прислалъ, а землю за него привелъ“ *). Въ Воскресенской лѣтописи замѣчено: „Тое же зимы послалъ князь велики на Великую Пермь князя Феодора Пестраго воевати ихъ, за ихъ неисправленіе; онъ же шедъ Пермь Великую взяли“ **). Какъ видимъ, вездѣ частное названіе Перми Великой прилагается къ бассейну рѣки Колвы и употребляется источниками заодно съ общимъ названіемъ Пермской страны. Въ виду того, что самый фактъ покоренія Перми относится къ 1472 году, позднѣйшіе лѣтописцы почерпнули вышеприведенныя свѣдѣнія о походѣ въ Пермскую страну изъ какого-то неизвѣстнаго намъ источника XV столѣтія, быть можетъ, отъ потомковъ самихъ участниковъ похода.

Оставляя затѣмъ въ сторонѣ очень смутныя и сбивчивыя свѣдѣтельства *Герберштейна* о Перми, относящіяся къ первой четверти XVI в. и, повидимому, основанныя на слухахъ (напр. Чердынъ, по его словамъ, стоитъ на Вишерѣ), и слишкомъ приблизительныя и позднѣйшія показанія о той же землѣ „Книги Большаго Чертежа“ 1627 года ***), — мы обратимся къ другимъ, болѣе положительнымъ и надежнымъ, источникамъ.

Важнѣйшее въ научномъ отношеніи значеніе въ вопросѣ о границахъ древней Перми имѣютъ мѣстные *писцовыя книги*, къ которымъ мы теперь и перейдемъ. Послѣ Епифаніева сказанія XIV вѣка и названныхъ выше лѣтописей XV—XVI в.в. этимъ источникамъ хронологически принадлежитъ слѣ-

*) «Полное Собр. Русск. Лѣтоп.», т. VI, стр. 194.

**) «Полное Собр. Русск. Лѣтоп.», т. VIII, стр. 169.

***) Свѣдѣтельства этихъ источниковъ о Перми приведены у Замысловскаго въ книгѣ: «Герберштейнъ и его историко-географич. извѣстія о Россіи», СПб. 1884 г., стр. 148—149, 468—469 и друг.

дующее мѣсто въ ряду *достоверныхъ* свидѣтельствъ о древней Перми. Нѣтъ нужды говорить о важности писцовыхъ книгъ въ смыслѣ самыхъ точныхъ историко-статистическихъ и топографическихъ показателей. По отношенію къ Пермскому краю древнѣйшими памятниками этого рода были:

1. „Книги сошнаго письма Пермскіе - Чердынскіе и Чердынскаго уѣзду письма и мѣры писца Ивана Игнатьевича *Яхонтова* да подъячаго Третьяка Карпова восемьдесятъ седьмаго году“ (1579 г.).

2. Того же *Яхонтова* „Книга сошнаго письма города Камскаго (Усоля), посаду и уѣзду письма и мѣры.... восемьдесятъ седьмаго году“ (1579 г.).

3. Того же *Яхонтова* „Книги сошнаго письма Пермскіе Семена Аникіева да Максима Яковлева да Никиты Григорьева, Строгановыхъ дѣтей, вотчинъ ихъ, письма и мѣры.... восемьдесятъ седьмаго году“ (1579 г.).

Подлинныя книги *Яхонтова* сгорѣли въ Московскій пожаръ 1626 г. Сохранились только копіи ихъ. Чердынскія и Соликамскія книги *Яхонтова* 1579 года впервые открыты были въ старинныхъ копіяхъ въ мѣстныхъ архивахъ незабвеннымъ *В. Н. Берху*, который извлеченія изъ нихъ и напечаталъ въ своемъ „Путешествіи въ города Чердынь и Соликамскъ“ (СПб. 1821 г.). Старинныя же копіи книгъ теперь хранятся, вѣроятно, благодаря тому же *Берху*, *созумѣвшему оцѣнить ихъ важное значеніе*, къ библіотекѣ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музея. Чердынскія писцовыя книги *Яхонтова* напечатаны въ полномъ видѣ *В. Н. Шишонко* въ „Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ 1878 г. № 82—104 и оттисками—съ примѣчаніями издателя, въ которыхъ впрочемъ допущено очень много ошибокъ *); Соликамскія же книги *Яхонтова*, къ крайнему сожалѣнію, г. *Шишонко* не счелъ нужнымъ напечатать ни въ

*) Въ «Пермскую Лѣтопись» *В. Н. Шишонко* Чердынскія книги *Яхонтова* почему-то не вошли, не смотря на всю важность этого историческаго источника.

Вѣдомостяхъ“, ни въ своей „Пермской Лѣтописи“, куда вошли у него почти всѣ другія писцовыя книги, такъ что мы знаемъ Соликамскую книгу Яхонтова только въ извлеченіи, помѣщенномъ въ „Путешествіи“ *Берга* (стр. 188—191) въ книгѣ протоіерея *Александра Лукина*: „Церковно-историческое и археологическое описаніе города Соликамска“ (Пермь, 1882 г. стр. 123—125). Послѣдній извлекъ данныя Яхонтова по Соликамскому уѣзду изъ какой-то старинной рукописи.

Что же касается писцовыхъ книгъ Яхонтова по Строгановскимъ вотчинамъ, то г. *Шимонко* ихъ не имѣлъ въ рукахъ, почему мы и не въ правѣ сѣтовать на него въ данномъ случаѣ. Но Строгановскія книги Яхонтова были когда-то въ рукахъ *Θ. А. Волегова*, который въ одной изъ своихъ „Таблицъ“ (№ 2) приводитъ точныя статистическія данныя изъ этого источника*). Вѣроятно, въ одномъ изъ Строгановскихъ архивовъ и теперь хранятся въ коніяхъ книги Яхонтова. Къ счастью, содержаніе книгъ Яхонтова по вотчинамъ г.г. Строгановыхъ довольно подробно повторяется въ знаменитой грамотѣ Петра Великаго Григорію Дмитріевичу Строганову отъ 25 іюля 1692 г., напечатанной въ полномъ видѣ въ книгѣ проф. *Устрялова*: „Именитые люди Строгановы“ (СПб. 1842 г., гдѣ см. стран. 37—42). Этимъ-то извлеченіемъ изъ книгъ 1579 г., приведеннымъ въ грамотѣ 1692 г., мы и воспользуемся для своихъ цѣлей въ настоящемъ изслѣдованіи. Подлинныя Строгановскія книги Яхонтова, по словамъ *Θ. А. Волегова*, сгорѣли въ 1626 году въ Москвѣ, въ Новгородской четверти.

Въ свое время существовали еще особыя писцовыя книги по вотчинамъ Пыскорскаго монастыря въ Соликамскомъ

*) «Памятная книжка Пермской губерніи на 1889 годъ», гдѣ см. мое изданіе Историческо-статистическихъ таблицъ *Θ. А. Волегова*, № 2, стран. 10. *Волеговъ* замѣчаетъ, что въ его рукахъ была неполная копія книгъ, за уничтоженіемъ подлинника въ пожарѣ 1626 года.

уѣздѣ и Иоанно-Богословскаго—въ Чердынскомъ, но этихъ книгъ не видалъ еще ни одинъ мѣстный изслѣдователь, почему ихъ можно считать утраченными навсегда.

Черезъ 44 года послѣ описи *Ивана Яхонтова* всю Пермь Великую вторично описывалъ пиसेцъ *Михаилъ Кайсаровъ*, употребившій два года 1623—1624-й на составленіе своихъ писцовыхъ книгъ. Плодомъ его трудовъ было также три книги:

1. „Выпись съ Пермскихъ писцовыхъ книгъ города Чердыни и уѣзду онаго письма и мѣры *Михайла Кайсарова* да дьяка Марка Мартемьянова да подъячихъ Ивана Левонтьева и Афонасія Брѣва 131 и 132 году“ (1623—24 г.г.).

2. „Выпись съ Усольскихъ писцовыхъ книгъ письма и мѣры“..... (тѣхъ же лицъ).

3. „Выпись съ Пермскихъ писцовыхъ книгъ Андрея да Петра Семеновыхъ дѣтей да Ивана да Максима Максимовыхъ дѣтей, Строгановыхъ, вотчинъ ихъ, письма и мѣры“.....

Намъ не извѣстно, уцѣлѣли-ли подлинныя книги *Кайсарова* отъ Московскаго пожара 1626 года. Книги *Кайсарова* по Чердынскому и Соликамскому уѣздамъ первоначально были открыты также въ копіяхъ въ мѣстныхъ казенныхъ архивахъ тѣмъ же *В. Н. Берхольцъ*, при содѣйствіи котораго, вѣроятно, и доставлены въ Москву, гдѣ хранятся вмѣстѣ съ книгами Яхонтова въ Публичномъ и Румянцевскомъ Музеѣ. Изъ обѣихъ книгъ въ его „Путешествіи“ также напечатаны выдержки (стр. 195—200). Хорошая старинная копія Соликамскихъ книгъ *Кайсарова* сохранилась также въ архивѣ Соликамской городской думы, и съ этого-то мѣстнаго экземпляра эти книги въ первый разъ были напечатаны въ полномъ видѣ *В. Н. Шишонко* въ „Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ 1872 г. № 56—65, 67—70 и 76—83 и особыми оттисками, вмѣстѣ съ Кунгурскими писцовыми книгами того же *Кайсарова*. Изданіе снабжено примѣчаніями, полными ошибокъ и несообразностей, но текстъ изданъ сносно. Послѣ же того г. *Шишонко* вторично издалъ Соликамскія книги

Кайсарова и въ первый разъ—Чердынскія книги того же писца въ своей „Пермской Лѣтописи“ (томъ II, Пермь, 1882 г., стр. 144—251). Первыя г. *Шиншонко* опять издалъ по списку Соликамской городской думы, а вторыя—по списку Румянцевскаго музея, но во всемъ этомъ изданіи тѣ и другія писцовыя книги *Кайсарова* мы читаемъ не въ подлинномъ текстѣ, а въ вольной передачѣ ихъ содержанія самимъ издателемъ, вслѣдствіе чего все это изданіе теряетъ всякую научную цѣну. Г. Шиншонко даже совсѣмъ выпустилъ въ этомъ изданіи нѣкоторые мѣста какъ Соликамскихъ, такъ и Чердынскихъ писцовыхъ книгъ 1623—24 г.г.! Не достойно-ли глубокаго сожалѣнія столь неумѣлое отношеніе къ мѣстнымъ историческимъ памятникамъ первостепенной важности?

Писцовыя книги Михайла *Кайсарова* по Строгановскимъ вотчинамъ въ печати еще не были. Къ величайшему удовольствію, я нашелъ хорошій экземпляръ ихъ въ Соликамскѣ, въ частныхъ рукахъ, и намѣренъ напечатать этотъ важный источникъ въ послѣдующихъ выпускахъ своей „Пермской Старины“, буде суждено мнѣ продолжить это изданіе. Рукопись принадлежала когда-то, какъ можно думать, *Θ. А. Волеюву*. Она писана не ранѣе 40—50-хъ годовъ нашего вѣка, вѣроятно, по порученію самого *Θ. А. Волеюва*, съ древняго экземпляра, хранившагося въ одномъ изъ архивовъ г.г. Строгановыхъ (а можетъ быть, и теперь хранящагося) и исполнена тщательно, при чемъ изъ всей рукописи утрачено отъ времени два листа.

По вотчинамъ Пыскорскаго и Богословскаго монастырей писцовыя книги *Кайсарова* 1623—24 г.г. также не уцѣлѣли, хотя въ существованіи ихъ я не сомнѣваюсь.

Послѣ этихъ подробныхъ, но, по моему мнѣнію, крайне необходимыхъ библиографическихъ замѣчаній, обратимся къ богатѣйшему содержанію всѣхъ шести поименованныхъ *Пермскихъ* писцовыхъ книгъ для рѣшенія вопроса о границахъ древней Перми Великой и сопоставимъ данныя писцо-

выхъ книгъ съ тѣми, какія уже приведены нами выше изъ другихъ, болѣе древнихъ, источниковъ XIV—XV в.в.

И Яхонтовъ, и Кайсаровъ описываютъ одинъ и тотъ же районъ, вездѣ говорятъ объ одиѣхъ и тѣхъ же земляхъ и своими двукратными ясными и точными показаніями даютъ намъ возможность судить о границахъ описанной ими страны во второй половинѣ XVI и первой XVII столѣтія. Въ писцовой книгѣ Ивана Яхонтова по Строгановскимъ вотчинамъ, которыя находились въ предѣлахъ нынѣшнихъ уѣздовъ Соликамскаго, Пермскаго, Кунгурскаго и Оханскаго, ясно сказано: „*всею въ Пермь Великой* за Семеномъ и Максимомъ (Строгановыми) *три слободы* (разумѣются Чусовая, Сылвенская и Яйвенская слободы), а къ слободамъ восемь деревень, двадцать четыре починка, въ нихъ сто тринадцать дворовъ крестьянскихъ“.....*). При этомъ Яхонтовъ точно указываетъ границы округа или „уѣзда“ каждой слободы. Въ примѣненіи же къ Чердынскому уѣзду Яхонтовъ употребляетъ слова „Пермь Великая“ въ двойномъ значеніи: въ смыслѣ наименованія цѣлой страны и одного только города Чердыни, который, какъ главное средоточіе воеводскаго управленія всею Великопермской страной, сплошь и рядомъ именовался также „Пермью Великой“. Впрочемъ нерѣдко, особенно въ царскихъ указахъ и грамотахъ, оба названія города—собственное и по странѣ—ставились рядомъ „*Пермь Великая Чердынь*“, образуя двойное названіе одного и того же города. Въѣстъ съ тѣмъ названіе „Пермь“ безъ эпитета „Великой“ прилагается безразлично ко всему пространству отъ р. Чусовой до озера Чусовскаго, какъ общее названіе *вмѣсто частнаго*. То же самое правило мы наблюдаемъ въ географической номенклатурѣ Михаила Кайсарова. Такъ, перечисляя соляныя варницы въ уѣздѣ города Соликамска, онъ между прочимъ говоритъ: „Да въ прошломъ во 122 году (1614 г.), по государевѣ.... грамотѣ и по данной дѣяка

*) Устряловъ: «Известные люди Строгановы». СПб. 1842 г., стр. 40.

Ивана Митусова Ивану Юрьеву, да Максиму Доценникову, за пермитину Ивану Могильникову, на купленном ихъ лѣстѣ, что они купили въ Перми въ Усольскомъ уездѣ, въ Григоровъ курь, въ верхнихъ озерахъ, поию для соленова промысла и т. д....*). А въ своей Чердынской писцовой книгѣ Кайсаровъ пишетъ: „Въ Перми Великой въ Чердынѣ на посадѣ 5 дворовъ посадскихъ лучшихъ людей, а въ нихъ 2 человекъ и т. д....**).

Сказанное подтверждаетъ еще разъ, что наименованія „Пермь“ и „Пермь Великая“ относились, какъ общее къ частному, и въ такомъ смыслѣ употреблялись какъ въ XVI вѣкѣ, такъ и задолго до него, во времена Епифанія и св. Стефана. Но въ XVI вѣкѣ въ Перми Великой Яхонтовъ указываетъ уже вполне сложившійся порядокъ административнаго управленія, съ довольно дробнымъ подраздѣленіемъ всей территоріи на извѣстные округа или „уѣзды“. Черезъ 44 года Кайсаровъ еще подробнѣе указываетъ административное раздѣленіе Перми Великой. Всмотримся въ него поближе.

Все пространство отъ рѣки Чусовой до озера Чусовскаго, по Камѣ и ея притокамъ, не доходя однако до самаго Уральскаго хребта приблизительно на одинъ градусъ географической долготы, т. е. всю площадь земли, именовавшуюся Пермью Великой и занимаемую теперь уѣздами Чердынскимъ, Соликамскимъ, Пермскимъ, частью Кунгурскаго, большею частью Оханскаго и незначительными восточными частями Глазовскаго и Слободскаго,—и Яхонтовъ, и Кайсаровъ раздѣляютъ въ отношеніи административнаго управленія на три округа или уѣзда: 1) *Пермскій или Чердынский съ главнымъ городомъ Пермь Великая Чердынъ*, 2) *Усольскій (позднѣе*

*) Шшонко: «Писцовыя книги Пермской губерніи Соликамскаго и Кунгурскаго уѣздовъ». Оттискъ изъ Пермск. Губерн. Вѣдом. 1872 г. стр. 53 и «Пермская Лѣтопись», томъ II, стр. 159, см. примѣчаніе.

**) «Пермская лѣтопись», II, 196.

Солкамскій) съ городомъ Усолъе Камское или Соль Камская, 3) Строгановскія вотчины съ главными слободами Орель-городокъ и Нижній Чусовской городокъ. Изъ Строгановскихъ вотчинъ въ XVI вѣкъ выдѣлились въ особый округъ вотчины Пыскорскаго Преображенскаго монастыря, а въ Пермскомъ Чердынскомъ уѣздѣ—вотчины монастыря Иоанно-Богословскаго. Съ того же XVI столѣтія на самыхъ верховьяхъ Камы возникаетъ особый Кайгородскій уѣздъ, который однако не былъ описываемъ ни Яхонтовымъ, ни Кайсаровымъ, по причинамъ намъ не извѣстнымъ.

Разсмотримъ границы Перми Великой отдѣльно по каждому уѣзду, съ показаніемъ прироста населенія за 44 года, отдѣляющіе описи Яхонтова и Кайсарова, т. е. съ 1579 до 1623¼ года. Въ виду отсутствія писцовыхъ книгъ тѣхъ же годовъ по уѣзду Кайгородскому, мы принуждены оставить его при этомъ обзорѣни въ сторонѣ, и лишь въ концѣ этой главы покажемъ административное отношеніе этого уѣзда къ Чердыни и вообще къ Перми Великой на основаніи царскихъ грамотъ и другихъ актовъ временъ Яхонтова и Кайсарова.

А. Пермскій, онъ же Чердынскій, уѣздъ Перми Великой въ XVI и началѣ XVII вѣка.

Средоточіемъ управленія и мѣстомъ жительства государевыхъ намѣстниковъ и воеводъ служилъ городъ Чердынь, часто именовавшійся, въ силу такого значенія во всемъ Великопермскомъ краѣ, *Пермью Великой Чердынью*. Отсюда понятно и двойное наименованіе одного и того же уѣзда. Въ 1579 г. на посадѣ города Чердыни было: дворовъ тяглыхъ пашенныхъ крестьянъ 52, беспашенныхъ 238, тѣхъ и другихъ 290; въ нихъ 326 человекъ; пустыхъ дворовъ 12, лавокъ лучшихъ людей 21, молодшихъ людей—46, тѣхъ и другихъ 67 лавокъ. Никакихъ укрѣпленій въ самой Чердыни,

существовавших тамъ однако съ 1535 года, равно какъ село города и посада никакого „острога“ Яхонтовъ не показываетъ*). Впрочемъ, онъ умалчиваетъ и о церквахъ, а также о Богословскомъ монастырѣ, хотя послѣдній былъ основанъ еще въ 1462 или 1463 году. По вотчинамъ монастырскимъ были составлены Яхонтовымъ особыя писцовыя книги, къ сожалѣнію, теперь уже утраченныя.

Въ 162^{3/4} г.г. Кайсаровъ показываетъ въ Чердыни Кремль, а вокругъ города и посада „острогъ стоячей“ деревянный. Кромѣ Иоанно-Богословскаго мужскаго монастыря и Успенскаго дѣвичьяго, десяти церквей съ разными придѣлами и нѣсколькихъ общественныхъ зданій, каковы: изба съѣзжая—судная, изба таможенная, государевъ кабакъ, тюрьма, дворъ воеводы, дьяка, подъячего и другихъ, Кайсаровъ показываетъ на посадѣ Чердыни 5 дворовъ посадскихъ лучшихъ людей, 30—среднихъ; людей въ первыхъ 9, во вторыхъ 46 челов.; молодшихъ пашенныхъ людей 74 двора—всего пашенныхъ людей 109 дворовъ; дворовъ безпашенныхъ среднихъ людей 20, безпашенныхъ молодшихъ—146, не считая дворовъ „отхожихъ“ людей**). Лавокъ при Кайсаровѣ было: первой статьи 3, второй—5 лавокъ, 4 амбара и у нихъ 9 выходовъ, третьей—2 лавки, 3 амбара и у нихъ 14 выходовъ, четвертой статьи 15 лавокъ, 3 амбара, у нихъ 4 выхода, да полокъ мясныхъ и хлѣбныхъ 7, амбаровъ соляныхъ и хлѣбныхъ 3, кузницъ 5***). Таковъ былъ во времена Яхонтова и Кайсарова главный городъ всей Пермь Великой.

Затѣмъ весь уѣздъ его „Пермскій-Чердынскій“, отчасти согласно съ показаніемъ Никоновской лѣтописи, Яхонтовъ дѣлитъ на 4 „стана“: 1) *Окологородный*, 2) *Верхній*, 3)

*) «Книги сошнаго письма Пермскіе-Чердынскіе» Ивана Яхонтова, оттискъ изъ Пермск. Губерн. Вѣдом. 1878 г., стр. 2, 5—6.

**) Шишонковъ: «Пермская Лѣтопись», II, 196—197. Къ сожалѣнію, по небрежности издателя, здѣсь не показано (пропущено) число дворовъ «самыхъ молодшихъ людей» на посадѣ Чердыни, а ихъ-то и было больше всѣхъ другихъ разрядовъ.

***) «Пермская Лѣтопись» II, 201.

Нижній и 4) *Отхожій* (округъ). Основаніемъ названій „Верхній“ и „Нижній“ станъ у него дѣйствительно служить рѣка Колва, какъ видно это и изъ Никоновской лѣтописи, упоминающей *верхнюю* и *нижнюю* землю. Такимъ образомъ топографическія данныя отъ XV и XVI в.в. между собою согласуются, что нужно сказать и о географической номенклатурѣ даже на пространствѣ XIV—XVI вѣковъ, начиная съ Елифаніевой Перми Великой *Чусовой*. Въ писцовой же книгѣ Кайсарова, при большихъ подробностяхъ, не видно однако этого раздѣленія территоріи Чердынскаго уѣзда на 4 стана. Впрочемъ мы имѣемъ въ рукахъ слишкомъ неудовлетворительное изданіе этой писцовой книги и потому не можемъ сказать навѣрное, существовало-ли это дѣленіе при Кайсаровѣ.

Не перечисляя подробно всѣхъ населенныхъ мѣстъ въ каждомъ станѣ, что увлекло бы насъ слишкомъ далеко, мы обратимъ преимущественное вниманіе на самыя значительныя изъ нихъ и пограничныя селенія, рѣки, озера и другіе пункты, особенно важныя для опредѣленія границъ.

I. Въ *Окологородномъ* станѣ, прилегавшемъ къ главному административному центру края—Перми Великой Чердыни и слѣдовательно по положенію своему *внутреннемъ* станѣ, болѣе значительными поселеніями при Яхонтовѣ были: погостъ (нынѣ село) *Анисимовъ* и особенно погостъ *Покча* (теперь тоже село), въ первое время послѣ покоренія Великой Перми служившій мѣстопробываніемъ государева намѣстника. Онъ упоминается вмѣстѣ съ Чердынью въ Никоновской лѣтописи подъ извращеннымъ наименованіемъ „Почки“. Всего въ Окологородномъ стану было: 2 погоста, 23 деревни, 10 починовъ, 230 дворовъ пашенныхъ крестьянъ и 40 дворовъ безпашенныхъ; людей 287 человекъ. Границами этого стана служили: сѣверною съ Верхнимъ станомъ рѣчки Лызовка и Мубылъ—первая правый, а вторая лѣвый притокъ Колвы; а южною границею съ Нижнимъ станомъ—рѣка Вишера до деревни Морчанъ, ниже Говорливаго камня.

II. Въ *Верхнемъ* станѣ было 4 погоста: *Вильгортъ* на р. Колвѣ, *Искора*, упоминаемый при завоеваніи Перми въ 1472 году, *Янидоръ* и *Кольчугъ*. Сѣвернѣе Искора упомянута Яхонтовымъ историческая деревня (нынѣ село) *Ныроби*, мѣсто заточенія боярина Михаила Никитича Романова, деди царя Михаила. Деревень въ этомъ стану было 19, починовъ 6, дворовъ папшенныхъ крестьянъ 357, безпапшен. 43, тѣхъ и другихъ 400, людей въ нихъ 435 человекъ. Пограничными линиями и пунктами для Верхняго стана, по книгѣ Яхонтова, служили: съ юга и югозапада рѣка Лызовка, текущая справа въ Колву, сперва съ Ю. на С., далѣе—на В. и отдѣляющая Окологородный станъ отъ Верхняго почти подъ прямымъ угломъ; затѣмъ озеро и деревня Додды около праваго берега Камы, далѣе—правый притокъ Камы рѣчка Сумычъ и на ней деревня того же имени, рѣчка Вильва, лѣвый притокъ Камы, впадающій въ нее пониже села Бондюга, и на Вильвѣ деревня Ужгинская, отсюда далѣе къ сѣверо-западу слобода Кишконогова, погость Янидоръ, еще далѣе на западѣ лѣвый притокъ Камы рѣка Южная Кельтма и правый притокъ послѣдней р. Тимшеръ. Съ Ю. Кельтмы граница поворачивала на сѣверо-востокъ, переходила рѣку Шильву, лѣвый притокъ Камы, и приближалась къ озеру Чусовскому, которое все входило въ область Перми Великой. Но тутъ былъ, судя по книгѣ Яхонтова, сѣверный ея предѣлъ. Отъ Чусовскаго озера граница Верхняго стана спускалась на югъ по р. Вишерѣ, потомъ по Колвѣ до ея лѣваго притока Ухтыма, шла вверхъ по Ухтыму и съ него прямой линіей на рѣчку Мубыль. Отсюда шла восточная граница Окологороднаго стана на рѣку Вишеру до деревни Морчанъ. Текущая параллельно Вишерѣ рѣчка Мубыль, лѣвый притокъ Колвы, отдѣляла Верхній станъ отъ Окологороднаго. Къ востоку и сѣверу отъ означенныхъ пунктовъ и линій (отъ озера Чусовскаго до деревни Морчанъ на

Вишерѣ) начинались уже Вогульскія и Остяцкія поселенія, область древней Югры.

Изъ указанныхъ границъ по отношенію къ Великой Перми, какъ особой странѣ, вѣшними и потому особенно важными были слѣдующія: Южная Кельтма и ея притокъ Тимшеръ, линія на сѣверо-востокъ чрезъ р. Пильву до сѣвернаго конца Чусовскаго озера, восточный берегъ этого озера длиной 10 вѣрстъ, рѣка Вишерка, р. Колва, притокъ ея Ухтымъ, прямая линія отъ его верховьевъ на югъ до деревни Морчанъ на Вишерѣ. *Верховья Вишеры и Колвы были заселены Вогулями и Остяками, тамъ начиналась Югра.*

III. *Нижній станъ* лежалъ къ югу отъ Окологороднаго, отдѣляясь отъ него рѣкой Вишерой на пространствѣ отъ деревни Морчанъ до устья рѣки Колвы. Отъ устья Колвы граница Нижняго стана, отклоняясь отъ Вишеры, шла прямо на западъ, мимо „окологородной“ деревни Кушпелевой и верховьевъ упомянутой выше рѣчки Лызовки, переходила рѣку Каму у деревни и озера Долды и приближалась къ правому притоку Камы, упомянутому уже Сумычу. На этомъ протяженіи къ западу отъ Лызовки начиналась граница Верхняго стана, а за рч. Сумычемъ — Отхожаго округа. Далѣе граница Отхожаго района и Нижняго стана съ верховьевъ Сумыча шла на югъ почти прямой линіей на верховья рѣки Уролки, праваго притока Камы. На этой рѣкѣ стоитъ селеніе Уроль, принимаемый *Берхомъ* за древній городъ *Уросъ*, взятый воеводою Нелидовымъ въ 1472 году. Выше нынѣшняго села Уролки начиналась уже сѣверная граница Усольскаго или Соликамскаго уѣзда съ Нижнимъ станомъ Пермскаго-Чердынскаго: отъ верховьевъ Уролки на востокъ по правому притоку Камы рѣчкѣ Вильвѣ*), чрезъ деревню

*) Г. Шишонко въ объясненіяхъ къ Чердынской писцовой книгѣ Яхонтова смѣшиваетъ эту Вильву съ притокомъ Яйвы, что въ Соликамскомъ уѣздѣ, и вообще совершенно неправильно указываетъ границы оныхъ становъ въ Чердынскомъ и Соликамскомъ уѣздахъ. Такія „объясненія“ легко могутъ сдѣлаться для многихъ источниковъ грубыми ошибками и заблужденіями.

того же имени, переходила далѣ самую Каму, ея притокъ (лѣвый) рѣчку Талицу, деревню (нынѣ село) Нижнее Мошево, далѣ направлялась по лѣвому притоку Камы, рѣчкѣ Верхъ-Боровой, чрезъ деревню того же имени. У верховьевъ рѣчки Боровой кончалась южная граница Нижняго стана и начиналась восточная. Она шла, неизвѣстно отъ какого именно пункта, на сѣверо-западъ рѣкой Язвою, впадающей слѣва въ Вишеру ниже Морчана. Здѣсь находилась деревня Язва — восточный предѣлъ Нижняго стана.

Часть указанной границы отъ д. Морчанъ по Вишерѣ до устья Язвы, далѣ этой рѣкой и волокомъ до рч. Верхъ-Боровой служила продолженіемъ указанной выше вѣстной границы Перми Великой, восточнѣе которой была уже область поселеній Вогульскъ и Остяковъ. Въ болѣе отдаленной древности вогульско-остяцкія поселенія продолжались гораздо далѣ на западъ, судя по тому, что на правомъ берегу Вишеры, пониже устья Колвы, и доселѣ существуетъ деревня Остякова, отнесенная Яхонтовымъ къ Нижнему стану. Или это была случайная колонія Остяковъ въ области Перми?

Кромѣ упомянутыхъ выше деревень и въ ихъ числѣ Урала, принимаемаго за древній городъ Уросъ, въ Нижнемъ станѣ въ 1579 г. было три погоста: *Губдоръ, Пенгелъ и Редикоръ* (нынѣ села), а всего въ этомъ стану было: 3 погоста, 27 деревень, 16 починковъ, 331 дворъ пашенныхъ крестьянъ, 39 дворовъ безпаш. крест. — всего 370 дворовъ; людей въ нихъ 420 человекъ.

IV. Южнѣ и западнѣ Нижняго лежалъ обширный, но пустынный *Отхожій* округъ или районъ, нигдѣ не называемый у Яхонтова „станомъ“, съ кореннымъ пермскимъ населеніемъ, среди котораго въ XVI в. лишь кое-гдѣ разбросаны были, какъ острова въ морѣ, русскія деревни и починки. Видимо, русская колонизація здѣсь только еще начиналась. Поэтому, можетъ быть, писецъ Яхонтовъ все это пространство даже не называетъ „станомъ“, а просто перечисляетъ „отхо-

жія деревни“. Сѣверо-восточную границу этого района мы уже знаемъ: правый притокъ Камы р. Урлка, волокъ, р. Сумычъ и Кама до устья Южной Кельтмы. Далѣе сѣверная граница шла Камой, захватывая бассейны ея лѣвыхъ притоковъ—рѣкъ Лимана и Лупы и весь довольно обширный бассейнъ праваго притока Камы, рѣки Косы. Вверхъ по Камѣ граница Перми Великой шла, по словамъ Яхонтова, „до верхъ-камскіе межи до рѣчки Порыца“, впадающаго въ Каму слѣва, уже въ предѣлахъ нынѣшняго Слободскаго или, по тогдашнему, Кайгородскаго уѣзда; а затѣмъ граница шла на югъ, все вверхъ по Камѣ до ея истока, захватывая, какъ можно судить по описи Строгановскихъ вотчинъ Кайсарова, и верхній лѣвый притокъ ея, рѣчку Волосницу.

Итакъ сѣверо-западная внѣшняя граница Перми Великой шла отъ истоковъ Камы по ея громадной сѣверной излучинѣ или дугѣ, захватывая бассейны ея лѣвыхъ притоковъ Волосницы, Лупы, Лимана и Южной Кельтмы. Слѣдовательно, граница эта была естественная, созданная гидрографическими условіями мѣстности. Отсюда становится понятнымъ, почему въ 1579 году и, конечно, задолго до того Отхожій округъ Чердынскаго уѣзда распространялся далеко на югъ, на бассейны притоковъ Камы: съ правой стороны рѣкъ Косы, Инвы и Обвы, а съ лѣвой—Усолки, Яйвы и Косьвы—со впадающими въ нихъ рѣками и рѣчками. Изъ писцовой книги Яхонтова видно, что Усольскій (иначе Соликамскій) уездъ и нѣкоторыя вотчины Строгановыхъ и монастыря Пыскорскаго были крупомъ обхващены отхожими деревнями Пермскаго-Чердынскаго уѣзда, и лишь на востокъ Усольскій уездъ непосредственно соприкасался съ областью вогульско-остяцкихъ поселеній.

Слѣдовательно сѣверная излучина рѣки Камы съ бассейнами Волосницы, Лупы, Лимана и Ю. Кельтмы составляла сѣверо-западную границу Отхожаго округа, а рѣки Обва и Косьва—южную его границу. При этомъ правый берегъ

Камы отъ ея истока до р. Обвы не весь входилъ въ составъ Отхожаго района, такъ какъ самое побережье Камы было въ рукахъ Строгановыхъ и Пыскорскаго монастыря; равнымъ образомъ лѣвый берегъ Камы отъ указанной выше южной границы Нижняго стана до рѣки Косъвы—только частью составлялъ Отхожій районъ, такъ какъ заключалъ внутри себя особый Усольскій уѣздъ и часть Строгановскихъ вотчинъ и Пыскорскаго монастыря. Иначе сказать, Отхожій районъ Пермскаго-Чердынскаго уѣзда въ XVI вѣкѣ занималъ части территорій теперешнихъ уѣздовъ Глазовскаго, Слободскаго, Чердынскаго, Соликамскаго, Пермскаго и Оханскаго.

Въ указанныхъ границахъ обширнаго Отхожаго района Чердынскаго уѣзда въ 1579 г. было однако же слишкомъ мало поселеній, а именно два погоста: *Гайна* на р. Камѣ и *Обва* на рѣкѣ того же имени, называющійся у Кайсарова уже *Ильинскимъ* погостомъ на Обвѣ (нынѣ извѣстное село въ Пермскомъ уѣздѣ); затѣмъ 22 деревни и 3 починка. Всѣхъ дворовъ въ Отхожемъ районѣ было 178, людей въ нихъ 232 человѣка. Такимъ образомъ погосты стояли только на двухъ противоположныхъ концахъ Отхожаго района, а деревни были какъ бы оазисами въ пустынь. Не даромъ въ жалованной грамотѣ Іоанна Грознаго Григорью Аникіевичу Строганову отъ 2 января 1564 года говорится: „Въ нашей отчинѣ ниже Великіе Черми (города) за восьмьдесятъ за восемь верстъ, по Камѣ рѣкѣ, по правую сторону Камы рѣки съ усть Лысы рѣчки (близъ Пыскорскаго монастыря), а по лѣвую сторону рѣки Камы противъ Пызноскіе курьи, по обѣ стороны по Камѣ до Чюсовы рѣки, *мѣста пустыя, мѣсы черныя, рѣчки и озера дикіе, острова и наволоки пустыя, а всего того пустою мѣста сто сорокъ шесть верстъ; и прежде деи сего, на томъ мѣстѣ, нашии не пахиваны и дворы деи не ставили,* и въ мою цареву и великого князя казну съ того мѣста пошлина никакая не бывала, и нынѣ не отданы

ни кому, и въ писцовыхъ книгахъ, и въ купчихъ, и въ правѣжныхъ то мѣсто не написано ни у кого^{*)}.

Упомянемъ главные населенные пункты въ Отхожемъ округѣ по рѣчнымъ бассейнамъ. По р. Камѣ погость Гайна; по р. Косѣ деревня Ныровъ; по Инвѣ — д. Купросъ, д. Кудымкоръ и д. Туманская на городищѣ, именуемая у Кайсарова уже „Майкоръ“; по притоку Инвы р. Кувѣ дер. Кува, по правому притоку Инвы рѣчкѣ Юсьвѣ дер. Юсьва; по Обвѣ — погость Обва (у Кайсарова „Ильинскій“), дер. Кривая Наволока (нынѣ село Кривецкое) и дер. Федорово; по рѣчкѣ Усолкѣ, лѣвому притоку Камы, д. Верхъ-Усолка; по р. Яйвѣ — дер. Романово, по другой Усолкѣ, притоку Яйвы, дер. Булатово; по р. Косьвѣ — дер. Вильгортъ, впоследствии погость Никольскій. Позднѣе всѣ эти деревни извѣстны уже подъ именемъ погостовъ, а въ наше время считаются селами^{**)}.

V. Въ 1580 году находившійся въ Чердыни *Юанно-Богословскій монастырь съ своими вотчинами обособился по управленію въ самостоятельную административную единицу въ предѣлахъ Пермскаго-Чердынскаго уѣзда*. По государственной грамотѣ отъ 10 августа 1580 г.^{***)} Чердынскимъ старостамъ и цѣловальникамъ и всѣмъ лучшимъ, среднимъ и молодшимъ людямъ, согласно челобитной игумена Варлаама, за монастыремъ утверждались навсегда земли, лѣса и уголья, написан-

*) «Дополненіе къ Актамъ Историческимъ», т. I, СПб. 1846 г., стр. 168.

**) Въ изданіи книги Яхонтова г. *Шишонко* ошибочно напечатано: «погость Гайна на р. на Колвѣ» (см. оттискъ изъ Губерн. Вѣдом., стр. 35), неправильно также сказано: «деревня Ныровъ на р. Колвѣ», тогда какъ нужно было сказать: «п. Гайна на р. Камѣ, д. Ныровъ на р. Косѣ». Это ясно изъ книги Кайсарова, гдѣ читаемъ: «погость Коса, Ныровъ тоже, на рѣчкѣ Косѣ, что была деревня Ныровъ». И въ «Пермской Лѣтописи» *Шишонко* тутъ то же ошибся: погость Коса показанъ на Камѣ, гдѣ его никогда не бывало (т. II, 243). Г. *Шишонко* смѣшалъ Ныровъ съ Ныробомъ Верхняго стана, Вильгортъ на Колвѣ съ Вильгортомъ на Косьвѣ, рѣку Уролку съ Усолкой и самую Усолку Камскую съ Усолкой Яйвенской. (См. оттискъ изъ Губерн. Вѣдом. 1878 года, стр. 34, 35, 38, 40 и примѣчанія къ книгѣ Яхонтова 201, 230, 245 и 246.

***) «Акты Историческіе», т. I, № 207, стр. 397—398.

ные въ предыдущемъ году въ писцовой книгѣ Ивана Яхонтова, и сверхъ того даровались монастырю новыя важныя права. Такъ какъ въ общей писцовой книгѣ его по Пермскому-Чердынскому уѣзду о монастырѣ ничего не говорится, то отсюда ясно, что *по воцмъ монастырскимъ имѣніямъ Яхонтовъ составилъ особую писцовую книгу, упоминаемую въ грамотѣ 1580 года* и теперь, къ сожалѣнію, утраченную. Содержаніе ея лишь вкратцѣ повторяется въ грамотѣ отъ 10 августа 1580 года о неприкосновенности владѣній Чердынскаго монастыря, при чемъ границы монастырскихъ вотчинъ тутъ не приводятся. „И всего за Богословскимъ монастыремъ, по писцовымъ книгамъ, пашни и перелогу 32 четверти, да лѣсу пашенного 37 десятинъ, да сѣна 500 копенъ“. Игуменъ и старцы монастыря въ своей челобитной жаловались царю на разныя притѣсненія отъ пермскихъ намѣстниковъ и ихъ тіуновъ и доводчиковъ, причинявшихъ имъ, старцамъ, и *ихъ крестьянамъ* „продажи и убытки великіе“.

И мы Богословскаго монастыря строителя Варлама съ братьею пожаловали, говорится въ заключеніе грамоты: Пермскимъ намѣстникомъ и ихъ тіуномъ судити ихъ не велѣли и доводчикомъ и цраветчикомъ у нихъ кормовъ и подводъ не имати и не вѣзжати къ нимъ ни по что, опричь душегубства и татьбы съ поличнымъ..... *И вы бѣ Богословскаго монастыря строителя Варлама съ братьею и ихъ крестьянъ отъ Пермскихъ намѣстниковъ и ихъ тіуновъ и доводчиковъ беремъ во всемъ, что бѣ имъ и ихъ крестьяномъ обидѣ и насилствѣ не чинили и не судили бѣ ихъ ни въ чемъ..... да сами бѣ есте имъ обидѣ и насилствѣ никакихъ не чинили и въ монастырскіе земли и въ угоды не вступалися, что бѣ Богословскій монастырь не запустилъ и наше богомолье не оскудѣло“.*

Вотъ каковы были въ тѣ времена Пермскіе намѣстники, что подчиненнымъ ихъ людямъ поручался контроль надъ ихъ

дѣйствіями! Впослѣдствіи, при настоятелѣ Герасимѣ, послѣ 1630 года, Богословскій монастырь поступилъ въ вѣдѣніе Троице-Сергіевой обители (лавры), и тогда его обособленность была окончательно упрочена. Подобными правами къ Перми Великой въ XVI столѣтіи обладалъ еще знаменитый Преображенскій монастырь на Пыскорѣ, о коемъ рѣчь будетъ ниже.

Таково было административное раздѣленіе Пермскаго-Чердынскаго уѣзда въ XVI столѣтіи, именно въ 1579—80 г.г. Черезъ 44 года послѣ того этотъ уѣздъ снова былъ подробно описанъ Кайсаровымъ (въ 162³/₄ г.). Сравнивая двѣ описи, мы видимъ большіе успѣхи русской колонизаціи въ краѣ. Въ тѣхъ же границахъ число деревень и починовъ значительно увеличилось, многіе изъ бывшихъ деревень именуются уже погостами, а изъ бывшихъ починовъ — деревнями. Но у Кайсарова не видно столь точнаго раздѣленія Чердынскаго уѣзда на 4 стана, какое есть у Яхонтова. Впрочемъ *внѣшнія* границы этого уѣзда оставались тѣ же самыя. Въ отношеніи къ самому городу Чердыни разница въ показаніяхъ Яхонтова и Кайсарова нами приведена выше. Въ отношеніи къ уѣзду мы не можемъ, къ сожалѣнію, указать для сравненія точныя цифры селеній, дворовъ и людей, такъ какъ имѣемъ въ рукахъ плохое изданіе Чердынской писцовой книги Кайсарова*). Изъ него можно видѣть только, что населеніе уѣзда за 44 года очень увеличилось, такъ какъ

*) До какой степени небрежно и не удовлетворительно это единственное изданіе Чердынской писцовой книги Кайсарова, предпринятое Шишонко въ его «Пермской Лѣтописи» (т. II, стр. 185—251), можно видѣть изъ того, что издатель счелъ пущимъ передать нѣкоторыя мѣста книги своими словами, а въ заключеніе, по совершенно непонятнымъ соображеніямъ, прибавилъ къ Чердынской писцовой книгѣ Кунгурскую книгу того же Кайсарова, не обозначивъ даже, гдѣ кончается одна и начинается другая книга. Намъ стоило не малаго критико-библіографическаго труда разобраться въ этой путаницѣ, не смотря на наше специальное знакомство съ источниками Пермской исторіи. Какъ же будутъ пользоваться такимъ изданіемъ сторонніе ученые? Вотъ обильный источникъ для ученыхъ заблужденій!

книга Кайсарова упоминаетъ много новыхъ починокъ и многія прежнія деревни именуетъ погостами. Перечислимъ всѣ погосты Пермскаго-Чердынскаго уѣзда по книгѣ Кайсарова 1623—24 г.г., сравнительно съ книгой Яхонтова 1579 года.

По р. Колвѣ и ея притокамъ: Покча, Вильгортъ, Анимовъ, Цыдва, что была деревня, Искоръ и Ныробъ, тоже бывшая деревня.

По Вишерѣ съ притоками: Редикоръ и Губдоръ.

По Камѣ и ея верхнимъ притокамъ: погостъ, что была деревня Лимежъ, погосты Пентегъ, Кольчугъ, Енидоръ, Гайна; Вильва (Чердынская); погостъ Коса, Ныровъ тожъ, что была дер. Ныровъ.

По р. Иньѣ и притокамъ: погостъ Кудымкоръ, что была деревня.

По р. Обвѣ: Ильинскій, что былъ погостъ Обва, погостъ Верхній Рождественскій.

По р. Косьвѣ: погостъ Косьвенскій.

Всего въ предѣлахъ Пермскаго-Чердынскаго уѣзда въ 162^{3/4} г.г. Кайсаровъ насчитываетъ 20 погостовъ вмѣсто 11. поименованныхъ у Яхонтова. Кромѣ того Кайсаровъ упоминаетъ вновь въ Чердынскомъ краѣ Успенскій дѣвичь монастырь въ самой Чердыни и пустынь Живоначальныя Троицы выше погоста Гайнъ, на Камѣ, близъ Кайгородскаго рубежа. Но виѣшнія границы Пермскаго-Чердынскаго уѣзда у Кайсарова вездѣ указываются тѣ же самыя, что и у Яхонтова. *Повторимъ ихъ для удобства обозрѣнія во всей совокупности:*

Рѣка Кама отъ истока, включая бассейны Волосницы, Луны, Лимана и Южной Кельтмы съ ея притокомъ Тимшеръ, далѣе линія на сѣверо-востокъ къ сѣверному концу озера Чусовскаго, восточный берегъ озера, рѣка Вишерка, р. Колва до устья Ухтыма, линія съ верховьевъ Ухтыма, чрезъ р. Низьву и верховья Мубыля и Чудовки, къ рѣкѣ Вишерѣ до деревни Морчанъ, внизъ по Вишерѣ до устья р. Язвы, рѣка

Язъва, волокъ, р. Верхъ-Боровая, продолженіе бассейна Камы до впаденія въ нее справа р. Обвы, слѣва р. Косъвы, исключая отсюда съ XV в. Усольскій уѣздъ, а со второй половины XVI—обширную площадь Строгановскихъ вотчинъ и монастыря Пыскорскаго по самой Камѣ и небольшія вотчины Иоанно-Богословскаго монастыря въ Пермскомъ-Чердынскомъ уѣздѣ.

Сосѣдняя область поселеній Вогуловъ и Остяковъ.

Восточнѣе указанной границы, слѣдовательно за Пермью Великой, какъ уже сказано, начиналась Угорская страна, поселенія Вогуловъ и Остяковъ, „Югра“ нашихъ лѣтописей, договорныхъ Новгородскихъ грамотъ и другихъ древнихъ источниковъ. Такимъ образомъ не правильно мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ, будто вся Югра лежала за Ураломъ. Таковы *Лербергъ*, *Кастренъ* и *Клапротъ*, считающіе областью древней Югры все Зауралье отъ сѣверныхъ поселеній Самоѣдовъ до границъ Татарскихъ владѣній. Какъ показываютъ многія современные географическія названія въ Пермской и Вологодской губерніяхъ, вогульско-остяцкія поселенія въ древнѣйшее время простирались на западъ еще далѣе указанныхъ нами предѣловъ. По этому нельзя не признать большей правдоподобности въ ученыхъ заключеніяхъ *Георги*, полагавшаго древнюю Югру между Бѣлымъ моремъ и Ураломъ, *Шенцера*, полагавшаго ее на истокахъ Вычегды, *Миллера* и *Фишера*, принимавшихъ бассейнъ верхней Печоры за область Югры. Всѣ эти ученые въ основаніе своихъ сужденій о древней Югрѣ полагали историческія соображенія, тогда какъ *Кастренъ*, *Клапротъ* и нѣкоторые другіе основывались на современномъ разселеніи Угорскихъ народовъ. *Костомаровъ*, желая примирить эти ученые разнорѣчія, замѣчаетъ по поводу ихъ: „Быть можетъ, не всегда подъ именемъ Югры слѣдуетъ понимать этотъ отдаленный уголь (Зауралье); при той неопредѣленности, какая господствовала въ древности

географическихъ понятіяхъ, возможно, если бы подъ Югрю разумѣли и ближайшія земли“ *). Обращаясь въ истиннымъ историческимъ источникамъ, мы приходимъ къ положительному убѣжденію, что область Угорскихъ поселеній начиналась по сю сторону Урала и граничила непосредственно съ Пермью Великой, а равно и съ Пермью Вычегодской на пространство отъ верховьевъ Чусовой до верховьевъ Печоры включительно. Поэтому Елифаній Премудрый и его компиляторы имѣли полное основаніе помѣстить въ числѣ ближайшихъ сосѣдей Перми Вогуличей, а въ числѣ болѣе отдаленныхъ окружныхъ народовъ—Югрю, т. е. зауральскихъ одноплеменниковъ ихъ.

Б. Усольскій, позднѣе Соликамскій, уѣздъ Перми Великой въ XVI и началѣ XVII вѣка.

Писцовая книга Усольскаго уѣзда Яхонтова 1579 года, какъ сказано, не издана въ полномъ видѣ, а только въ извлеченіи *Берга* въ его „Путешествіи въ Чердынъ и Соликамскъ“ СПб. 1821 г. Кромѣ того содержаніе ея повторяется въ общихъ словахъ въ позднѣйшей книгѣ по тому же уѣзду Кайсарова, изданной г. *Шишонко* **). Наконецъ нѣсколько важныхъ извлеченій изъ Усольской книги Яхонтова сдѣлано въ прекрасномъ изслѣдованіи протоіерея Ал. Матв. *Луканина*: „Церковно-историческое и археологическое описаніе г. Соликамска“. Пермь. 1882 г. ***). Извлекаемъ изъ всѣхъ трехъ изданій необходимыя свѣдѣнія.

*) «Сѣвернорусскія народоправства».—I. 413.

**) Усольская писцовая книга Кайсарова, какъ сказано, издана г. *Шишонко* дважды: въ Перм. Губерн. Вѣдом. 1872 г. (и оттисками) и въ «Пермской Лѣтописи», томъ II. Мы будемъ ссылаться на первое изданіе въ особомъ оттискѣ, какъ полное и болѣе сносное въ библиографическомъ отношеніи.

***) Это—уже второе изданіе въ особой книгѣ. Первоначально изслѣдованіе было напечатано въ «Пермск. Губерн. Вѣдомостяхъ» 1856 г. № 5—8, 1858 г. № 40—49, 1860 г. № 52 и 1861 г. № 2—6 и въ оттискахъ,

Въ 1579 году въ городѣ Соликамскѣ, на посадѣ и въ уѣздѣ посадскихъ и крестьянскихъ дворовъ было: нашенныхъ крестьянъ 197, безпашенныхъ 155, всего 352 двора; людей въ нихъ, положенныхъ въ сошное письмо, было 406 чел. муж. пола. (Оттискъ книги Кайсарова 1872 г., стр. 113). Какъ и въ Чердыни, въ Соликамскѣ не упоминаются Яхонтовымъ ни церкви, ни городскія укрѣпленія. Но Кайсаровъ въ 162³/₄ г.г. уже говоритъ очень подробно о тѣхъ и другихъ въ обоихъ городахъ. Укрѣпленія Соликамскъ имѣлъ также деревянныя. Стѣны крѣпости были снабжены башнями и бойницами. Посадъ, по обычаю того времени, былъ обнесенъ особою стѣною. Церквей въ городѣ и на посадѣ Соликамска у Кайсарова показано 6; изъ нихъ при Михайло-Архангельской церкви упоминается женскій монастырь, да кромѣ того былъ Вознесенскій мужской монастырь за посадомъ, на р. Усолкѣ, съ своими храмами. Изъ общественныхъ зданій въ Соликамскѣ Кайсаровъ показываетъ: избу таможенную, царевъ кабакъ, воеводскій домъ, винокурню и приѣзжія избы Чердынцевъ. Дворовъ посадскихъ лучшихъ торговыхъ людей Кайсаровъ насчитываетъ 13, людей въ нихъ 26 чел., посадскихъ среднихъ людей дворовъ 15, людей 23, посад. молодшихъ людей дворовъ 40, людей 72, самыхъ молодшихъ людей дворовъ 265, людей въ нихъ 399 чел.— всего 333 двора и 520 человекъ муж. пола. (Оттискъ, стр. 21, 24, 33).

Уѣздъ города Усоля Камскаго въ 1579 году былъ не великъ и имѣлъ незначительное населеніе. Онъ не раздѣлялся на станы, такъ какъ не имѣлъ еще ни одного погоста, а только заключалъ въ себѣ 23 деревни, 11 починковъ и 3 *займища*, т. е. займки, во всѣхъ ихъ 144 двора и 205 чел. муж. пола, положенныхъ въ сошное письмо*). Почтенный историкъ Соликамска протоіерей А. М. Лукинъ приводитъ

*) Лукинъ: «Описаніе Соликамска». Пермь. 1882 г., стр. 123. Оттискъ книгъ Кайсарова. Пермь. 1872 г., стр. 113.

въ своемъ трудѣ изъ какой-то рукописи 29 названій населенныхъ мѣстъ Усольскаго уѣзда, существовавшихъ при описи Яхонтова въ 1579 году, и тѣмъ даетъ возможность судить о границахъ тогдашняго Усольскаго уѣзда Пермской Великой.

Какъ сказано выше, Усольскій уѣздъ съ разныхъ сторонъ, исключая восточной, былъ окруженъ въ XVI и XVII в.в. землями Чердынскаго-Пермскаго уѣзда, съ сѣвера землями Нижняго его стана, а съ другихъ сторонъ—Отхожаго района. Кромѣ того въ территорію Усольскаго уѣзда съ юго-запада врѣзывались тогда Строгановскія вотчины съ своимъ особымъ управленіемъ и выдѣлившіяся изъ нихъ же вотчины Пыскорскаго монастыря. Такимъ образомъ весь Усольскій уѣздъ время Яхонтова занималъ весьма небольшую площадь, нынѣ составляющую волости Соликамскаго уѣзда: Городищенскую, Половодовскую, Троицкую и Зырянскую на лѣвомъ берегу Камы и Касибскую на правомъ. Покамскія же волости: Пыскорская, Дедюхинская и Ленвенская составляли особое владѣніе Пыскорскаго монастыря, а Усольская, Орловская и Таманская волости и рѣка Яйва до впаденія въ нее Чаньвы были владѣніемъ Строгановыхъ. Изъ селеній Усольскаго уѣзда, упоминаемыхъ Яхонтовымъ, отмѣтимъ деревню *Остятцкую* на рѣчкѣ Черной*). Въ 1623/4 г. Кайсаровъ уже называетъ ее починкомъ Неклюдовымъ, „что была деревня Остятцкая“. Последнее наименованіе уже встрѣчалось намъ въ Нижнемъ станѣ Чердынскаго уѣзда и вторично свидѣтельствуетъ о распространеніи Угорскаго населенія въ древнѣйшее время далеко на западъ. По правую сторону Камы замѣтимъ: деревню Григорово, у которой послѣ найдена была богатая мѣдная руда, снабжавшая Пыскорскій мона-

*) Рѣчекъ съ наименованіемъ «Черная» въ Соликамскомъ уѣздѣ много. Въ данномъ случаѣ разумѣется ближайшая къ Соликамску—притокъ Усолки, въ 2 верстахъ отъ городи. Есть еще Черная, притокъ Вильвы, текущей въ Яйву, Черная—притокъ Сѣвернаго Кондаса, Черная—притокъ Глухой Вильвы, текущей въ Яйву и другія.

стырскій заводъ; починокъ Жераднень на рѣчкѣ Лысвѣ, впадающей справа въ Каму почти противъ устья Усолки; у Кайсарова упоминается уже „деревня Лысва, что былъ починокъ Жераднень“. Недалеко отсюда стоялъ одно время извѣстный Пыскорскій монастырь. Упоминаемая Яхонтовымъ деревня Бердникова, Зубковская и Булаковская составили вскорѣ одинъ *погостъ*, называемый у Кайсарова „Городище“. Точно также деревня Зырянка на рѣчкѣ того же имени и починокъ Тимашевъ, отдѣльно поименованные у Яхонтова, при Кайсаровѣ составили одинъ *погостъ* „Зырянку“, впоследствии славившійся солеварнями и перешедшій въ руки Строгановыхъ. Деревня же Боровая, при впаденіи рѣчки Боровой въ Каму, при Кайсаровѣ превратилась уже въ *погостъ* „Рождественскій“.

Итакъ границы Усольскаго уѣзда въ Пермѣ Великой при Яхонтовѣ были приблизительно слѣдующія: *на сѣверъ* отъ праваго притока Камы, рѣчки Вильвы, и лѣваго—рѣчки Верхъ-Боровой, составлявшихъ, какъ выше сказано, южную границу Нижняго стана Чердынскаго уѣзда; *на югъ*—до рѣки Лысвы на правой сторонѣ Камы и до рѣки Зырянки включительно съ рѣкой и селомъ Зырянкою и притокомъ Зырянки, рѣчкою Толычемъ,—на лѣвой сторонѣ Камы; *на западъ* упомянутыя рѣчки Вильва и Лысва, близко сходясь своими истоками, образовали тупой уголъ, служившій естественною границею Усольскаго уѣзда; *на востокъ* граница простиралась отъ верховьевъ Верхъ-Боровой (что въ Чердынскомъ уѣздѣ) по Глухой Вильвѣ, притоку Язвы (тоже Чердынской рѣки), притоку Г. Вильвы р. Сурмогу, по волоку, по рѣчкѣ Ику, притоку Яйвы, и по р. Яйвѣ, начиная отъ нынѣшняго села Верхъ-Яйвенскаго не далѣе деревни Вижая и села Троицкаго, отсюда по р. Зырянкѣ и Толычу. Въ указанныхъ границахъ на лѣвомъ берегу Камы узкая полоса земли отъ верхняго конца Чашкина озера и его протока (прорыва) въ Каму и до устья р. Зырянки—составляла

собственность Пыскорского монастыря и не входила въ число земель Усольскаго уѣзда. (Оттискъ книгъ Кайсарова, стр. 59).

При этомъ *дальнѣйшимъ южнымъ продолженіемъ вѣстней границы Перми Великой съ поселеніями Вогуловъ и Остяковъ служила черта:* отъ р. Верхъ-Боровой по Глухой Вильвѣ, Сурмогу, волоку, Ику, Яйвѣ отъ села Верхъ-Яйвенскаго и по ея лѣвому притоку рѣкѣ Чаньвѣ, составлявшей владѣніе Строгановыхъ, далѣе—черта на югъ, пересѣкавшая Косьву, притокъ Камы, и Усьву, притокъ Чусовой, и приближавшаяся къ другому ея притоку, рѣкѣ Койвѣ, вблизи самаго Уральского хребта.

Дѣйствительно, къ югу и востоку отъ Яйвы мы неоднократно встрѣчаемся съ названіемъ рѣчекъ *Вогулокъ*, подобно тому, какъ въ Пермскомъ - Чердынскомъ уѣздѣ—къ востоку отъ Колвы. Таковы: рѣчка Вогулка близъ нынѣшняго села Романова на Яйвѣ, по лѣвую ея сторону (впадаетъ въ озеро); Вогулка, правый притокъ Няра, текущаго справа въ Косьву; Вогулка, лѣвый притокъ самой Косьвы, и Новая Вогулка, текущая въ поминутый притокъ Няра того же имени*). Наименованіе же р. *Зырянки* свидѣтельствуетъ, что пермско-зырянское населеніе жило по самой Камѣ, западнѣе Вогуловъ и Остяковъ, но въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ ними.

При Михаилѣ Кайсаровѣ въ 1623—24 г.г. границы Усольскаго уѣзда оставались тѣ же самыя, что были 44 года тому назадъ, но количество населенныхъ пунктовъ, какъ и въ Чердынскомъ краѣ, значительно увеличилось. Тогда какъ при Яхонтовѣ въ 1579 году здѣсь не было еще ни одного погоста, при Кайсаровѣ ихъ было уже три: Городище на р. Усолкѣ, Рождественскій на устьѣ Боровой и Зыранка на рѣкѣ того же имени (все три—лѣвые притоки Камы). На этомъ основаніи Кайсаровъ дѣлитъ весь Усольскій уѣздъ на

*) Я пользуюсь специальными подробными картами нынѣшнихъ Чердынскаго и Соликамскаго уѣздовъ, изданными тамошними уѣздными земскими управами.

4 части: 1) *Окологородный станъ*, 2) округъ *Городищенскій*, 3) округъ *Рождественскій* и 4) округъ *Зырянскій*.

Въ Окологородномъ станѣ Кайсаровъ перечисляетъ 23 деревни, 20 починковъ, 112 дворовъ пашенныхъ крестьянъ, 1 безпашенный, 3 двора бобыльскихъ, 1 дворъ пустой, людей 165 чел. муж. пола (Оттискъ, стр. 68—82). Въ Городищенскомъ округѣ: 18 деревень, 8 починковъ, во всѣхъ нихъ вмѣстѣ съ погостомъ 135 дворовъ пашенныхъ крестьянъ, 5—безпашенныхъ, 2—бобыльскихъ, 7—пустыхъ, людей въ нихъ 205 муж. п. (ibidem, стр. 83—97). Въ Рождественскомъ округѣ: 7 деревень, въ нихъ и въ погостѣ 41 дворъ пашенныхъ крестьянъ, 19—безпашенныхъ, 6—бобыльскихъ, 3—пустыхъ, людей—90 человекъ (ibidem, 98—104). Въ Зырянскомъ округѣ: 1 деревня Шмаково, 2 починка, въ нихъ и въ погостѣ 41 дворъ пашенныхъ крестьянъ, 3—безпашенныхъ, 5—бобыльскихъ, 1—пустой, людей 63 чел. (ibidem, 104—108). „И всего въ *Соликамскомъ уѣздѣ*, заключаетъ Кайсаровъ, 3 погоста, а къ нимъ 49 деревень, да 30 починковъ, а въ нихъ 12 дворовъ церковныхъ, да 329 дворовъ пашенныхъ крестьянъ, да 28 дворовъ безпашенныхъ, да 16 дворовъ бобыльскихъ; а людей въ нихъ 523 человекъ; да 12 дворовъ пустыхъ, да три мѣста дворовыхъ“. (Оттискъ книги Кайсарова, стр. 109—110). Въ этомъ заключеніи Кайсаровъ единственный разъ называетъ весь уѣздъ „Соликамскимъ“. Сверхъ прежнихъ писцовыхъ книгъ Ивана Яхонтова въ Усольскомъ уѣздѣ прибыло: 3 погоста, 26 деревень, 19 починковъ; дворовъ на посадѣ Соликамска, въ погостахъ и уѣздѣ 400 (всѣхъ разрядовъ) и людей 637 человекъ муж. пола.

Кромѣ того „на Сибирской на Верхотурской дорогѣ“, т. е. на Бабиновской изъ Соликамска въ с. Ростееъ и далѣе—черезъ Уралъ, на волокъ, на рѣкѣ Яйвѣ*), на мѣстѣ нынѣш-

*) Тутъ въ оттискѣ книгъ Кайсарова и въ «Пермской Лѣтописи» Шилинко (томъ II) грубая ошибка: вмѣсто *Яйвы* названа *Ильва*—рѣка Чердынского уѣзда.

няго села Верхъ-Яйвенскаго, Кайсаровъ впервые указываетъ монастырь — новую пустынь съ храмомъ Введенія, одной кельей и 5 иноками, да за пустыню 6 дворовъ бобыльскихъ и въ нихъ 8 человекъ, да одно займище (заимку) на верховьяхъ Усолки, съ однимъ монастырскимъ дворомъ. Церковь Введенія построена въ Верхъ-Яйвенскомъ селѣ извѣстнымъ Артеміемъ Бабиновымъ въ 1616 году, какъ видно изъ Соликамскаго лѣтописца, изданнаго *Бергомъ* („Путешествіе“, стр. 207). Это былъ крайній восточный пунктъ Усольскаго уѣзда.

О происхожденіи Усольскихъ погостовъ изъ деревень мы сказали выше; перечислять другія поселенія Усольскаго уѣзда, возникшія послѣ Яхонтова, мы не видимъ надобности, такъ какъ *вѣтъшнія* границы уѣзда при Кайсаровѣ не измѣнились. Полный списокъ населенныхъ мѣстъ Усольскаго уѣзда по описанію Яхонтова и Кайсарова приведенъ въ извѣстной уже намъ книгѣ протоіерея *Дуканина* по исторіи Соликамска (стр. 124—127).

В. Вотчины Строгановыхъ и монастыря Пыекорскаго въ Перми Великой въ XVI и началѣ XVII вѣка.

Въ административномъ и судебномъ отношеніи нѣчто самостоятельное, не подвластное государевымъ намѣстникамъ и воеводамъ составляли Строгановскія вотчины, занимавшія добрую половину Перми Великой. Это было словно какое-то вассальное государство съ своими законами, установленіями, распорядами. Именитые владѣтели обширныхъ Великопермскихъ вотчинъ по дѣламъ управленія, даже не выходившимъ за предѣлы полномочій и компетенціи *мѣстной* судебно-административной власти, имѣли исключительное право, обходя общія мѣстныя инстанціи, сноситься непосредственно съ центральными учрежденіями Московскаго государства.

Ихъ исключительныя права внесены въ „Соборное Уложеніе“ 1649 г. царя Алексѣя Михайловича (глава X, статья 94). То же самое и гораздо ранѣе неоднократно подтверждалось въ жалованныхъ роду Строгановыхъ царскихъ грамотахъ и указахъ XVI и XVII в.в. Такъ, въ одной изъ древнѣйшихъ грамотъ царя Ивана Васильевича отъ 2 января 1564 года между прочимъ читаемъ: „И нашимъ Пермскимъ намѣстникомъ и ихъ тиуномъ Григорья Строганова, и что его городка (Орла) людей и деревеньскихъ, не судити ни въ чемъ.... а *въдастъ и судитъ Григорей своихъ слобожанъ самъ во всемъ.* А кому будетъ иныхъ городовъ людемъ до Григорья какое дѣло, и тѣмъ людемъ на Григорья здѣсь имати управныя грамоты, а по тѣмъ управнымъ грамотамъ обоимъ—ищяемъ и отвѣтчикомъ—*безприсавно ставитъ на Москвѣ предъ нашими казначей*“*). То же самое было сказано и въ болѣе ранней грамотѣ отъ 4 апрѣля 1558 года.

Первоначально Строгановы имѣли земли только въ Сольвычегодскомъ краѣ, а со второй половины XVI вѣка они являются и въ Перми Великой первыми крупными частными землевладѣльцами. Первая жалованная грамота на Великопермскія земли и дана была Строгановымъ 4 апрѣля 1558 года, чрезъ 5 лѣтъ послѣ дарованія Чердынцамъ и Усольцамъ „Уставной грамоты“. Эта *первая* грамота Строгановыхъ напечатана была впервые историкомъ Сибири *Миллеромъ* **). Содержаніе ея очень подробно повторяется затѣмъ во *второй* жалованной грамотѣ отъ 2 января 1564 года, сохранившейся въ фамильномъ архивѣ Строгановыхъ въ Петербургѣ. Изъ этихъ двухъ грамотъ можно видѣть размѣры Пермскихъ вотчинъ Строгановыхъ въ самое первое время по ихъ возникновеніи. Вотъ подлинныя слова грамоты 1564 года: „И язъ Царь и Великій Князь Иванъ Василье-

*) «Дополненія къ Актамъ Историческимъ», т. I, СПб. 1846 г., стр. 169—170.

**) *Герардъ Фридрихъ Миллеръ*: «Описаніе Сибирскаго Царства». СПб. 1750 г., стр. 76—80, подъ текстомъ.

вѣсть вся Русіи Григорья Аникѣева сына Строганова пожаловалъ, велѣлъ есми ему на томъ пустомъ мѣстѣ, ниже Великіи Перми (города Чердыни) за восемьдесятъ за восемь верстъ, по Камѣ рѣкѣ, *по правую сторону Камы рѣки съ усть Лысвы рѣчки, а по лѣвую сторону Камы рѣки противъ Пызновскіе курьи, внизъ по обѣ стороны по Камѣ до Чусовыя рѣки, на черныхъ лѣсахъ городокъ поставити* (разумѣется Орель) и около бѣ того городка ему *по рѣкамъ и по озерамъ и до вершинъ лѣсъ сѣчи, и пашни около того городка распашивати, и дворы ставити, и людей ему въ тотъ городокъ неписменныхъ и нетяглыхъ называти*“*). Въ самомъ же началѣ этой грамоты точно указано и пространство земли, которая отдавалась во владѣніе Строгановымъ: отъ устья рѣчки Лысвы на правомъ берегу Камы и отъ Пызновской курьи на лѣвомъ „всего деи того пустого мѣста *сто сорокъ шесть верстъ*“. Какъ видно изъ грамотъ, о пустотѣ и ненаселенности этихъ земель въ Москвѣ свидѣтельствовалъ Пермскій Кодаулъ, пріѣзжавшій „изъ Перми ото всѣхъ Пермичъ съ данью“,— свидѣтельствовалъ въ Москвѣ предъ царскими „казначейми“, а послѣдніе показаніе Кодаула сообщили царю.

Приведенное опредѣленіе границъ грамотами Іоанна Грознаго находится въ полномъ согласіи съ показаніемъ у Яхонтова границъ Усольскаго и Чердынскаго уѣздовъ. По правому притоку Камы рѣкѣ Лысвѣ, какъ мы уже говорили, шла южная граница Усольскаго уѣзда. Строгановскія вотчины начинались у этой самой Лысвы и шли далѣе къ югу, по правому же берегу Камы, оканчиваясь противъ устья Чусовой. Южнѣе, по р.р. Иньвѣ и Обвѣ, находилось нѣсколько отхожихъ деревень Чердынскаго уѣзда, но, какъ мы видѣли изъ писцовыхъ книгъ, деревни эти были лишь оазисами въ пустынѣ. Строгановы получили въ свои руки земли пустыя,

*) «Дополн. къ Актамъ Историч.», т. I, стр. 168—169. Но первая грамота, напечатанная Миллеромъ, не была перепечатана ни въ этомъ, ни въ другихъ изданіяхъ Археографической Комиссіи.

ненаселенныя; однако данное имъ право занимать земли по притокамъ Камы *отъ устьявъ и до вершинъ* все таки привело ихъ со временемъ въ столкновение съ Чердынскими „отхожими людьми“.

То же самое было и на лѣвомъ берегу Камы, гдѣ Строгановы тѣмъ болѣе встрѣтили не однихъ Чердынскихъ, но и Усольскихъ поселенцевъ. Странно, что правительство, давая Строгановымъ право занимать цѣлые рѣчные бассейны, не оградило при этомъ интересовъ хотя и немногочисленныхъ, но болѣе старинныхъ жителей береговъ Камскихъ притоковъ. Или оно введено было въ ошибку показаніями Кодаула, быть можетъ, не вполне добросовѣстными по причинѣ подкупа, весьма возможнаго для богатыхъ людей Строгановыхъ? На лѣвомъ берегу Камы, какъ мы знаемъ, южная граница Усольскаго уѣзда простиралась до рѣкъ Зырянки и Толыча; но *неширокая полоса Камскаго берега* (отъ верхняго конца Чашкина озера и его протока въ Каму до устья этой Зырянки) *не входила въ предѣлы Усольскаго уѣзда*, судя по книгѣ Яхонтова, и потому по грамотѣ 4 апрѣля 1558 года была отдана во владѣніе Строгановымъ, а послѣдними завѣщана Пыскорскому монастырю. Эта первая грамота Строгановыхъ называетъ сѣвѣрной границей ихъ вотчинъ на лѣвомъ берегу Камы линію противъ *Пызновской курьи*. „А по лѣвую сторону Камы рѣки, говоритъ грамота, *противъ Пызновскіе курьи*“.... Въ списокѣ этой грамоты, напечатанномъ у Миллера, сказано въ этомъ мѣстѣ: „противъ *Пыскорскіе курьи*“. Отсюда можно заключить, что тутъ разумѣется устье рѣчки *Пыскорки*, при которой стоялъ монастырь. Южный конецъ Чашкина озера приходится какъ разъ *противъ* устья этой рѣчки (рѣчка на правомъ, озеро—на лѣвомъ берегу Камы), а верхній конецъ того же озера и протокъ или прорывъ его въ Каму приближается къ устьямъ другой рѣчки—Лысвы, находится, такъ сказать, противъ Лысвенской курьи.

Нѣкоторые думаютъ, напр. *О. В. Мичуринъ* *), что подъ *Изыювской курей*, упомянутой въ нѣсколькихъ Строгановскихъ грамотахъ XVI вѣка, напечатанныхъ въ изданіяхъ Археографической Коммиссіи, нужно разумѣть устье рѣчки *Позь*, впадающей слѣва въ Каму пониже рѣки Яйвы, — думаютъ на томъ основаніи, что отъ Чашкина озера до р. Чусовой больше 146 верстъ, а отъ Позы выходитъ приблизительно это разстояніе, указываемое въ первыхъ грамотахъ Строгановыхъ. Но противъ этого мы можемъ возразить во 1-хъ то, что тогда принималась верста въ 700 сажень, а не нынѣшняя, а во 2-хъ то, что при такомъ толкованіи словъ грамотъ теряетъ всякій смыслъ выраженіе *противъ курей*, такъ какъ рч. Позь на лѣвомъ, а не на правомъ берегу Камы.

Итакъ, водвореніе могущественныхъ землевладѣльцевъ Строгановыхъ въ Великопермскомъ краѣ было противно интересамъ мелкихъ собственниковъ земли, разсѣянныхъ по рѣкамъ и рѣчкамъ, которыя должны были съ устьевъ и до вершинъ перейти въ руки Строгановыхъ, по данному имъ грамотами 1558 и 1564 г.г. праву. Отсюда неизбежно происходили многочисленные поземельныя тяжбы и судебныя процессы. По Иньвѣ съ ея притоками. Обвѣ, Яйвѣ, ея притокамъ Усолѣ и Вильвѣ, по Косьвѣ и другимъ рѣкамъ и рѣчкамъ Строгановы встрѣчали Усольскихъ и Чердынскихъ „отхожихъ“ людей, съ которыми и должны были вступать въ борьбу за обладаніе землей. Борьба оказалась неравною, и Строгановы постепенно налагали свою тяжелую, мощную руку на упомянутыя земли. Ни старинныя поземельныя права, ни ропотъ, ни открытыя возмущенія мелкихъ собственниковъ земли не приводили ни къ чему. Особенно прочно

*) Обладающій многими старинными документами и напечатавшій въ «Пермск. Губерн. Вѣдом.» за 1881 годъ «Матеріалы къ исторіи Пермскаго края», именно грамоту Строгановымъ на рѣку Зырянку отъ 11 іюля 1701 г. (см. № 53—55, 59, 61, 64, 65, 67, 69, 71, 73, 75 и 78 и отписки).

утвердились Строгановы въ Пермѣ Великой со времени все-
сильнаго современника Петра Великаго, Григорія Дмитріевича
Строганова, который, пользуясь особымъ довѣріемъ царя,
желавшаго создать въ Россіи горнозаводское дѣло, покрови-
тельствовавшаго въ равной мѣрѣ и Строганову, и Демидову,—
*постепенно исходатайствовалъ себѣ подтвердительныя гра-
моты на вѣчное владѣніе землями по р. Яизвѣ (въ 1688 г.),
по Обвѣ, Инвѣ и Косвѣ (въ 1700 г.) и даже по Зырянкѣ
(въ томъ же 1700 году)*). Долго, дѣйствительно помнили
Чердынцы и Усольцы водвореніе Строгановыхъ въ Велико-
пермскомъ краѣ!*

Основанный въ 1558—60 г.г. и покровительствуемый
Строгановыми Пыскорскій Преображенскій монастырь со вре-
менемъ также сталъ поступать по примѣру своихъ основа-
телей, такъ какъ до нашего времени сохранились нѣкоторыя
тяжебныя дѣла монастыря съ Усольцами и даже, какъ это
ни странно, *съ самими Строгановыми*. Любопытныя свѣдѣнія
объ этихъ тяжбахъ можно найти въ книгѣ Д. М. Пятухова:
„Горный городъ Дедухинъ и околныя мѣстности“. СПб.
1864 г., (глава 1-я, стр. 1—25). Всѣ дѣла Пыскорскаго
монастыря краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что мірскіе инте-
ресы были совсѣмъ не чужды Пыскорскимъ старцамъ и ихъ
настоятелямъ.

Благодаря всѣмъ указаннымъ обстоятельствамъ, отхожія
земли Чердынцевъ и Усольцевъ мало по малу, если не de
jure, то de facto оказались въ рукахъ Строгановыхъ и частію
монастыря Пыскорскаго. Даже дарованная Чердынцамъ и
Усольцамъ царская „уставная грамота“ 1553 г. не оберегла
ихъ отъ насильствъ. Въ XVII в. отхожія поселенія Чердын-
цевъ были словно колоніи въ чужомъ краѣ. *Прослѣдимъ
хронологически переходъ земель къ Строгановымъ.*

*) См. изданную мною „Усольскую лѣтопись“ О. А. Волегова въ «Пермскихъ
Губерн. Вѣдом.», 1882 г. № № 96 и 97 и въ оттискѣ.

Первое пожалованіе земли было въ 1558 г. отъ устья р. Лысы и черты противъ Пызновской или Пыскорской курьи на лѣвомъ берегу Камы—внизъ по обѣ стороны Камы, со впадающими рѣчками и рѣчками съ устьевъ и до вершинъ, до рѣки Чусовой—на протяженіи тогдашнихъ 146 верстъ. По вычисленію знатока исторіи Строгановыхъ, *Θ. А. Волегова, основанному на архивныхъ данныхъ*, Григорій Аникіевичъ Строгановъ по грамотѣ отъ 4 апрѣля 1558 года получилъ земли въ Пермѣ Великой 3415840 десятинъ 1523²/₃ квадр. сажень *). И это былъ только первый зародышъ Строгановскаго землевладѣнія въ Великопермскомъ краѣ! Впослѣдствіи Строгановы постепенно получаютъ отъ щедротъ царевыхъ новыя приращенія изъ „свободныхъ“ (вполнѣ-ли?) пермскихъ земель—одно другого значительнѣе. Въ 1568 году марта 25 Яковъ Аникіевъ Строгановъ былъ пожалованъ грамотой на земли по обѣ стороны р. Чусовой отъ ея устья до нынѣшняго Верхняго Чусовскаго городка и выше его, и кромѣ того по обѣ стороны р. Камы отъ Чусовскаго устья и прежней Строгановской межи внизъ по Камѣ на 20 верстъ до р. Ласы въ нынѣшнемъ Оханскомъ уѣздѣ. Согласно челобитью, Якову Строганову дозволено было построить на Чусовой укрѣпленный городокъ возлѣ найденныхъ имъ соляныхъ залежей, и „около бы городка у соленого промысла варницы и дворы ставити, по обѣ стороны Чусовые рѣки, по рѣчкамъ и по озерамъ и до вершинъ, и отъ Чусовые рѣки по обѣ стороны Камы рѣки внизъ на двадцать верстъ до Ласви́нскаго бору, по рѣчкамъ и по озерамъ и до вершинъ лѣсъ сѣчи, и пашни пахати, и пожѣ розчищати, и рыбными угодьями и иными всякими владѣти, и людей не писменныхъ и петьяглыхъ называти“ **)—т. е. не записанныхъ ни въ какое тягло.

*) *Θ. А. Волеговъ*: «Истор.-статист. таблицы на имѣнія Строгановыхъ» изданы мною въ «Памятной книгѣ Пермской губ. на 1889 годъ». *Θ. А. Волегову*, бывшему главному управляющему всѣхъ Пермскихъ имѣній Строгановыхъ, были вполнѣ доступны всѣ архивы Строгановыхъ, которые онъ прекрасно и зналъ.

**) «Дополненія къ Актамъ Историч.», т. I, стр. 172—175.

Нельзя не замѣтить, какъ *приблизительно* обозначена граница пожалованныхъ Строганову земель вверхъ по Чусовой. Правительство само не имѣло, повидимому, точныхъ топографическихъ свѣдѣній объ этихъ отдаленныхъ земляхъ, и Строгановымъ слишкомъ выгодно было выпрашивать себѣ во владѣніе земли цѣлыми рѣчными бассейнами по рѣкамъ и рѣчкамъ „отъ устей и до вершинъ“. Пользуясь такой возможностью, Яковъ Строгановъ по грамотѣ 1568 г. присвоилъ себѣ, сверхъ прежде дарованныхъ $3\frac{1}{2}$ милліоновъ десятинъ, еще 4129217 десят. $1654\frac{1}{2}$ квадр. сажень земли*). Между прочимъ тутъ заключалась вся площадь земли, занимаемая основаннымъ въ 1781 г. губернскимъ городомъ Пермью.

Таковы были границы Строгановскихъ вотчинъ въ Перми Великой ко времени перваго писца Яхонтова: отъ нынѣшней Соликамской Лысвы до Оханской Ласвы на правомъ берегу Камы и почти отъ устьевъ р. Зырянки (болѣе сѣверное побережье тогда было уже въ рукахъ монастыря Пыскорскаго) до черты противъ устьевъ той же Ласвы на лѣвомъ берегу Камы, включая сюда не значительную часть обширнаго бассейна р. Чусовой и ея главнаго лѣваго притока р. Сылвы. По обѣимъ сторонамъ этой широкой Прикамской полосы земли лежалъ Отхожій округъ Пермскаго-Чердынскаго уѣзда, а на югѣ, за Чусовой и Сылвой, начинались уже улусы Кунгурскихъ Татаръ и Остяковъ.

При Ѳеодорѣ Іоанновичѣ Никита Григорьевичъ Строгановъ получилъ новое приращеніе къ своимъ вотчинамъ. Грамотою отъ 7 апрѣля 1597 г. ему жалуются вновь земли „ниже Великія Перми (т. е. Чердыни) и ихъ вотчинъ, по Камѣ рѣкѣ, полтретьяста верстъ**), а отъ Казани полосамаста верстъ (750 в.), *отъ Ласвы рѣчки внизъ по Камѣ по правой*

*) «Таблицы» Ѳ. А. Волкова въ «Памятной книгѣ Перм. губ. на 1889 годъ». См. таблицу № 1.

**) На самомъ дѣлѣ считалось: отъ Чердыни до Лысвы тогдашнихъ 88 верстъ, отъ Лысвы до Ласвы $146+20$ верстъ, всего 254 версты.

сторонѣ до рѣчки до Ошану пятьдесятъ пять верстъ, и въ той межѣ въ Каму рѣку по обѣ стороны рѣчки впади: Сюзвѣ, да Нытвѣ, да Югѣ, да Очерѣ, да Ошанѣ, и по Камѣ рѣкѣ отъ Ласы рѣчки внизъ до Ошану по обѣ стороны и иныя малыя рѣчки дикія, которыя впади въ Ласу, и въ Сюзвѣ, и въ Нытвѣ, и въ Очерѣ, и въ Югѣ, и въ Ошанѣ по обѣ жѣ стороны съ устья и до вершинъ^{*)}). На этотъ разъ Строгановы приобрѣли земли 586382 десятины 634 квадр. саж. („Таблицы“ *Θ. А. Волкова*, № 1).

Но и этимъ они не удовольствовались: 15 сентября 1615 года Андрей и Петръ Семеновичи Стругановы получаютъ опять жалованную грамоту на прибавочныя земли отъ р. Ошапа внизъ по Камѣ до рѣчки Тулвы**), что повыше Осиинской или Никольской слободы (нынѣ городъ Оса), принадлежавшей тогда уже къ обширному Казанскому „уѣзду“. По теченію Камы Стругановы получили земли на 35 верстъ, конечно, со всѣми рѣчками на этомъ протяженіи, или 163280 десятинъ 916 квадр. саж. („Таблица“ № 1). Въ этихъ предѣлахъ засталъ Стругановскія вотчины второй писецъ Михаилъ Кайсаровъ въ 162³/₄ г.г.

Не указывая въ подробностяхъ дальнѣйшихъ поземельныхъ приобретений Стругановыхъ въ Великой Перми, замѣтимъ только, что съ теченіемъ времени большая часть Отхожаго района Пермскаго-Чердынскаго уѣзда и нѣкоторая часть Соликамскаго постепенно перешла въ полную собственность Стругановыхъ. По грамотѣ 1685 года Григорій Дмитріевичъ Стругановъ получилъ въ Чердынскомъ уѣздѣ во владѣніе рѣку Весляну, лѣвый притокъ Камы, съ ея притоками,

*) Эта грамота вполнѣ не была напечатана, но имѣется у меня въ рукописи, которой я и пользуюсь. Въ I томѣ «Пермской Лѣтописи» Шишонко напечатано извлеченіе изъ нея (см. стр. 120—121).

**) Содержаніе грамоты 1615 г., извлеченное изъ позднѣйшей грамоты 1692 г., напечатано во II томѣ «Пермск. Лѣтоп.» (стр. 61), а обширная грамота отъ 25 іюля 1692 г. цѣликомъ напечатана Устряловымъ въ книгѣ «Именитые люди Стругановы». СПб. 1842 г.

или 604211 десят. 2285 кв. саж. Въ 1688 году онъ же получилъ грамоту, которой *утверждались* его права на рѣку Яйву. По грамотѣ 1694 г. сентября 29 онъ же получилъ Чердынскую рѣку Лологъ, лѣвый притокъ Косы, съ ея притоками, или 254741 десят. 842 кв. саж. земли. Въ 1697 г. февраля 12 онъ же получилъ первую грамоту на Ленвенскіе промысла, *отобранные* отъ Шустова и Филатьевыхъ. Въ счастливѣйшемъ для Строгановыхъ 1700 г. іюля 1-го состоялся именной указъ Петра В. *объ утвержденіи* за тѣмъ же Григоріемъ Дмитріевичемъ пожалованныхъ по Обвѣ, Инвѣ и Косвѣ *погостовъ*, съ чѣмъ вмѣстѣ отошло къ нему 14003 человекъ муж. пола казенныхъ людей. Въ 1701 г. іюля 11 тотъ же Строгановъ получилъ грамоту на полное владѣніе Зырянскими соляными промыслами, селомъ Григоровымъ и островомъ Толстинскимъ на Камѣ. Наконецъ 1702 г. мая 22 ему же пожалована вторичная и окончательная грамота на Обвенскіе, Инвенскіе и Косвенскіе погосты и село Ростесское*). Вотъ какъ облагодѣтельствовалъ Петръ Великій своего „именитаго“ подданнаго въ Перми Великой! Послѣ Іоанна Грознаго Строгановы никогда не получали столь щедрыхъ, по истинѣ безпримѣрныхъ, монаршихъ милостей. Въ этихъ щедротахъ правительство зашло такъ далеко, что впослѣдствіи, въ концѣ XVIII и въ XIX вѣкѣ, *убѣдившись въ своей ошибкѣ, оно само вынуждено было вести со Строгановыми, въ интересахъ казны, продолжительные и сложные земельные процессы.* Мыслимо-ли было тутъ тягаться съ такимъ всесильнымъ землевладѣльцемъ, какъ Григорій Дмитріевъ Строгановъ, мелкимъ Чердынскимъ и Усольскимъ людямъ, хотя послѣдніе и предъявляли при поземельныхъ тяжбахъ свои законныя права на давно занятія земли? При такихъ условіяхъ *первоначальный* способъ утвержденія Строгановыхъ на чужихъ нерѣдко земляхъ становится не трудно

*) См. изданную мною «Усольскую лѣтопись» и «Историко-статистическія таблицы О. А. Волгова.

объяснимымъ. Это была цѣлая эпопея въ исторіи землевладѣнія въ Пермѣ Великой.

Прослѣдивъ хронологически постепенный ростъ Строгановскаго землевладѣнія въ Пермѣ Великой, указавъ границы ихъ вотчинъ въ разное время и между прочимъ при Яхонтовѣ (1579 г.) и Кайсаровѣ (162^{3/4} г.г.), мы должны теперь обратиться къ детальному разсмотрѣнію *особыхъ* писцовыхъ книгъ того и другаго по Строгановскимъ вотчинамъ, какъ сдѣлали это выше въ отношеніи Чердынскаго и Усольскаго уѣздовъ; но здѣсь мы считаемъ необходимою еще одну предварительную оговорку.

Строгановы явились дѣятельными колонизаторами пожалованныхъ имъ земель „пустыхъ, ненаселенныхъ“, какими представляютъ ихъ намъ царскія грамоты XVI в. и писцовая книга Яхонтова 1579 г. Населеніе этихъ земель до появленія Строгановыхъ было слишкомъ не достаточное, не соразмѣрное съ обширностью пространства. Между тѣмъ въ „Соликамскомъ лѣтописцѣ“, напечатанномъ въ „Путешествіи“ *Берха*, есть извѣстіе, будто въ „1563 году по указу великаго государя отдано именитому человѣку Григорью Строганову крестьянъ Соликамскихъ, Обвинскихъ и Косвенскихъ 2322 двора во владѣніе“ (см. стр. 203). Это сообщеніе лѣтописи рѣшительно противорѣчитъ всѣмъ другимъ историческимъ источникамъ Пермскаго края и въ томъ числѣ самому достовѣрному—писцовой книгѣ Яхонтова, которая во всемъ Соликамскомъ уѣздѣ, на всей Обвѣ и Инвѣ не насчитываетъ такого количества дворовъ во второй половинѣ XVI вѣка. Мы видѣли, что Яхонтовъ показываетъ въ Соликамскѣ 352 двора, во всемъ Усольскомъ уѣздѣ—144 двора и во всемъ Отхожемъ районѣ Чердынскаго уѣзда 178 дворовъ; и людей: въ Соликамскѣ 406 чел. муж. п., въ его уѣздѣ 205 чел., въ отхожихъ Чердынскихъ дворахъ 232 чел. Даже при Кайсаровѣ во всемъ городѣ и уѣздѣ Соликамска было, какъ мы

Вологод.

изъ того, что источники по исторіи Строгановыхъ упоминаютъ въ числѣ вотчинныхъ людей ихъ множество припелдцевъ изъ другихъ русскихъ земель. Такъ писцовая книга Кайсарова по Строгановскимъ вотчинамъ упоминаетъ Устюжанъ, Вятчанъ, Верхокамцевъ, Кайгородцевъ, Южанъ, Двинянъ, Пинежанъ, Вычегжанъ, Вологжанъ, Бѣлозерцевъ, Галичанъ, Угличанъ, Каргопольцевъ, Поморцевъ, Москвичей, Владимірцевъ, Калужанъ и т. п. — даже инородцевъ Вогуловъ, Югричей, Мордву, Зырянъ, Татаръ; въ числѣ поселенцевъ въ вотчинахъ Строгановыхъ упоминаются бѣглые солдаты. Вообще населеніе это представляло собою сбродъ всякаго люда, въ тѣ времена нерѣдко бѣжавшаго на Уралъ изъ внутренней Россіи отъ всякихъ „насилствъ“ *).

Теперь обратимся уже къ Яхонтову. Писцовая книга его по вотчинамъ Строгановыхъ, какъ мы говорили, была когда-то въ рукахъ *Θ. А. Волегова*, который воспользовался ею для своихъ „Историко-статистическихъ таблицъ по имѣніямъ Строгановыхъ“ и для другихъ трудовъ; но хранится ли она теперь въ одномъ изъ архивовъ Строгановыхъ, или уже утрачена (Ново-Усольскій архивъ въ 1842 г. сильно пострадалъ отъ пожара) — намъ не извѣстно. Но содержаніе этой книги 1579 года подробно повторяется въ грамотѣ 1692 г., напечатанной въ монографіи *Устрялова* о Строгановыхъ, каковымъ извлеченіемъ грамоты мы теперь и воспользуемся.

Великопермскія вотчины Строгановыхъ при первой церениси простирались отъ р. Лысвы внизъ по Камѣ до рѣки Ласвы и кромѣ того по Чусовой и Сылвѣ до Остяцкихъ улусовъ. На давно оставленныхъ загадочной Чудью земляхъ, мѣстами покрытыхъ дремучими, „черными“ лѣсами, среди кото-

*) Въ XVIII в., съ усиленіемъ крѣпостнаго права и съ появленіемъ на земляхъ Строгановыхъ горныхъ заводовъ, началось обратное движеніе: люди, преимущественно заводскіе, многими тысячами стали бѣжать отъ Строгановыхъ въ Сибирь и другія мѣстности, обѣщавшія приволье или по крайней мѣрѣ нѣкоторое облегченіе отъ крѣпостнаго гнета.

рыхъ лишь кое-гдѣ народная память сохранила древнія не-славянскія названія городищъ и разныхъ урочищъ, перешедшія и въ писцовыя книги,—съ XV вѣка или ранѣе появляется новый слой населенія, новая народность русская. Со времени утвержденія Строгановыхъ на берегахъ верхней и средней Камы, русскій элементъ въ этомъ краѣ сталъ прибывать особенно быстро. Въ виду безпокойнаго и, какъ мы видѣли, очень близкаго сосѣдства съ Вогулами и Остяками, народами довольно воинственными въ то время, Строгановымъ приходилось снабжать крѣпостью и боевымъ вооруженіемъ каждое, вновь основанное, болѣе или менѣе значительное поселеніе, особенно пограничное. Подъ условіемъ „обереженія“ русскихъ людей отъ воинственныхъ сосѣдей они получали и самыя земли. Вотъ почему основанныя Строгановыми слободы часто назывались *городками* и *острожками*. При Ихонтовѣ въ вотчинахъ Строгановыхъ было четыре слободы съ особымъ округомъ при каждой: слобода *Орель-городокъ*, слобода *Чусовая*, сл. *Сылва* и сл. *Яйва*. Слѣдовательно, по внутреннему управленію *всѣ Великопермскія вотчины раздѣлены были въ то время на 4 части*. Изъ нихъ Орель-городокъ съ своимъ округомъ или, по выраженію Ихонтова, „уѣздомъ“ принадлежалъ тогда Никитѣ Пригорьевичу, а слободы Чусовая, Сылва и Яйва—Семену Аникіевичу и Максиму Яковлевичу Строгановымъ. Въ виду этой раздвоенности владѣнія, четыре упомянутыя „уѣзда“ въ свою очередь соединялись въ два главные округа—Орловскій и Чусовской съ особымъ центромъ управленія въ каждомъ. Эти главные округа впослѣдствіи въ вотчинахъ Строгановыхъ получили особенное названіе *приказовъ* или *присудовъ Орловскаго и Чусовскаго* *).

*) Въ грамотахъ Іоанна IV отъ 2 января 1564 г., отъ 25 марта 1568 г. и отъ 6 августа 1572 г. Орель-городокъ просто называется *Слободой* и *Слободкой на Камѣ* (Дополн. къ Акт. Историч. I, 168—176); отсюда и самый Орловскій уѣздъ изрядка назывался *Слободскимъ*, а по владѣтелю—*Никитинской вотчиной*; старинное же чудское или пермяцкое поселеніе на этомъ жѣстѣ именовалось *Кериданъ*, каковое названіе и при Строгановыхъ иногда присвоивалось Орлу-городку.

всегда славились, какъ хорошіе организаторы управленія въ своихъ обширныхъ вотчинахъ.

Изъ Строгановскихъ же земель возникъ постепенно независимый по управленію округъ владѣній Пыскорскаго монастыря. Какъ замѣчено нами выше, этотъ монастырь основанъ Строгановыми въ 1558—1560 г.г. Первоначально онъ построенъ былъ подъ горою, на устьѣ рѣчки Нижней Пыскорки, въ одной верстѣ отъ стариннаго чудскаго или пермяцкаго поселенія *Каморта* или *Канкора*, находившагося на сосѣдней высокой горѣ *). Чрезъ 10 лѣтъ, въ 1570 г., монастырь перевели въ самый Канкоръ, а на старомъ мѣстѣ осталась только церковь Преображенія, отъ которой и самый монастырь называли *Спасо-Преображенскимъ* или просто *Спасскимъ* **). Есть извѣстіе, что еще до 1558 года, когда эти земли отданы были Григорію Аникіеву Строганову, на Пыскорѣ было уже положено первое начало обители какими-то пустынножителями-иноками; но они не имѣли храма, ни земли и жили, вѣроятно, подаваніями или добровольными приношеніями. Отецъ Строгановыхъ, Аникій Ѳеодоровичъ, пожалованный землями отъ Іоанна IV, пожелалъ основать здѣсь настоящій монастырь, при немъ храмъ и келліи для братіи и съ этою цѣлью пожертвовалъ обители изъ дарованныхъ вотчинъ ближайшія къ Пыскору земли. Предъ смертію онъ даже самъ постригся здѣсь подъ именемъ Іоасафа, но удалился затѣмъ въ Сольвычегодскъ, на прежнее мѣсто жительства, завѣщавъ своимъ сыновьямъ не оставлять своимъ попеченіемъ основанной имъ обители ***).

*) Канкоръ стоялъ на Верхней Пыскоркѣ, которая отъ него иначе называлась Каноркою.

**) Въ XVII вѣкѣ на старомъ монастырскомъ мѣстѣ въ Пыскорѣ возлѣ церкви Преображенія вновь возникъ *Введенскій подворный женскій монастырь*.

***) По исторіи Пыскорскаго монастыря есть прекрасное изслѣдованіе священ. *Ипполита Словова*: «Пыскорскій Преображенскій ставропигіальный 2 класса монастырь». Пермь. 1869 г. Первоначально напечатано было въ «Пермскихъ Епархіальн.

кѣевичи свято исполнили волю отца: по переведеніи монастыря съ Нижней Пыскорки въ Верхнюю, въ самый Канкорѣ, они построили новый храмъ Благовѣщенія и 2 марта 1570 года дали настоятелю Пыскорскаго монастыря Варлааму „*поступное письмо*“ на земли въ пользу братіи (сверхъ дарованныхъ ихъ отцомъ). „А межа нашему данью, писали братья,— по Камѣ по правую сторону отъ Лысы внизъ до нижней Пыскорской курьи, а по лѣвую сторону по Камѣ внизъ до Зырянки, а ниже Зырянки по Камѣ въ нашъ правожъ монастырю дѣла нѣтъ..... Да мы же послали въ домъ Благовѣннаго Преображенія и Пречистыя Рождеству сто рублевъ денегъ *)“.

Самый городокъ Камгорѣ или Канкорѣ Строгановы обнесли крѣпостью, въ которой держали „пушкарей и затинщиковъ, и пищальниковъ, и воротниковъ“, какъ было и въ друиыхъ ихъ „городкахъ“. По словамъ древнихъ грамотъ, это дѣлалось „для береженья отъ Нагайскихъ людей и отъ иныхъ ордь“ (грамота 1564 г.), подъ которыми нужно разумѣть въ данномъ случаѣ ближайшихъ сосѣдей Вогуловъ и Остяковъ. Воинскіе люди въ Канкорѣ содержались, по словамъ той же грамоты 1564 г., „собою“, т. е. на собственный счетъ Строгановыхъ. Къ сожалѣнію, древняя царская грамота на построеніе укрѣпленія въ Канкорѣ, а равно и самаго монастыря—не сохранилась. „*Поступное письмо*“ 1570 г. есть самый древній документъ Пыскорскаго монастыря, почему и было напечатано уже не однажды **). Самый же Канкорѣ во всякомъ случаѣ былъ первымъ укрѣпленіемъ, построеннымъ

Вѣдомостяхъ» 1867 г. №№ 12—15, 21, 24, 25, 27 и 28. Много свѣдѣній о монастырѣ и въ упомянутой выше книгѣ Пяткова: «Горный городъ Дедюхиинъ». СПб. 1864 г.

*) *Поступное письмо* вполне напечатано въ книгѣ свящ. Словцова (тамъ см. стр. 6). Въ виду рѣдкости этой книги, мы перепечатаваемъ его въ приложеніяхъ къ I выпуску.

**) Еще раньше свящ. Словцова «Поступное письмо» дважды было напечатано въ «Пермск. Губ. Вѣдом.» (1857 г. № 23 и 1865 г. № 34), которыхъ теперь также нельзя достать даже на жѣстѣ изданія, въ г. Перми.

Строгановыми въ ихъ Великопермскихъ вотчинахъ еще раньше Ора-городка, какъ это ясно видно изъ грамоты 1564 г.

Въ отношеніи судебно-административномъ Преображенскій монастырь съ его землями и людьми, подобно вотчинамъ Строгановыхъ, былъ независимъ отъ государевыхъ намѣстниковъ и воеводъ. Онъ былъ *ставропигиальнымъ*, т. е. непосредственно зависѣвшимъ отъ Московскихъ и вмѣстѣ Всероссийскихъ митрополитовъ, а съ 1589 г. — патріарховъ. Эта первоначальная ставропигія продолжалась около 100 лѣтъ, до подчиненія Великопермской епархіи Вятскимъ архіереямъ въ 1658 г. (дотолѣ она подчинена была епископамъ Вологодскимъ). Но и послѣ того архимандритъ Пыскорскаго монастыря былъ какъ-бы викаріемъ епископа Вятскаго: ему обыкновенно поручалось смотрѣніе за церквами Соликамска, его уѣзда и всѣхъ вотчинъ Строгановыхъ. Въ отношеніи гражданскаго управленія монастырь также обладалъ исключительными правами. Многими грамотами государей ему даровано было право беспошлинной торговли солью, которая вываривалась на его собственныхъ варницахъ, даровано право самостоятельнаго суда и расправы въ его вотчинахъ, безъ вмѣшательства воеводъ и т. д. *).

Таково было начало и управленіе Строгановскихъ и Пыскорскихъ вотчинъ въ Пермь Великой. Тѣ и другія по управленію составляли какъ-бы особые самостоятельные уѣзды, равносильные Пермскому — Чердынскому и Усольскому. Предѣлы монастырскихъ вотчинъ мы указали на основаніи „поступнаго письма“ 1570 года. Теперь прослѣдимъ подробно границы Строгановскихъ вотчинъ по писцовой книгѣ Яхонтова съ указаніемъ главнѣйшихъ населенныхъ мѣстъ.

*) Подробнѣе объ этомъ въ книгѣ свящ. Словцова: «Пыскорскій монастырь», Пермь, 1869 г., стр. 39—42. У Берха напечатана, а Словцовымъ переиздана «Тарханная грамота» Пыскорскому монастырю царя Михаила Феодоровича отъ 28 августа 1627 г., подробно опредѣляющая права и привилегіи монастыря (Берхъ, 165—171).

1. Слобода *Орелъ-городокъ*, подобно Камгорту или Канкору, построена была на мѣстѣ древняго чудскаго или пермяцкаго поселенія, именовавшагося *Кергеданомъ*, каковымъ именемъ въ первое время по основаніи перѣдко и назывался Орелъ. Слобода построена была на правомъ берегу Камы, какъ разъ противъ новаго устья р. Яйвы, по грамотѣ Іоанна IV отъ 2 января 1564 г., на которую мы уже многократно ссылались. Подобно Камгорту, Кергеданъ былъ укрѣпленъ въ виду возможности нападенія беспокойныхъ сосѣдей. Въ грамотѣ 1564 г. сказано такъ: „и язъ царь и великій князь.... велѣлъ еси.... ниже того новаго городка Камгора, что онъ (Григорій Аникіевичъ) поставилъ, по Камъ жъ двадцать верстъ, на Орлѣ, на наволокъ, и росолу, другой городокъ собою жъ поставити, стѣны сажень по тридцать, а съ приступную сторону для пизи и къ варницамъ ближе въ глины мѣсто каменемъ закласти, а пищальники и сторожи для береженія и на томъ другомъ городкѣ собою жъ дръжати, а въ обѣихъ городкахъ велѣлъ еси ему собою жъ нарядъ скорострѣльной, пушечки и пищали затинные и ручницы сдѣлати незаписнымъ мастеромъ, которыхъ собѣ Григорей приговоритъ изъ найму, и у себя Григорью тотъ нарядъ дръжати“ *).

„А уѣзду къ слободѣ къ Орлу, говоритъ Яхонтовъ, отъ рѣки Камы вверхъ по рѣкѣ Яйвѣ Чердынскаго уѣзда (разумѣется Отхожій его районъ) до деревни Романовы, до Чешорскаго городища, двадцать верстъ; да отъ слободы Орла до рѣки Искорки до межи Снаесскаго монастыря вверхъ рѣкою Камою четырнадцать верстъ; отъ слободы жъ Орла внизъ по Камѣ до Карышева острова сорокъ верстъ, а Карышева острова Никитѣ Строганову треть; да отъ рѣки Камы вверхъ рѣкою Кондасомъ и до вершинъ“ **).

*) «Дополненія къ Актамъ Историческимъ», т. I, стр. 171.

**) Извлеченіе изъ грамоты 1692 г., напечатанной въ книгѣ Устрялова: «Известные люди Строгановы». СПб., 1842 г., стр. 41—42. Р. Кондасъ впадаетъ въ Каму

было только 3 деревни и 4 починка, папшенной земли 384 четей, лѣсу папшеннаго 118 десятинъ, сѣна 4180 копенъ, оброку и пошлинъ въ казну со всей этой части Яхонтовымъ положено было 97 рублей на годъ *). Самый Кергеданъ или Орелъ городокъ имѣлъ 90 дворовъ крестьянскихъ и пашальничьихъ, одну церковь и нѣсколько соляныхъ варницъ. Число дворовъ въ уѣздѣ, а равно и количество населенія въ Орлѣ съ его уѣздомъ не показано въ копіи съ книги Яхонтова, которою пользовался *Θ. А. Волеговъ* (см. его „Таблицы“ № 2).

2. Слободка *Яйва*, ближайшая къ Кергедану и Камгорту, стояла близъ устья рѣчки Усолки, впадающей въ Яйву съ лѣвой стороны (нынѣ это—село Яйвенское). Свѣдѣній о ея построеніи не сохранилось. „А уѣзду къ слободѣ Яйвѣ, по указанію Яхонтова, внизъ по рѣкѣ до рѣчки Уньвы (правый притокъ Яйвы) пятьдесятъ верстъ, а отъ слободки Яйвы, усть рѣчки Усолки, вверхъ по рѣкѣ Яйвѣ и до рѣчки Вильвы и до рѣчки Чайвы (лѣвые притоки Яйвы) семьдесятъ верстъ, и въ той межѣ по обѣ стороны рѣки Яйвы рѣчки малыя и озера дикія и лѣсъ Семеновъ да Максимовъ“ (*Устряловъ*, стр. 40). Въ округѣ Яйвенской слободки, по указанію *Θ. А. Волегова*, не было ни одной деревни, а только 3 починка, 399 четей папшенной земли, 112 десятинъ папшеннаго лѣсу и 3869 копенъ сѣна. Оброчныхъ денегъ въ казну Яхонтовымъ положено съ слободъ Чусовой, Сылвы и Яйвы, вмѣстѣ взятыхъ, 144 р. 68 к. Упомянутый притокъ Яйвы, *р. Чаньва*, какъ выше сказано, *служила восточнымъ предѣломъ и самой Черми Великой*.

справа, пониже Орла, противъ стараго устья Яйвы, и въ верхнемъ теченіи раздѣляется на Сѣверный и Полуденный Кондакъ, изъ коихъ послѣдній слѣва принимаетъ въ себя еще Средній Кондакъ.

*) „Таблицы“ *Θ. А. Волегова* № 2. Въ примѣчаніи къ нимъ замѣчено, что подлинная копия *Яхонтова* сюртли изъ 1626 г. изъ Мрскаго, изъ Новгородской четверти. Значитъ, Волеговъ пользовался позднѣйшей копіей этихъ книгъ. Судя по Чердынской книгѣ, въ соху полагалось 64 двора, и каждая соха дѣлилась на чети. Конна сѣна была мѣрою сѣнокоса, равную 240 кв. сажень.

3) Слобода *Чусовая*, что нынѣ село Нижніе Чусовскіе Городки, на рѣкѣ того же имени, на лѣвомъ ея берегу, въ 50 верстахъ (тогдашнихъ 700-саженныхъ) отъ устья, построена по грамотѣ Іоанна Грознаго ютъ 25 марта 1568 года, слѣдовательно, чрезъ 4 года по основаніи крѣпости въ Кергеданѣ или Орлѣ. „И язъ царь и великій князь Иванъ Васильевичъ, говорить грамота, велѣлъ ему (Якову Анкиевичу) на томъ пустомъ мѣстѣ, на Чусовой рѣкѣ, въ тѣхъ же мѣстѣхъ, которые мѣста за ними въ нашей прежней жалованной грамотѣ написаны, у соленого промыслу, гдѣ они нынѣ росолъ нашли, *крѣпости подылати и городокъ поставити, и городской нарядъ скорострѣльной, пущечки и затинные пицали и ручные учинити, и пушкарей и пицальниковъ и кузнецовъ и плотниковъ и воротниковъ устроить и сторожей держати собою для береженья отъ Нависскихъ людей и отъ иныхъ ороу,* и около бы городка у соленого промыслу варницы и дворы ставити” *). Какъ видимъ, порядокъ заведенія новой слободы былъ тотъ же, что при основаніи Канкора и Кергедана (Пыскора и Орла).

„Въ *Перми Великой*, читаемъ затѣмъ у Яхонтова, за Семеномъ да за Максимомъ Строгановыми *слобода Чусовая* на рѣкѣ на Чусовой, а въ слободѣ остроу; а къ слободѣ Чусовой 5 деревень, 16 починковъ опричь церковнаго починка“ (*Устреловъ*, 37). По-видимому, Чусовской округъ былъ наиболѣе населенный; за то онъ былъ и обширнѣе другихъ. „А уѣзду къ слободѣ къ Чусовой, продолжаетъ Яхонтовъ, отъ межи Никиты Строганова, отъ Орла слободы, отъ Карышева острова внизъ рѣкою Камою до усть Чусовья рѣки 80 верстъ, а отъ усть Чусовья рѣки внизъ по Камѣ рѣкѣ до рѣчки Ласвы двадцать верстъ; а отъ Камы рѣки Чусовою рѣкою вверхъ до усть рѣки Сылвы десять верстъ; а отъ усть рѣки Сылвы вверхъ Чусовою рѣкою до слободы Чусовья сорокъ верстъ; а отъ слободы Чусовья вверхъ по рѣкѣ Чу-

*) «Дополн. къ Актамъ Историч.», т. I, стр. 173.

совой до деревни до Кадина лугу союжъ верстѣ, а отъ Кадина лугу *вверхъ по Чусовой до Воульскихъ улуговъ и до Утки рѣки* (верхней). И въ той межѣ по обѣ стороны тѣхъ рѣкъ береги пустые и острова и рѣчки, которые пали въ рѣку Каму и въ Чусовую, *отъ устья и до вершинъ*, и озера лѣшія съ истоки, и лѣсы дикіе Семеновы да Максимовы. А Карышева острова Семену да Максиму двѣ трети“ (*Устряловъ*, стр. 38). По таблицамъ *Волкова*, пашенной земли въ Чусовскомъ округѣ было 699 четей, пашеннаго лѣсу 225 десятинъ, сѣна 4895 копенъ. Число дворовъ и людей не показано, какъ и въ другихъ округахъ. *За правымъ притокомъ Чусовой, рѣкой Койвой, начинались уже поселенія Воульцовъ*. Верховье Чусовой отъ ея истока до упомянутой рѣки Утки составляло западный предѣлъ Верхотурскаго уѣзда, такъ называемую Чусовскую его волость *).

4) Слобода *Сылва*, что нынѣ село Троицкое, на рѣкѣ того же имени, въ 20 верстахъ отъ ея устья, по тогдашнему счисленію. Грамота о построеніи ея не сохранилась. Въ 1579 году округъ Сылвенскій заключалъ въ себѣ 3 деревни, 5 починковъ, 1 мельницу, 2847 четей пашенной земли, 222 десятины „пашеннаго лѣсу“, 4725 копенъ сѣна. „А уѣзду къ слободѣ Сылвѣ отъ рѣки Чусовыя рѣкою Сылвою вверхъ до острогу двадцать верстѣ, а отъ острогу вверхъ рѣкою же Сылвою до деревни Верхолузыя десять верстѣ, а отъ деревни *Верхолузыя до Остянскихъ улуговъ*. И въ той межѣ по обѣ стороны рѣки Сылвы береги и острова пустые и рѣчки, которые впали въ Сылву, *и до вершинъ*, и озера лѣшіе съ истоки, и *лѣса дикіе* Семеновы да Максимовы“ (*Устряловъ*, стр. 39).

„*Всею въ Пермѣ Великой, заключаетъ Ихонтовъ, за Семеновъ и Максимомъ 3 слободы, а къ слободамъ 8 деревень,*

*) Доказательство см. въ грамотѣ отъ 19 августа 1622 года изъ Москвы на Верхотурье тамошнимъ воеводамъ Пушкину и Зубову въ «Актахъ Историческихъ», т. III, стр. 165—166.

24 починка, въ нисѣ 113 дворовъ крестьянскихъ" (тамъ же, стр. 40). Число людей не извѣстно, пашенной земли 3945 четей, пашеннаго лѣсу 559 десятинъ, сѣна 13489 копенъ, оброку и пошлинъ въ казну 144 р. 68 к. А включая сюда часть Никиты Григорьевича, т. е. Орловскій округъ, получимъ для всѣхъ Великопермскихъ вотчинъ Строгановыхъ слѣдующія цифры: въ 1579 г. было 4 слободы, 11 деревень, 28 починковъ, 352 двора, 406 душъ муж. пола, 1 мельница, 4329 четей пашенной земли, 677 десятинъ пашеннаго лѣсу, 17669 копенъ сѣна, 241 р. 68 к. оброковъ и пошлинъ въ казну („Таблицы“ *О. А. Вологова*, № 2).

Вотъ самыя точныя границы Строгановскихъ вотчинъ, какими онѣ были при составленіи *первой* писцовой книги Яхонтова. Теперь для насъ сталъ уже ясенъ южный предѣлъ Перми Великой. Онъ лежалъ тамъ, гдѣ кончалась область древняго пермячко-зырянскаго населенія и начинались поселенія угорскихъ народовъ — Вогуловъ и Остяковъ. *Лѣвый притокъ р. Чусовой, рѣка Утка, и среднее теченіе р. Сылвы и ея притоковъ составляли южную географическую и вмѣстѣ этнографическую границу Перми Великой и Юры. Отъ Сылвы же граница шла къ сѣверо-западу, пересѣкая среднюю Каму* повыше слободы Осы Казанскаго уѣзда, *линіей къ истокамъ Камы, идъ сѣверный камскій плесъ, приблизительно до нынѣшняго села, бывшаго городомъ, Кая составляла такую же естественную западную границу Перми Великой, о которой* подробно мы говорили раньше. Къ западу отъ верхней Камы, имѣющей теченіе съ юга на сѣверъ, лежалъ Вятскій край, какъ особая страна, особое географическое цѣлое, съ своимъ Вотскимъ (Вотяцкимъ) населеніемъ, своимъ управленіемъ, вообще съ своимъ историческимъ прошлымъ. *Такимъ образомъ Вятка, Пермь Великая, Юра были тогда три отдѣльные, рѣзко очерченные географически, этнографически и политически, края. Не то мы должны сказать объ отношеніи Перми Великой къ Перми Вычегодской: въ силу совершенно одина-*

коваго зырянско-пермяцкаго населенія*), исторія этихъ странъ сближалась тѣснѣе, и историческіе источники, естественно, не проводили между ними столь рѣзкой географической грани. Но сколько мы могли прослѣдить на пространствѣ нѣсколькихъ столѣтій, наименование *Пермь Великая* не прилагалось въ старину къ бассейну Вычегды, какъ утверждаетъ это и превосходный знатокъ мѣстной исторіи Вологодскаго края, г. *Лыткинъ*.

Въ подтвержденіе всего сказаннаго намъ остается еще сопоставить показанія Яхонтова по Строгановскимъ и Пыскорскимъ вотчинамъ съ таковыми же Кайсарова, какъ вездѣ сдѣлано это нами раньше, и затѣмъ положить предѣлъ нашему изслѣдованію во избѣжаніе дальнѣйшихъ повтореній. Позднѣйшія переписныя книги въ вопросѣ о границахъ Пермь Великой въ сущности повторяютъ сказанное первыми двумя писцами, а новыя свѣдѣнія сообщаютъ преимущественно въ отношеніи количества пахотной и сѣнокосной земли и людей, что въ настоящемъ изслѣдованіи имѣетъ для насъ второстепенное значеніе.

Къ счастью, писцовая книга Кайсарова 162³/₄ г.г. по обширнымъ вотчинамъ Строгановыхъ открыта нами въ частныхъ рукахъ въ Соликамскѣ въ прекрасной рукописи, вмѣстѣ съ копіей переписныхъ книгъ по тѣмъ же вотчинамъ воеводы Прокопія Кузмича Елизарова 1647 г. Обѣ рукописи относятся къ 1850 годамъ, но скопированы съ древнихъ книгъ весьма тщательно, подъ личнымъ наблюденіемъ извѣстнаго знатока исторіи Строгановыхъ, *Θ. А. Волегова*. Тѣ и другія книги мы напечатаетъ въ подлинникѣ въ приложеніяхъ къ слѣдующимъ выпускамъ „Пермской Старины“, если суждено будетъ мнѣ продолжать это изданіе.

*) Пермь и Зыряне—одинъ народъ, Вотьяки—другой, близко родственныи имъ, народъ.

Вотчины Пысковского монастыря въ 1623—1624 г.г. оставались въ тѣхъ же границахъ, какія были въ 1579 г., почему Кайсаровъ, говоря о нихъ, прямо ссылается на Яхонтова. „А межа того Спаского Пысковского монастыря вотчинѣ, пишеть онъ, города Камского Усоля со крестьяны по сошной съ книгъ Ивана Яхонтова да подъячаго Третьяка Карпова 87 году отъ рѣки отъ Камы рѣчкою Лыскою вверхъ до Лывинскихъ росохъ *), направѣ пожни и лѣсъ Камского Усоля крестьянъ, а по лѣвую сторону рѣчки Лысвы до росохъ (идя вверхъ, слѣдоват. по *правую* сторону Лысвы) пожни и лѣсъ монастырской; а отъ рѣчки Лысвы внизъ по рѣкѣ по Камѣ, по *правую* сторону до рѣчки до Нижніе Пыскорки берегъ и пожни и лѣсъ монастырской же; а по лѣвую сторону Камы рѣки межа Спаского монастыря съ Усольскими крестьяны отъ верхнева конца Чапкина озера, *отъ Чудского селѣща*, прорывомъ къ Камѣ рѣкѣ, по концѣ Березового острова, нижняго конца до Зокзина островка: на правой сторонѣ пожни и лѣсъ Камского Усоля крестьянъ, а по лѣвой сторонѣ внизъ по Камѣ, *до усть рѣчки Зырянки*, озеро Чапкино и пожни, и лѣсъ, и всякія угоды монастырскіе; а отъ устья рѣчки Зырянки вверхъ по обѣ стороны рѣчки Зырянки до трехъ гранныхъ елей пожни монастырскіе“ **).

Монастырь Преображенскій стоялъ на землѣ Строгановыхъ, которую оберегать отъ нападений сосѣднихъ инородцевъ они обязаны были и послѣ дарованія означенныхъ вотчинъ монастырю въ 1570 году. Этимъ объясняется, почему въ писцовыя книги Строгановскихъ вотчинъ Кайсаровъ внести и полное описаніе какъ монастыря, такъ и всѣхъ его владѣній „даній“ Аники Строганова и его сыновей. Не смотря на отдѣльное управленіе, существовавшее, какъ мы видѣли,

*) Росохами называлось мѣсто соединенія притока съ своею рѣкою. Слово это въ тѣхъ мѣстахъ употребляется и сейчасъ.

**) Рукописная Строгановская писцовая книга Кайсарова, открытая мною въ Великажемѣ, стр. 230—231. То же самое слово въ слово повторяется и въ Усольской книгѣ Кайсарова. См. оттискъ ея 1872 г., стр. 59.

въ монастырскихъ вотчинахъ. Кайсаровъ относитъ послѣдній въ Орловскому уѣзду, по ихъ географическому положенію. „Да ниже Перми жъ Великія (т. е. Чердыни) въ Орловскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ на Камѣ, на устьѣ рѣчки Пысکورки, на Строгановыхъ землѣхъ монастырь Спасской, а въ немъ храмъ Преображенія“.....*). Безъ сомнѣнія, монастырь имѣлъ свои особыя писцовыя книги Кайсарова, до насъ не дошедшія, но содержаніе ихъ настолько подробно повторяется въ Строгановской книгѣ того же писца, теперь найденной, что мы въ сущности потеряли очень немного.

Кромѣ деревянной церкви Преображенія Кайсаровъ описываетъ въ монастырѣ еще другой деревянный теплый храмъ Благовѣщенія и храмъ Іоанна Богослова подъ колокольнею; упоминаетъ 18 келлій, въ нихъ 50 человекъ братіи; затѣмъ указываетъ дѣвичій монастырь на Пыскорѣ съ церковью Зосимы и Савватія Соловецкихъ, 9 келліями и 4 дворами церковными. „А монастыри, прибавляетъ Кайсаровъ, и въ монастырѣхъ всякое церковное строенье Строгановыхъ“...*). Въ Строгановской писцовой книгѣ Ихонтова, судя по „Таблицамъ“ Волегова, о монастырѣ не было сдѣлано повторенія, конечно, потому, что монастырь имѣлъ уже особыя писцовыя книги. Книги Кайсарова вообще гораздо подробнѣе и обстоятельнѣе.

Около монастыря, на берегу Камы Кайсаровъ указываетъ монастырскую слободку (Пыскоръ—нынѣ село), а въ ней 1 дворъ монастырскій, да дворъ „монастырскихъ служекъ“, да дворъ дьячковъ, да 20 дворовъ безпашенныхъ крестьянъ, да дворъ бобыльскій, а людей въ нихъ столько же, да дворъ пустой, да три мѣста дворовыхъ. (Рукопись, стр. 222). Къ этой монастырской слободкѣ Пыскоръ Кайсаровъ относитъ деревню (что былъ починокъ) Новинку, 10 починокъ: Лысу на устьѣ рѣки того же имени, Верхокамцовъ на

*) Рукопись Строган. книги Кайсарова, стр. 214.

**) Рукопись, стр. 220.

Камѣ, Микулинѣ на той же рѣкѣ и другіе; одну „пустошь“, что былъ починокъ Верхній на р. Камѣ; островъ Побойщій на устьѣ рѣчки Зырянки съ одной монастырской варницей, да варницу на рѣкѣ Пыскоркѣ и мельницу на рѣкѣ Лысвѣ—а всего въ деревнѣхъ и починкахъ 35 дворовъ пашенныхъ и непашенныхъ крестьянъ, а людей въ нихъ 47 человекъ муж. пола, да 3 двора пустыхъ. „А землю подъ монастырь и подъ слободку и починки, и усольскій дворъ, и пашню, и варницу, и мельницы, и озеро Чашкино дали въ монастырь Яковъ да Григорей да Семенъ Аникиевы дѣти Строгановы“, заключаетъ Михаилъ Кайсаровъ. Помимо того онъ указываетъ „въ Кайгородскомъ уѣздѣ въ погостѣ Волосницкомъ дворъ монастырской купленной, да два анбара—одинъ хлѣбной, другой соляной“ и многія пожни въ разныхъ мѣстахъ, завѣщанныя монастырю и купленные имъ у разныхъ лицъ.

Такимъ образомъ ясно, что Кайсаровъ не дѣлаетъ рѣзкаго различія между вотчинами монастыря и Строгановыхъ, хотя въ дѣйствительности тѣ и другія имѣли свое особенное управленіе. Монастырь, конечно, былъ подчиненъ Строгановымъ, какъ своимъ основателямъ и щедрымъ жертвователямъ, нравственно, но не юридически. Въ послѣднемъ отношеніи онъ съ своими вотчинами составлялъ отдѣльный округъ, какъ показываютъ многочисленные грамоты Пыскорскаго монастыря XVI и XVII вѣковъ*). Да и нравственная подчиненность соблюдалась не всегда.

Строгановскія вотчины въ теченіе 44 лѣтъ, протекавшихъ со времени Яхонтова до Кайсарова, увеличились, какъ мы знаемъ, присоединеніемъ вновь пожалованныхъ земель по р. Камѣ сначала отъ р. Ласвы до Ошапа на 55 верстъ и

*) Собраніе ихъ въ большой рукописной книгѣ, принадлежавшей прежде архиву Дедюхинскаго солянаго правленія, найдено мною въ архивѣ Пермской казенной палаты въ 1885 году.

потомъ внизъ отъ р. Ошана еще на 35 верстъ до р. Тулвы, что выше Осы, а всего по теченію Камы на 90 верстъ, со включеніемъ всѣхъ рѣкъ, впадающихъ на этомъ протяженіи въ Каму. Всѣ вотчины Строгановыхъ при Кайсаровѣ по управленію раздѣлялись на три части: одна принадлежала Андрею и Петру Семеновичамъ, другая Ивану и Максиму Максимовичамъ, третья составляла общее владѣніе всѣхъ четырехъ Строгановыхъ. Число поселеній, дворовъ и людей за 44 года во всѣхъ владѣніяхъ Строгановыхъ значительно увеличилось, а именно: слободъ у Кайсарова показано 9, деревень 72, починковъ 60, дворовъ всѣхъ разрядовъ 1032 и людей 1485 чел. муж. пола, въ томъ числѣ 74 человека монашествующихъ (при Яхонтовѣ было 4 слободы, 11 деревень и 28 починковъ). Впрочемъ въ это число включены Кайсаровымъ и Пыскорскій монастырь. Кромѣ монастырской Пыскорской слободки, уже нигдѣ не называемой въ XVII вѣкѣ Канкоромъ или Камгортомъ, Орла—городка, также не именуемаго болѣе Кергеданомъ, Нижняго Чусовскаго городка, Сылвенскаго и Яйвенскаго острожковъ,—въ теченіе этихъ 44 лѣтъ вновь возникли на земляхъ Строгановыхъ: Чусовской Верхній городокъ, Успенскій монастырь со слободкой на правомъ берегу Чусовой, какъ разъ напротивъ Нижняго Чусовскаго городка, далѣе слободка Новое Усолѣ въ Орловскомъ уѣздѣ, на правомъ берегу Камы, 10 верстами ниже Пыскорской слободки, и Очерскій острожекъ на новопожалованныхъ послѣ Яхонтова земляхъ, нынѣ село въ Оханскомъ уѣздѣ. Приведемъ историческія свѣдѣнія о началѣ этихъ четырехъ новыхъ поселеній въ Пермѣ Великой.

Начало Успенскому монастырю на р. Чусовой положено было извѣстнымъ Пермскимъ и Вятскимъ подвижникомъ—миссіонеромъ, преподобнымъ Трифономъ (жилъ 1543—1613 г.г.) еще во второй половинѣ XVI вѣка, а именно около 1571 года, когда св. Трифонъ прибылъ на р. Чусовую, гдѣ, по сказанію житія, онъ провелъ 9 лѣтъ—съ 1571 до 1580

г., явившись сюда изъ Орла - городка*). Мы видѣли, что на Пыскорѣ начало монашескому житію было положено еще до основанія Строгановыми монастыря въ 1558—60 г.г. То же было и на Чусовой. По уходѣ отсюда препод. Трифона въ 1580 г., въ построенной имъ кельѣ, къ которой присоединилось потомъ нѣсколько новыхъ, постоянно жили впослѣдствіи кавіе-то старцы - отшельники, хотя официально монастырь еще не существовалъ. Въ книгѣ Кайсарова сказано, что монастырь Успенія на Чусовой былъ „*строеніе Ивана да Максима Строгановыхъ*“ (Рукопись, стр. 140), которые были современниками Кайсарова. Успенскій храмъ былъ деревянный, имѣлъ по сосѣдству 5 келій и въ нихъ 23 старца, да 4 кельи для „черныхъ старицъ“. За монастыремъ былъ скотный дворъ и деревня на р. Чусовой съ 5 дворами, да деревня Мысь на Чусовой же съ 2 дворами; сверхъ того за нимъ же состоялъ во владѣніи отхожій починокъ Оглово на Косьвинскомъ ручью. А всего монастырь имѣлъ: 1 слободку, 2 деревни, 1 починокъ, въ нихъ 8 дворовъ крестьянскихъ и 9 человекъ муж. пола.

Въ 1606 году положено было начало Новому Усолью на Камѣ, что нынѣ извѣстное солеварными промысловое село въ Соликамскомъ уѣздѣ**). Мы уже упомянули, что Новоусольская слободка приписана у Кайсарова къ Орловскому уѣзду и не составляла особаго центра вотчиннаго управленія. Впослѣдствіи Новое Усолъе имѣло нѣсколько десятковъ варницъ и сдѣлалось главнымъ средоточіемъ солеваренія во всемъ Соликамскомъ краѣ, затмивъ собою постепенно и самый Орелъ - городокъ, давній ему начало***).

*) „Житіе преподобнаго отца нашего Трифона, Вятскаго чудотворца“, издано подъ редакціей П. Д. Шестакова, отгнискъ изъ „Православнаго Собесѣдника“. Казань. 1868 г., стр. 5.

**) „Усольская лѣтопись О. А. Волегова“, изданіе А. А. Дмитриева. Пермь. 1882 года.

***). Чрезъ 4 года по основаніи Нового Усолья, т. е. въ 1610 году, на лѣвонъ берегу Камы, наискосокъ Нового Усолья, было положено начало солеваренію на р. Лентѣ выходцемъ изъ Балахны Соколовымъ. (Усольская лѣтопись).

Чрезъ 10 лѣтъ по возникновеніи Новоусольской слободки, т. е. въ 1616 г. былъ открытъ соляной промыселъ въ Верхнемъ Чусовскомъ городкѣ на правомъ берегу Чусовой, верстахъ въ 3-хъ отъ Нижняго. (Усольская лѣтопись). Съ его основаніемъ, прежній Чусовской округъ раздѣленъ былъ на два: *Верхне-Чусовской* на правомъ берегу Камы и правомъ же Чусовой и *Нижне-Чусовской* на лѣвомъ берегу Камы и лѣвомъ Чусовой. Подробнѣе объ этомъ раздѣленіи мы скажемъ послѣ, а теперь замѣтимъ, что къ Нижне-Чусовскому округу была отнесена и пожалованная Строгановымъ по грамотѣ отъ 15 сентября 1615 г. земля по Камѣ отъ р. Ошала до р. Тулвы, что повыше Осы, длиною 35 верстъ.

Что касается вновь возникшаго Очерскаго острожка, то начало его нужно отнести ко времени дарованія Строгановымъ земель внизъ отъ р. Ласвы, т. е. къ 1597 году. *Здѣсь возникъ особый Очерскій округъ управленія вотчинами, ситавшійся при Кайсаровѣ въ общемъ владѣніи всѣхъ Строгановыхъ.* Новый округъ составилъ изъ земель, пожалованныхъ Строгановымъ по грамотѣ отъ 7 апрѣля 1597 года. „А по государевѣ царевѣ и великого князи жалованной грамотѣ, пишетъ Кайсаровъ, и по выписи съ книгъ Девятого Змѣева да подъячего Василья Михайлова къ Очерскому городку уѣзду: отъ рѣчки Ласвы по рѣкѣ по Камѣ внизъ по правой сторонѣ до рѣчки до Ошану 55 верстъ, и въ той межѣ въ рѣку въ Каму по обѣ стороны впали рѣчки Сюзьва, да Нытва, да Югъ, да Очеръ, да Ошанъ; и по Камѣ рѣкѣ отъ рѣчки Ласвы внизъ до Ошану по обѣ стороны и иные малые рѣчки дикіе, которые впали въ Ласву, и въ Сюзьву, и въ Югъ, и въ Очеръ, и въ Ошанъ по обѣ стороны отъ устей и до вершинъ, береги и лѣса дикіе, и селища чудскіе, и заросли, и озерка, и истоки, и островки, и наволочки дикіе, которые лежатъ впорозже впускъ—всѣ къ Очерскому острожку“ *). Всего въ новомъ Очерскомъ округѣ Кайсаровъ

*) Рукопись, стр. 205—206.

указываетъ: 9 деревень, 1 починокъ, 7 пустошей (т. е. пустыхъ дворовъ), въ нихъ 32 двора крестьянскихъ, 4 бобыльскихъ, людей 53 чел. муж. пола, да въ семи пустошахъ 40 дворовъ пустыхъ и 5 мѣстъ дворовыхъ. Въ самомъ же Очерѣ Кайсаровъ указываетъ „городокъ деревянной рубленой, у него двой ворота, да двѣ башни глухихъ, а межъ воротъ и башень городень и стоячево острогу по мѣрѣ 129 сажень, а въ городѣ храмъ древянъ клѣтски во имя Срѣтенія“ *). Сверхъ того въ Очерѣ былъ дворъ вотчинниковъ, т. е. господскій, 18 дворовъ крестьянскихъ, 10 дворовъ бобыльскихъ, людей въ нихъ 37 человекъ муж. пола.

Укажемъ подробно границы прочихъ Строгановскихъ округовъ—Орловскаго, двухъ Чусовскихъ, Сылвенскаго и Мйвенскаго при Кайсаровѣ, раздѣливъ всѣ вообще вотчины на три части, согласно съ его писцовою книгою.

1. Въ части Андрея и Петра Семеновичей Строгановыхъ состояли Чусовской Нижній городокъ и Сылвенскій острожекъ съ ихъ округами.

Нижнечусовской округъ, какъ сказано выше, образовался изъ половины прежняго обширнаго Чусовскаго „уѣзда“ вслѣдствіе основанія на р. Чусовой Верхняго городка, къ которому отошла другая половина „уѣзда“. У Кайсарова сказано: „Къ Чусовскому (Нижнему) городку уѣзду рѣкою Камою отъ устья рѣки Чусовые внизъ по лѣвой сторонѣ да Ласвинскаго бору, да рѣкою Чусовою отъ устья вверхъ по правую сторону Чусовые (ѣдучи вверхъ, слѣдовательно, по лѣвую сторону Чусовой)**) до рѣки до Утки, и съ малыми рѣчками, и съ озера, и съ истоки, которые въ той межѣ впади въ рѣку въ Каму и въ Чусовую, съ пашнями, и съ пожнями, и съ лѣсами, и съ рыбными и съ звѣриными ловлями и со

*) Рукопись, стр. 188. Сравнить «Таблицу» Волегова № 3.

**) Рукопись, стр. 39. У Камы Кайсаровъ считаетъ берега по теченію, а у Чусовой—противъ теченія, чѣмъ не мало запутываетъ дѣло.

всякими угоды". Сверхъ того къ Нижнечусовскому округу отнесены были вновь пожалованныя въ 1615 году земли отъ р. Ошана внизъ по обѣ стороны Камы рѣки до рѣки Тулвы, что повыше Осинской или Никольской слободы, на протяженіи 35 верстѣ Эти земли во время Кайсарова въ 162³/₄ г.г. считались въ Казанскомъ уѣздѣ. Сюда относилась поэтому и пустошь Пospѣловская на р. Тулвѣ, и кромѣ того нѣкоторыя пожни въ Усольскомъ уѣздѣ*). Вся площадь нынѣшняго губернскаго города Перми и ближнія села Верхніе и Нижніе Муллы при Кайсаровѣ входили, слѣдовательно, въ составъ Нижнечусовскаго округа.

Центръ окружнаго управленія, Нижній Чусовской городокъ, имѣлъ въ 162³/₄ г.г. крѣпость, Богоявленскую церковь съ двумя придѣлами, храмъ Петра, Алексія и Іоны подъ колокольнею, 30 дворовъ посадскихъ и въ нихъ 45 чел. муж. пола. Въ округѣ состояло: два сельца Камасино и Никольское—первое на Чусовой съ церковью Рождество Богородицкой, другое—съ церковью св. Николая Чудотворца—на рѣчкѣ Муловкѣ, что нынѣ село Верхніе Муллы близъ Перми; затѣмъ 10 деревень, 17 починковъ и 2 пустоши, въ нихъ 13 дворовъ церковныхъ, 6 господскихъ или „вотчинниковыхъ“, 128 крестьянскихъ, 4 пищальничьихъ, 10 бобыльскихъ, 22 пустыхъ, людей 235 чел. муж. пола, а всего съ Нижнимъ городкомъ 200 дворовъ и 280 чел. муж. пола**).

Къ части Андрея и Петра Семеновичей Строгановыхъ относился и Сылвенскій острожекъ и округъ. Въ острожкѣ было укрѣпленіе, Троицкая церковь, отъ которой донынѣ это село называется Троицкимъ (недалеко отъ губерн. города), 2 двора господскихъ, 13 дворовъ крестьянскихъ, 3 пищальниковыхъ, 11 бобыльскихъ, людей 36 чел. м. п. Въ округѣ было: 10 деревень, 4 починка, 2 пустоши, 1 дворъ господскій, 40 дворовъ крестьянскихъ, 20—пищальн. и бобыль-

*) Рукопись, стр. 42—46.

**) Рукопись, стр. 37 и слѣд. Сравнить «Таблицу» Волкова № 3.

скихъ, людей 96 челов. м. пола, а вмѣстѣ съ острожкомъ 132 человѣка. („Таблица“ Волегова № 3 и Рукопись, стр. 50, 61 и др.). При обозначеніи южной границы Сылвенскаго округа Кайсаровъ приводитъ новыя подробности, вслѣдствіе прежней неопредѣленности этой границы, допущенной у Ихонтова. У послѣдняго сказано, что отъ устья Сылвы до острожку 20 верстъ, а отъ острожка вверхъ рѣкою Сылою до деревни Верхолузя, а отъ послѣдней до Остяцкихъ улусовъ. Но сколько тутъ верстъ—у Ихонтова опредѣленно не сказано. Дополняя это мѣсто, Кайсаровъ замѣчаетъ точно: „И всего отъ Сылвенскаго острожку до того Остяцкова до Рожина улусу Сылою рѣкою вверхъ 45 верстъ, а опричь того Остяцкого Рожина улусу къ Строгановыхъ вотчинѣ къ Сылвенскому острожку съ деревнями вверхъ рѣкою Сылою иныхъ Остяцкихъ улусовъ по Сылвѣ рѣкѣ ближе нѣтъ“. (Рукопись, 66—67). Здѣсь необходимо замѣтить, что тотъ же Михаилъ Кайсаровъ въ 1623—24 г.г. составилъ „Кунгурскія писцовыя книги Татаръ и Остяковъ“ и слѣдовательно ближайшимъ образомъ былъ знакомъ съ каждымъ улусомъ*).

2. Въ части Ивана и Максима Максимовичей Строгановыхъ состояли Чусовской Верхній городокъ, Успенскій монастырь на Чусовой и Яивенскій острожекъ, съ соответствующими округами.

Какъ уже сказано, Верхній Чусовской городокъ возникъ въ 1616 году на правомъ берегу Чусовой и къ нему отнесена была по управленію половина прежняго обширнаго Чусовскаго округа, подъ названіемъ Верхнечусовскаго „уѣзда“. При Кайсаровѣ въ городкѣ было небольшое деревянное укрѣпленіе, церковь Николая Чудотворца и другая Іакова Алфѣева подъ колокольной (какъ въ Нижнемъ городкѣ), господскій дворъ, 25 дворовъ посадскихъ и 44 чел. муж. п.,

*) «Кунгурскія писцовыя книги Татаръ и Остяковъ Мих. Кайсарова» напечатаны г. Шишонко въ одномъ общемъ оттискѣ съ извѣстною уже намъ Усольской писцовой книгой. (Пермь. 1872 г., стр. 119—150), а предварительно были напечатаны въ Пермск. Губ. Вѣд. 1872 г. №№ 85—97. Кромѣ того см. въ «Пермск. Лѣтоп.», т. II.

да бобыльскихъ 16 дворовъ и въ нихъ 18 чел. м. т. д. Въ округѣ Верхняго городка было: 31 деревня, 12 починковъ, 11 пустошей (запустѣвшихъ селеній), дворовъ крестьянскихъ вмѣстѣ съ городкомъ 236 и людей во всемъ округѣ 579 чел. муж. пола. Къ этому округу относился и Успенскій монастырь на Чусовой, о которомъ сказано выше.

Границы Верхнечусовскаго округа Кайсаровъ показываетъ такъ: „Отъ Микитинскіе (бывшей) вотчины Строганова, отъ Орлова городка, отъ межи Карышева острова, рѣкою Камою внизъ по обѣ стороны до устья рѣки Чусовые 80 верстъ; а отъ устья Чусовскаго внизъ по рѣкѣ жъ по Камѣ по одной по правой сторонѣ до рѣчки до Ласвы и до Ласвинскаго бору 20 верстъ; а по рѣкѣ по Чусовой вверхъ отъ устья по одной по лѣвой по Усолодиной, сторонѣ до рѣки до Сылвы 10 верстъ (слѣдоват. по теченію на *правой* сторонѣ Чусовой, гдѣ притокъ ея рѣчка Усоджа); а отъ устья рѣки Сылвы Чусовою жъ рѣкою вверхъ по одной по лѣвой же сторонѣ (по теченію же на *правой*) до ихъ Иванова и Максимова Чусовскаго до Верхнева городка, что на устьѣ рѣчки Усолы, 40 верстъ; а отъ городка рѣкою Чусовою вверхъ по лѣвой же сторонѣ (въ дѣйствительности по *правой*) 40 верстъ до деревни до Калина Лугу, а отъ Калина Лугу по Чусовой вверхъ по лѣвой же сторонѣ (т. е. по *правой*) до *Волульскихъ улусовъ* и до рѣки до Умки до *Верхней*. Да въ рѣку жъ въ Каму впади въ той же ихъ межѣ рѣка Обва, да рѣка Косьва, да рѣка Иньва и по тѣмъ рѣкамъ по обѣ стороны отъ устьей и до вершинъ и въ той межѣ береги пустыи и острова и рѣчки малыя, которые впади въ Каму жъ и въ Чусовую, и въ Обву, и въ Косьву, и въ Иньву отъ устьей же и до вершинъ, и озера, лѣще съ истоки и лѣса дикіе съ рыбными и звѣринными долями и со всякими угодами ихъ *Ивановы да Максимовы*; а Карышева острова Ивану да Максиму Строгановымъ двѣ трети“ *).

*) Рувольновъ, стр. 124—125.

Такимъ образомъ Верхнечусовской округъ Строгановыхъ былъ самый обширный, такъ какъ имѣлъ естественными границами на сѣверѣ Иньву и Косьву, на югѣ—Чусовую и Каму. Нельзя не обратить здѣсь особеннаго вниманія на то, что Иньва, Обва и Косьва во время Кайсарова уже принадлежали Строгановымъ *отъ устья и до вершинъ*, тогда какъ Яхонтовъ этой оговорки еще не дѣлаетъ. Тогда—въ 1579 г.—среднее и верхнее теченія этихъ рѣкъ еще считались Отхожимъ райономъ Чердынскаго уѣзда. Слѣдовательно, Строгановы постепенно присвоили ихъ себѣ въ періодѣ времени между 1579—1623 г.г. О способахъ этого присвоенія уже была рѣчь выше.

Къ части Ивана и Максима Строгановыхъ принадлежалъ еще Яйвенскій острожекъ съ его округомъ. Въ острожкѣ Кайсаровъ указываетъ укрѣпленіе, двѣ церкви—Троицкую и Николая Чудотворца, двѣ варницы „въ стѣнѣ“, господскій дворъ, варницу и мельницу внѣ острожка на р. Усолкѣ, 10 дворовъ крестьянскихъ, въ нихъ 14 челов. м. п., да 5 дворовъ бобыльскихъ, въ коихъ 9 челов.—и въ округѣ Яйвенскомъ: 4 деревни, 9 починковъ и 68 чел. м. пола, включая жителей острожка. Границы Яйвенскаго округа показаны Кайсаровымъ прежнія: отъ устья Усолки внизъ по Яйвѣ на 50 и вверхъ—на 70 верстъ. Только названіе р. Чаньвы, какъ крайняго сѣверо-восточнаго предѣла вотчинъ Строгановыхъ и самой Перми Великой, у Кайсарова почему-то пропущено. Такимъ предѣломъ у него показана рѣка Вильва, до которой отъ устья Усолки 70 верстъ не насчитывается. Я склоненъ думать, что тутъ допущенъ, по винѣ переписчика, пропускъ словъ, имѣющихся въ книгѣ Яхонтова: „и до рѣчки Чайвы“. Обратимъ при этомъ вниманіе, что деревня Булатово на Усолкѣ, составлявшая при Яхонтовѣ безспорную принадлежность Чердынскихъ крестьянъ Отхожаго района, у Кайсарова называется уже *спорною*. Значить, Строгановы, со всѣхъ сторонъ окружившіе деревню своими вотчинами,

именно въ это время начали налагать свою тяжелую руку на Булатово. Еще одно доказательство, какъ распространяли Строгановы свое владычество на чужія земли. Такова была по своимъ размѣрамъ часть Ивана и Максима Строгановыхъ. Въ ней заключалось такимъ образомъ 2 слободы—Верхній Чусовской городокъ и Яйвенскій острожекъ, одинъ монастырь Успенскій, 35 деревень, 24 починокъ „*отрѣчь спорныхъ починокъ*“*), т. е. чужихъ Чердынскихъ либо Усольскихъ, да займище, да 14 пустошей—занустьныхъ селеній, 311 дворовъ посадскихъ и крестьянскихъ, не считая другихъ разрядовъ, и 638 чел. м. п. Какой значительный приростъ населенія со времени Яхонтова!

3. Въ общемъ владѣнн всѣхъ Строгановыхъ состояли: Орель—городокъ, Очерскій острожекъ и Новая Усолье.

Сюда относился по положенію и значенію для фамиліи Строгановыхъ и Пыскорскій монастырь. Объ отношеніи вотчинъ монастырскихъ къ Строгановскимъ уже была рѣчь, равно какъ и о вновь возникшемъ Очерскомъ острожкѣ и округѣ. Теперь остается сказать объ Ордовскомъ „уѣздѣ“ при Кайсаровѣ, т. е. бывшей Никитинской вотчинѣ времени Яхонтова, которая иногда и при Кайсаровѣ именовалась по старому владѣнцу.

Изъ всѣхъ документовъ по исторіи Строгановыхъ нельзя не видѣть, что Орель съ его „уѣздомъ“ всегда считался *именой* родовой вотчиной Строгановыхъ, главнымъ городомъ въ этомъ маленькомъ государствѣ, именитые владѣтели котораго нѣкоторое время имѣли здѣсь свою резиденцію. Поэтому, вѣроятно, къ уѣзду Орловскому отнесенъ былъ и Пыскорскій монастырь—это родовое, фамиліальное богомолье Строгановыхъ, къ которому они относились съ глубокимъ почитаніемъ, представивъ ему полную автономію въ отношеніи вотчиннаго управленія. Понятно отсюда, почему Орель больше всѣхъ другихъ слободъ походилъ на городъ, былъ украшенъ столь-

*) Подлинныя слова рукописи, стр. 187.

кими краями, какъ ииодна Строгановская слобода. Кромѣ внутренняго укрѣшенія, возникшаго еще при Іоаннѣ Гроу- номъ, Кайсаровъ указываетъ въ Орлѣ слѣдующія церкви: въ городкѣ Воздвиженія. Похвалы Богородицы и Троицы подъ колокольнею и на посадѣ церковь Успенія съ придѣлами Николая Чудотворца и мученика Никиты, соименнаго быв- шему владѣтелю Орла. Всѣ церкви, по тогдашнему обыкно- венію, были деревянные клѣбцы, нѣкоторыя имѣли „верхъ патромъ“ согласно съ господствовавшими въ тогдашней Руси архитектурнымъ стилемъ. Церкви Похвалы и Успенія были особенно богато украшены. Самый городъ тоже былъ „древянь дубленъ“ имѣлъ три ворота, двѣ башни и заклю- чалъ внутри себя, кромѣ помѣстныхъ церквей, дворъ вотчин- никовъ — нѣчто вродѣ владѣтельнаго двorca въ миниатюрѣ, а на посадѣ имѣлъ 8 дворовъ церковныхъ, 5 дворовъ „молод- пихъ людей“ въ числѣ 18 человекъ, да 25 дворовъ „самыхъ молодпихъ людей“ числомъ 64 человекъ, да 24 двора бо- быльскихъ и въ нихъ 38 чел. м. пола.

Въ уѣздѣ Орловскомъ при Кайсаровѣ было: одна сло- бода Новоусольская, монастырь Пыжскій, 5 деревень, 6 мочинковъ, 3 пустоши, въ нихъ 2 посюдескихъ двора, 21 дворъ пашенныхъ крестьянъ, 2 двора бобыльскихъ, 3 пустыхъ, людей 61 человекъ м. п., а съ слободой и самымъ пород- комъ 180 человекъ *). Внѣшнія границы Орловскаго округа нѣсколько не измѣнились со времени Ахонтова. Кайсаровъ ушотинаетъ вновь только одно „отхожее“ владѣніе Орла- городка „въ Кайгородокѣ уѣздѣ противъ Волостицкаго погоста у судовыхъ пристани на Мсадѣхъ порожнее мѣсто подъ анбаръ, въ длину 15 сажень, а поперекъ 10 сажень“. Самаго анбара, вѣроятно, для склада соли при Кайсаровѣ однако не существовало (Рукопись, стр. 209—210).

Не можемъ не пожалѣть, что въ нашей рукописи книгъ Кайсарова вырваны два листка, въ которыхъ заключалось описаніе Нового Усоля. Это единственный впрочемъ пробѣлъ во всемъ спискѣ Строгановскихъ книгъ Кайсарова.

Свидѣтельства грамотъ XVI—XVII вѣковъ о границахъ Перми Великой.

Мы окончили обзоръ границъ Строгановскихъ вотчинъ въ XVI вѣкѣ и началъ XVII, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всѣхъ вышнихъ границъ Перми Великой за то же время. Лучшихъ источниковъ, нежели тогдашнія писцовыя книги, мы не можемъ уже имѣть. Послѣ древне-русскихъ сказаній, каково Елифаніево, летописей и писцовыхъ книгъ намъ остается не надолго остановить вниманіе на мѣстныхъ царскихъ и другихъ грамотахъ, указахъ, челобитныхъ и тому подобныхъ документахъ, древнѣйшіе изъ которыхъ не восходятъ далѣе XVI вѣка. Въ сравненіи съ писцовыми книгами, въ вопросѣ о границахъ древней Перми Великой эти источники имѣютъ уже меньшее значеніе, но игнорировать ихъ мы не должны.

Всѣ такіе документы служатъ только новымъ подтвержденіемъ того, что сказано нами о границахъ Перми Великой на основаніи важнѣйшихъ источниковъ—писцовыхъ книгъ. Древнѣйшими письменными памятниками этого рода служатъ два посланія Всероссійскаго митрополита Симона (1496—1511 г.г.) въ Пермь, помѣченныя 22 августа 7009 (1501) года*). Одно изъ нихъ обращено къ духовенству, другое къ мирянамъ Пермской паствы. Первое посланіе начинается словами: „Благословеніе Симона, Митрополита всея Руси, въ отчину Великого Государя Царя Руского (**) Великого Князя Ивана Васильевича: всея Русіи Самодержца, въ Великую Пермь и во всю Пермскую область именуемъ, и попомъ, и дьякономъ“. Второе посланіе митрополита адресовано въ Великую Пермь, съими моего Великого Князя слугъ, князю

*) Извѣстны также два посланія Историковъ, т. I, стр. 166—169.

**) Самъ Іоаннъ III не именовался еще царемъ, а митрополитъ присваиваетъ ему этотъ титулъ почти за столѣтія до формальнаго принятія царскаго титула въ 1547 году.

Матвеею Михайловичю Пермскому, да и всѣмъ Пермичемъ, большимъ людямъ и меньшимъ, мужемъ и женамъ, юношамъ и младенцемъ, всѣмъ православнымъ христіаномъ, новопросѣщеннымъ Господнимъ людямъ всея области Пермскія земли“.

Упоминаніе Пермскаго князя Матвѣя Михайловича даетъ ключъ къ объясненію того, куда именно писано было посланіе митрополита. Отецъ Матвѣя, Пермскій князь Михайлъ, жилъ въ Чердыни, Пермь Великая тожь, о чемъ подробнѣе скажемъ въ слѣдующей главѣ. Сынъ его Матвѣй Михайловичъ послѣ покоренія Перми Великой въ 1472 г. жилъ въ качествѣ Московскаго присяжника въ сосѣднемъ городѣ Покчѣ до 1505 года, когда „сведенъ былъ съ Великою Перми“ и замѣненъ *первымъ русскимъ великокняжескимъ намістникомъ* Василиемъ Андреевичемъ Ковромъ *). Посланіе Симона адресовано „въ Пермь Великую и во вся Пермскія области игуменомъ“. Въ Перми Великой, въ городѣ Чердыни, съ 1462—63 г.г. существовалъ Богословскій монастырь, а въ Вычегодской Перми еще при св. Стефанѣ возникли монастыри Спасскій и Стефановскій на Вотчѣ. Слѣдовательно, митрополитъ писалъ свое посланіе ближайшимъ образомъ въ Великую, т. е. Прикамскую, иначе Чусовую, Пермь, въ ея главные города Покчу и Чердынь, а вмѣстѣ съ тѣмъ уже и во всѣ другія области Пермскія, т. е. и въ Пермь Вычегодскую. Въ Великой Перми христіанство возвыщено было позже, нежели въ Вычегодской, почти на столѣтіе; поэтому выраженіе *новопросѣщеннымъ людямъ* всея области Пермскія земли“ относилось преимущественно къ Перми Великой. Отдѣлять же совершенно Великую или Камскую Пермь отъ Вычегодской митрополитъ не могъ уже потому, что *та и другая составляли одну Пермскую епархію*, которая съ 1492 года именовалась „Пермскою и Вологодскою“, а съ 1584 года, когда Чердынь получила особенное политическое зна-

*) «Исторія Государства Россійск.» Карамзина, изд. Самарина, VI, 56—57; «Исторія Россіи» Соловьева, V, 94.

ченіе и затмила собою всѣми забытый Усть-Вымъ, стала называться епархіей „Вологодской и Великопермской“. Послѣ сказаннаго понятно сопоставленіе словъ втораго посланія: „А вы, вси людіе *Пермскія земли*, сее грамоты слушайте“.... „А священникомъ всѣмъ *Великопермскимъ* также учительная глаголю“. Но въ концѣ того же посланія, чрезъ нѣсколько строкъ послѣ этихъ словъ, упомянуть „*Стефанъ Епископъ Пермскій*“, а не „Великопермскій“, такъ какъ въ Великой Перми онъ не бывалъ.

Но если въ церковномъ отношеніи между Пермью Великой и Пермью Вычегодской существовала тѣсная связь, въ силу общей принадлежности ихъ къ Вологодской епархіи, то въ отношеніи гражданскаго управленія такой связи не могло быть. Духовная грамота великаго князя Іоанна III, завоевателя нашего сѣверо-востока, лучше всего подтверждаетъ гражданско-административную обособленность Перми Великой—Чусовой отъ Перми Вычегодской. По времени составленія въ 1504 году, эта грамота почти современна посланіямъ митрополита Симона, и тѣмъ любопытнѣе сравнить ее съ ними. Въ духовной Іоанна между прочимъ читаемъ: „Да сыну же своему Василью даю..... породѣ Вологду съ волостями, да *Вычегду, и Вымъ, и Удору, и Сысолу со всѣми ихъ мѣсты, да Югру и Печеру со всѣмъ, да Пермь Великую со всѣмъ*...“ *). Такъ ясно раздѣлены здѣсь три различныя области, каждая изъ которыхъ составляла особое цѣлое въ отношеніи управленія: Пермь Великая, Югра съ Печерой и Вычегда съ ея притоками.

Столь же ясное разграниченіе Перми Камской или Чусовой отъ Перми Вычегодской мы находимъ въ „Уставной грамотѣ Чердынцевъ и Усольцевъ XVI в.“ (см. приложенія къ этой книгѣ). Она со всей ясностью приурочиваетъ весь Усольскій (позднѣе Соликамскій) уѣздъ къ области Перми Великой. Чердынцы, именуемые въ грамотѣ Пермичами, со-

*) «Собраніе Государств. Грамотъ и Договоровъ», т. I, стр. 389 и др.

вершенно уравниваются въ ней въ своихъ правахъ съ Усольцами, т. е. Соликамцами. При этомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ грамоты вмѣсто слова „Пермичи“ употреблено „Великопермцы“, что дѣлаетъ яснымъ районъ, второму даровались вѣдѣстные права. „Также есмь пожаловалъ Великопермцовъ и Устюжскихъ юстинскимъ изъ Пермь Великую и изъ Соликамскъ. А Устюжска и Вычегодска и Вятска пѣдятъ къ нимъ торговати со всякимъ товаромъ по своей грамотѣ по пожалованной по уставной по Устюжской“ („Путешествіе“ Берга, стр. 132—133). Итакъ страна Вычегодская, какъ ясно видимъ, подчинялась другой уставной грамотѣ, слѣдовательно, никоимъ образомъ не составляла части Великопермской страны. Тамъ, на Вычегдѣ, жили „Вычегжане“, здѣсь, на Камѣ, „Великопермцы“. Уставная грамота XVI вѣка дѣлаетъ въ одномъ мѣстѣ достойную вниманія ссылку на грамоты князей Пермскихъ; „и первыхъ судовъ и грамотъ князей Пермскихъ не посуживать“ (Бергъ, 129). Какъ жаль, что до насъ не дошли эти древнѣйшія грамоты Пермскихъ князей, жившихъ въ Чердынѣ до покоренія Русскими Перми Великой. Обратимъ еще вниманіе на слова уставной грамоты: „И онъ (намѣстникъ государевъ) въ Пермскія угодья и къ волоку Тюменскому, и въ Вогуличи, и въ Сылву съ Пермскимъ товаромъ своихъ людей торговати не посылаетъ“ (ibidem, 130). Здѣсь указывается на торговые сношенія Перми Великой съ Сибирью, тогда еще независимой отъ Русскихъ, и съ ближайшими сосѣдями Вогулами и Сылвенскими Остягами. Дѣйствительно, южная граница Перми Великой, какъ мы знаемъ изъ писцовыхъ книгъ, шла южнѣе Чусовой, пересѣкая рѣку Сылву, на верхнемъ теченіи которой начиналась уже другая, чуждая страна—область Остяцкихъ улусовъ.

Слѣдующими по времени грамотами, ближайшими къ Уставной и имѣющими близкое къ ней отношеніе, были извѣстные уже намъ жалованные грамоты Строгановымъ 1558, 1564, 1568 г.г. и другія. Такъ какъ Строгановымъ были

пожалованы Великопермскія земли, то въ этихъ грамотахъ точно опредѣлены отношенія государевыхъ Пермскихъ намѣстниковъ, жившихъ въ Чердыни, къ вотчинамъ и людямъ Строгановыхъ. Мы говорили уже, что послѣднимъ предоставлено было право собственнаго суда, независимо отъ суда намѣстника, и многія другія льготы. Во всѣхъ этихъ грамотахъ многократно упоминается городъ Чердынь, какъ резиденція намѣстника, но подъ стариннымъ наименованіемъ Пермь Великая или просто Пермь. Отъ этого города дѣлается исчисленіе верстъ, при чемъ Соль Камская, какъ не имѣвшая еще своихъ воеводъ, бывшая только *пригородомъ* Перми Великой Чердыни, не упоминается *). Обратимъ вниманіе на слѣдующія слова грамоты 1564 г. въ которыхъ выражается отношеніе Великопермскихъ намѣстниковъ къ Строгановскимъ вотчинамъ и людямъ какъ Вычегодскимъ, такъ и Прикамскимъ: „Коли онъ (Григорій Строгановъ) или его люди или его Слободы (Орла) крестьяне поѣдутъ отъ Вычегодцкіе Соли мимо Пермь (т. е. Чердынь) на Каму въ Слободу (т. е. Орель-городокъ), или изъ Слободы къ Вычегодцкой Соли, и *наши Пермскіе намѣстники.... въ Пермь* (Чердыни) Григорья и его людей.... на поруки не дають и не судять ихъ ни въ какихъ дѣлѣхъ.... А коли Григорей или его люди явятъ сее нашу грамоту *нашимъ Великопермскимъ намѣстникомъ*, и намѣстники съ нее явки не емлютъ ничего“. Такимъ образомъ *Чердынскіе намѣстники безразлично именуются то Великопермскими, то просто Пермскими, такъ какъ Великая Пермь была частью Перми вообще*, подобно тому какъ именовались здѣсь и мѣстные князья до покоренія страны Іоан-

*) Это обстоятельство ввело въ ошибку историковъ Сибири Миллера и Финшера, утверждавшихъ, что въ 1558 г. Соликамскъ еще не существовало, между тѣмъ какъ этотъ городъ возникъ въ первой половинѣ XV вѣка, а при Іоаннѣ IV имѣлъ, какъ мы видѣли, цѣлый Усольскій уѣздъ. Доказательство, что Миллеръ и Финшеръ не знали о существованіи мѣстныхъ писцовыхъ книгъ. См. «Описаніе Сибирскаго Царства» Миллера, стр. 76.

номъ III. Но Вытегодская Пермь ничѣмъ ни разу не называется Великой.

Затѣмъ слѣдуетъ остановиться на царской грамотѣ Чердынскому Богословскому монастырю отъ 10 августа 1580 года—о неприкосновенности его владѣній. Въ ней опять упоминается князь Матвѣй, но уже не подъ именемъ „Пермскаго“, какъ въ посланіи митрополита Симона, а „Великопермскаго“—доказательство тождественности того и другаго названія. Но онъ не могъ быть названъ „Великопермскимъ“, если бы жилъ не въ Покчѣ или Чердыни, а въ Усть-Вымѣ. Вотъ нѣкоторые мѣста грамоты: „Отъ Царя и Вел. Князя Ивана Васильевича всеа Русіи въ Пермь Великую въ Чердынѣ старостамъ и дѣловальникомъ и всемъ Чердынцамъ.... Били намъ челомъ изъ Чердыни Богословскаго монастыря строитель Варламъ съ братьею, а сказали, что наше богомолье въ Перми Богословской монастырь общей одинъ, какъ Пермичи крещенье приняли.... Да за Богословскимъ же монастыремъ князь Матвѣевскихъ Великопермского пустыхъ земель и тѣсу и луговъ въ Чердынскомъ уѣздѣ по конецъ Покчинского поля....*). (Покча въ 5 верстахъ отъ Чердыни). Можно-ли послѣ этого еще сомнѣваться, какъ нѣкоторые дѣлаютъ, что князь Матвѣй Пермскій жилъ въ Чердыни или Покчѣ, а никакъ не въ Усть-Вымѣ на Вытегѣ?

Таковы свидѣтельства грамотъ о сѣверной границѣ Пермь Великой и значенія этого названія въ XVI вѣкѣ и въ болѣе раннее время. Посмотримъ, что говорятъ такіе документы о другихъ границахъ Пермь Великой. Во многихъ грамотахъ рядомъ съ Чердынцами упоминаются Усольцы и Кайгородцы, что показываетъ принадлежность всѣхъ трехъ городовъ къ одной и той же области—Перми Великой. Изъ писцовыхъ книгъ мы уже знаемъ, что Усольскій уѣздъ, какъ часть Пермь Великой, долго былъ въ зависимости отъ намѣстниковъ, жившихъ въ Чердыни. Въ такомъ же отношеніи къ

*) «Акты Историческіе», т. I, стр. 397.

нимъ стоялъ и Кайгородъ, основаніе котораго Вятскіе исторіки относятъ къ 1558 г., говоря, что онъ построенъ Строгановыми для защиты отъ Пермяковъ (?), Остяковъ, Воти и Татаръ и сдѣлался скоро важнымъ торговымъ пунктомъ по продажѣ соли *). Располагая весьма обильными матеріалами по исторіи Строгановыхъ, я не нашелъ въ нихъ однако положительныхъ свѣдѣній о началѣ Кая и думаю, что онъ, подобно Канкору, существовалъ еще раньше, а Строгановы только укрѣпили и обстроили его. Да и въ этомъ я не вполне увѣренъ въ виду того, что *Кай вездѣ приравнивается къ Соликамску, а не къ Строгановскимъ слободамъ*. Объ основаніи Кая не сохранилось никакой грамоты или иного положительнаго свидѣтельства. Въ писцовыхъ книгахъ Яхонтова 1579 г. уже упоминается Кайгородскій уѣздъ, смежный съ Чердынскимъ и равноправный съ Усольскимъ, но почему ни Яхонтовъ, ни Кайсаровъ, сдѣлавшіе полное описаніе всей обширной области Перми Великой, не захватили въ районъ своихъ переписей Кайгородскаго края, коль скоро онъ также былъ частью Перми Великой,—на этотъ вопросъ я не берусь отвѣчать по недостатку вѣрныхъ, несомнѣнныхъ свидѣтельствъ. Только изъ многихъ грамотъ XVII вѣка ясно видно, что *Кайгородъ и Соликамскъ, имѣя каждый свой особый уѣздъ, одинаково подчинялись власти Великопермскихъ наместниковъ, жившихъ въ Чердыни*. Мѣстные изслѣдователи Вятскаго края такъ же смотрятъ на дѣло, называя Кай и Соликамскъ *Пермскими городами* **). Уѣздъ Кайгородскій лежалъ по верхнему теченію Камы и составлялъ такимъ образомъ западную окраину Перми Великой, а Соликамскій (Усольскій)—продолженіе восточной окраины той же страны; Пермскій-Чердынскій расположенъ былъ между ними, выступая сѣвернымъ угломъ далеко на сѣверъ, до озера Чусовскаго включительно.

*) «Столѣтіе Вятской губерніи». Вятка, 1880 г., т. I, стр. 162, статья Андриескино.

**) ibidem, стр. 65.

Приведемъ въ подтвержденіе сказаннаго подлинныя слова нѣкоторыхъ грамотъ XVII в., за неимѣніемъ болѣе раннихъ. Въ грамотѣ царя Василя Шуйскаго въ Пермь Великую намѣстнику и воеводѣ князю Семену Юрьевичу Вяземскому, отъ 18 октября 1607 г., о постройкѣ мостовъ по Сибирской дорогѣ, пѣдшей тогда чрезъ Кайгородъ и Соликамскъ, минуя Чердынъ, но чрезъ ея уѣздъ, между прочимъ говорится: „а прежде де того тѣ мосты мащивали *Чердынцы и Усолцы и Кайгородцы и вся посадскіе люди и волостники крестьяне и всею Пермскою землею*; и нынѣ тѣхъ мостовъ по тѣмъ рѣкамъ и рѣчкамъ Пермичи-Чердынцы и Усолцы и Кайгородцы не мостятъ“ (*). Въ грамотѣ же царя Василя тому же намѣстнику отъ 10 декабря 1607 г. читаемъ: „Указали есмя взяти съ Перми—съ Чердынни и съ Кайгородка и съ Усоля Камского, съ посадовъ и съ уѣздовъ, для напией нынѣшній службы за ратныхъ людей..... деньгами“ (**). Еще лучше зависимость Кая отъ Чердынскихъ намѣстниковъ видна изъ отписки князя Ухтомскаго изъ Вятки въ Пермь, отъ 10 декабря 1609 года, на имя Пермскаго-Чердынскаго воеводы Ѳедора Петровича Акиноова и подъячего Наума Романова съ уворомъ Пермичамъ за ихъ нежеланіе помочь Вяткѣ противъ Волжскихъ казаковъ и Черемисъ: „а отъ насъ, со всеи Перми, *только пришло къ намъ тридцать человекъ Кайгородцевъ, да и тѣ пѣшли*“ (***)). Достойно вниманія наименованіе Соликамска въ одномъ актѣ того же времени „Великопермскимъ пригородкомъ“, каковымъ несомнѣнно былъ и Кайгородъ, такъ какъ ни въ томъ, ни въ другомъ не было своихъ особыхъ воеводъ. Въ общей челобитной царю Усольцевъ и Кайгородцевъ, писанной въ концѣ апрѣля 1609 г., сказано: „Бьютъ челомъ сирота твоя Государева, *твоей Государевы далныя отчины Великопермскаго пригородка Камскаго Усоля ратные*

*) «Акты Археографич. Экспедиціи», II, стр. 172.

**) «Акты Историческіе», т. II, стр. 113.

***) «Акт. Историч.», II, стр. 324.

модника, десятиникъ Тихонко Ондръевъ сынъ, и вмѣсто своихъ товарищевъ Усолцовъ и Кайгородскихъ тридцати двою человекъ“ *).

Приведенныя выдержки изъ грамотъ самаго начала XVII вѣка такъ ясно и опредѣленно показываютъ взаимныя административныя отношенія Чердыни, Соликамска и Кайгорода и ихъ общую принадлежность къ одной и той же области Перми Великой, что мы считаемъ лишними дальнѣйшія извлеченія изъ грамотъ этой категоріи. Перейдемъ теперь къ тѣмъ документамъ, которые даютъ понятіе о южной и восточной границахъ Перми Великой.

Въ 1581 г. на Чусовскія вотчины Семена и Максима Строгановыхъ и на ихъ Нижній Чусовской городокъ дѣлалъ нападеніе Чусовскіе Вогуличи во главѣ съ Целымскимъ княземъ. Строгановы подавали царю челобитную объ оказаніи имъ помощи. Такъ какъ рѣка Чусовая входила въ область Перми Великой (исключая верховьевъ), то Іоаннъ IV 6-го ноября 1581 г. послалъ грамоту въ Чердынь Великопермскому воеводѣ князю Ивану Михайловичу Елецкому, въ которой говорилось: „И ты бѣ велѣлъ собрати земскимъ старостамъ и цѣловальникомъ съ *Пермскихъ волостей* (т. е. съ Чердынскихъ) и съ *Камскіе Соли* ратныхъ людей со всякимъ ратнымъ ружьемъ, со *всеми Пермскіе земли*.... и помогали бѣ Семенову да Максиму острогу (на р. Чусовой) и стояли бѣ съ Семеномъ да съ Максимомъ заодно...“ **). Ясно, что Чусовская слобода съ своимъ „острогомъ“ и округомъ („уѣздомъ“) входила въ составъ Перми Великой, почему царь и давалъ предписаніе воеводѣ Великопермскому. Чердынь, Соликамскъ и Чусовская слобода вездѣ ставятся въ этой грамотѣ рядомъ, какъ Великопермскіе города.

Чусовская слобода съ ея округомъ составляла крайнюю юго-восточную оконечность Перми Великой, а Очерскій остро-

*) «Акта Историч.», II, стр. 236.

**) «Дополн. къ Актамъ Историч.», I, стр. 182.

жекъ съ его округомъ служилъ юго-западною окраиною Перми Великой, за которой начинался уже тогдашній Казанскій „уѣздъ“, куда относилась, какъ мы видѣли, Никольская слобода, что нынѣ городъ Оса. Принадлежность Очера къ Перми Великой также видна изъ грамотъ. Такъ, въ раздѣльномъ актѣ Строгановыхъ отъ 30 января 1629 г. между прочимъ встрѣчаемъ слова: „и приговорили, что бы имъ, для поспѣшенія и далваго пути, прежде Никитинскіе отчины росписать и раздѣлитъ *въ Перми на Ормъ и на Очеръ*, а у Соли Вычегоцкой опослѣ“ *).

Наконецъ сѣверо-восточную границу между Пермью Великой и страной Вогуловъ весьма опредѣленно указываетъ царская грамота, данная Вогуламъ 25 января 1689 года (напечатана въ „Путешествіи“ *Берха*, стр. 135—143). Хотя она сравнительно позднѣйшаго происхожденія, но въ ней повторяются слова прежнихъ подобныхъ же документовъ Вогуловъ. Прося „милости“ у Іоанна и Петра Алексѣевичей, Вогуличи ссылаются на прежнія грамоты, писцовыя книги и челобитныя. Грозные и воинственные сосѣди Чердынцевъ, въ XVI в. и раньше часто тревожившіе ихъ своими внезапными нападѣніями, причинявшіе имъ столько тревоги и вреда, теперь униженно просятъ государей оградить ихъ отъ вторженія русскихъ людей въ ихъ старинныя угодья, во всякія ихъ „ухожеи“ (угодья). „Велите, Государи, зываютъ Вогуличи, Чердынцомъ посадскимъ и волостнымъ и инымъ русскимъ людямъ заказъ учинити, чтобъ они, русскіе люди, впредъ сверхъ писцовыхъ книгъ и оброчныхъ своихъ водъ въ Чердынскія неаппныя Вогульскія угодья, *отъ Морчану вверхъ Вишеры рѣки*, для рыбной ловли, *за Кваркуниъ и за Березовской камня* для соболиной и звѣриной добычи не

*) «Дополн. къ Акт. Историч.», II, стр. 90. Напечатанная здѣсь цѣлая серія раздѣльныхъ актовъ Строгановыхъ (страницы 89—145) имѣетъ важное значеніе для исторіи поземельныхъ отношеній въ Перми Великой вскорѣ послѣ Кайсарова, до времени котораго мы прослѣдили эти отношенія.

ходили; потому что, Государи, тѣ угоды изетари Вогульскія ясашныя, и буде, Государи, русскимъ людямъ къ Вишерѣ рѣкѣ сверхъ оброчнаго мѣста рыбная ловля надобна, и имѣ велите, Государи, *отъ Морчану вверхъ по той Вишерѣ рѣкѣ рыболовить въ Вогульскомъ ясашномъ угодѣ до Писанаго Камени*; а отъ Писанаго Камени вверхъ по Вишерѣ рѣкѣ не велите, Государи, русскимъ людямъ въ ясашномъ угодѣ рыбу вылавливать и насъ сиротъ голодить, *чтобы намъ сиротамъ отъ обидъ съ голоду встать не разбрестись.....* Великіе Государи, смилуйтеся!“ Какъ видимъ, челобитная Вогуловъ вполне согласна съ Чердынской писцовой книгой Яхонтова 1579 г. Просьба ихъ была уважена царской грамотой въ томъ же 1689 году. Въ началѣ той же своей челобитной Вогулы жалуются на то, что ясакъ съ нихъ взимается въ размѣрѣ прежнихъ лѣтъ, между тѣмъ какъ „въ тѣхъ годѣхъ въ ясашныхъ угодьяхъ *на Вишерѣ и на Печерѣ рѣкахъ Вогульчъ было больше*, и звѣрей и рыбы много, и звѣриная и рыбная ловля у нихъ была большая, и русскіе люди въ зѣриной и рыбной ловлѣ ихъ не обидили..... и русскіе люди усилались ходить для зѣриной добычи за Кваржуишъ и за Березовой камня и для рыбной ловли отъ Морчану по Вишерѣ рѣкѣ до вершины..... И отъ тѣхъ неводовъ вверхъ по рѣкѣ Вишерѣ стало безрыбно, и они сироты отъ русскихъ людей въ томъ стали изобиженны и голодны“ (Берхъ, 136—137). Вотъ причина постепенной перекоченки Вогуловъ за Уралъ. Въ Чердынскомъ краѣ теперь ихъ почти не осталось *).

Такъ, мало по-малу, вслѣдствіе поступательнаго движенія русской колонизаціи, нарушались прежнія границы Пермь Великой, существовавшія много вѣковъ сряду, нарушались давно сложившіяся политическія отношенія, измѣнялись по-

(*) Мозель въ книгѣ «Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Пермская губернія», СПб., 1864 г., I, стр. 365, указываетъ число Вогуловъ въ Чердынскомъ краѣ въ 1860 г. 26 мужч. и 43 женщины. Теперь они живутъ только въ деревнѣ Усть-Улсуй на Вишерѣ.

степенно и самыя географическія названія. Въ первой половинѣ XVIII в. вышло изъ употребленія и самое наименованіе „Пермь Великая“, съ которымъ такъ долго связывалось опредѣленное гео—и этнографическое представленіе. Все постепенно сливалось въ одномъ безграничномъ русскомъ морѣ, волны котораго захватывали все большее и большее пространство, пока не достигли естественныхъ предѣловъ на далекомъ Азіатскомъ сѣверо-востокѣ.

Общее заключеніе о границахъ и раздѣленіи древней Перми Великой.

Въ заключеніе, для облегченія справокъ, повторяю вѣратцѣ всѣ границы древней Перми Великой въ ихъ совокупности.

На западъ: р. Кама отъ истока, ея сѣверная излучина и впадающіе въ нее притоки (теперь Глазовскій и Слободской уѣзды Вятской губерніи). *На сѣверъ:* линія отъ истока р. Луцы, лѣваго притока Камы, на сѣверо-востокъ, чрезъ верховья другихъ лѣвыхъ же притоковъ Камы—Южной Кельтмы съ ея правымъ притокомъ Тимшеромъ и Пильвы, къ верхнему концу озера Чусовскаго. *На востокъ:* озеро Чусовское, р. Вишерка, р. Колва, р. Ухтымъ, линія съ верховьевъ Ухтыма къ югу чрезъ верховья лѣвыхъ притоковъ Колвы—рѣкъ Низвы, Мубыли и Чудовки до деревни Морчанъ на Вишерѣ, внизъ по Вишерѣ до устьевъ р. Язвы, р. Язва, волокъ, р. Верхъ-Боровая (конецъ нынѣшняго Чердынскаго уѣзда); далѣе притокъ Язвы Глухая Вильва, рч. Сурмогъ, волокъ, рч. Икъ, р. Яйва, ея лѣвый притокъ Чаньва (конецъ нынѣшняго Соликамскаго уѣзда); линія на югъ чрезъ рѣку Косьву, лѣвый притокъ Камы, и Усьву, правый притокъ Чусовой, до другаго праваго же ея притока Койвы и по ней до самой р. Чусовой (конецъ нынѣшняго Пермскаго уѣзда). *На югъ:* отъ лѣваго притока Чусовой р. Утки на западъ,

чрезъ среднюю Сылву (нынѣшній Кунгурскій уѣздъ), далѣе на западъ чрезъ рѣку Каму (повыше г. Осы), по нынѣшнему Оханскому уѣзду, линіей на сѣверо-западъ къ истоку рѣки Камы въ Глазовскомъ уѣздѣ Вятской губерніи.

Относительно административнаго раздѣленія древней Перми Великой въ разное время, но не далѣе 1624 г. (опись Кайсарова) включительно, мы пришли, путемъ послѣдовательнаго разсмотрѣнія первоисточниковъ, къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1. Съ древнѣйшихъ временъ до XV столѣтія *Пермь Великая—Чусовая*, составляя одинъ „*Пермскій - Чердынскій уѣздъ*“, дѣлилась по управленію на 4 части: а) станъ Окологородный, б) станъ Верхній, в) станъ Нижній и г) округъ Отхожій, простиравшійся первоначально отъ южной границы Нижняго стана едва-ли не на всю обширную, но въ тѣ времена пустынную область Перми Великой до р. Чусовой.

2. Съ постепеннымъ приливомъ русскаго населенія, въ XV в. возникаетъ Усолъе Камское и около него нѣсколько десятковъ новыхъ поселеній, вслѣдствіе чего часть Отхожаго района, ближайшая къ Нижнему стану, мало-по-малу обособляется въ особый *Усолскій (позднѣе Соликамскій) уѣздъ*.

3. При дальнѣйшихъ успѣхахъ русской колонизаціи, въ XVI вѣкѣ въ Перми Великой возникаетъ еще городъ Кай и при немъ образуется особый *Кайгородскій уѣздъ*, а южнѣе, по теченію Камы и ея притоковъ, возникаютъ обширныя *вотчины Строгановыхъ* съ своимъ особымъ управленіемъ и подраздѣленіемъ на округа. *Изъ этихъ вотчинъ, въ свою очередь, выдѣлились* въ особый, независимый по управленію, округъ *вотчины Пыскорскаго Спасо-Преображенскаго монастыря*. Въ 1580 году и Чердынскій Богословскій монастырь составилъ особый по управленію небольшой округъ въ предѣлахъ Пермскаго-Чердынскаго уѣзда.

4. По мѣрѣ возникновенія новыхъ административныхъ единицъ, Чердынскій уѣздъ или, точнѣе, его Отхожіе округъ постепенно сокращался, пока не достигъ своихъ нынѣшнихъ предѣловъ или границъ, а уѣздъ Соликамскій въ то же время постепенно увеличивался и дробился на свои отдѣльныя части.

VI.

Управленіе древней Перми Великой до начала XVII вѣка.

Изслѣдованіе о древней Перми Великой мы закончимъ обзоромъ управленія въ этой странѣ, который послѣ всего, выше изложеннаго, не составитъ уже для насъ столь кропотливаго ученаго труда, какъ вопросъ о границахъ той же страны. Настоящая глава сама собою распадается на двѣ половины: управленіе церковное и гражданское.

Мы знаемъ уже, что первоначально Пермь Великая и Пермь Вычегодская въ церковномъ отношеніи составляли одну обширную епархію. Епархія эта возникла въ концѣ декабря 1383 г. и называлась сначала просто „Пермской“. Первосвятитель Стефанъ былъ ея основателемъ и жилъ въ Гемдынѣ или Усть-Вымѣ до самой кончины въ 1396 г. Тамъ же жили и его четыре преемника—епископы Пермскіе: Исаакій (1398—1416), св. Герасимъ (1416—1447), св. Питиримъ (1447—1455) и св. Іона (1455—1470). Предѣлы Пермской епархій за все это время постепенно увеличивались по мѣрѣ распространенія вѣры Христовой въ области Перми Вычегодской среди Зырянъ или, по тогдашнему, Пермянъ. Епархія Пермская на западѣ граничила съ Ростовской, къ которой принадлежалъ Устюгъ Великій—родина св. Стефана. Какъ можно видѣть изъ топографіи сказанія о св. Стефанѣ Епифанія Премудраго, Пермь простиралась на западѣ не далѣе р. Выма, гдѣ шла первоначально и граница двухъ

епархій. Главное средоточіе Пермской епархіи было на р. Вычегдѣ, гдѣ поэтому и находился каѳедральный городъ епархіи Іемдынъ или Усть-Вымъ. Какъ увидимъ ниже, здѣсь же жили и нѣкоторые Пермскіе князья-христіане. Пермская епархія, какъ показываетъ самое поставленіе св. Стефана въ епископы и обстоятельства дальнѣйшей его жизни, съ самаго основанія была въ зависимости отъ митрополитовъ Московскихъ „и всея Руси“, которые и послѣ св. Стефана поставляли епископовъ Перми.

Въ 1462—63 г.г. четвертый преемникъ св. Стефана на Пермской каѳедрѣ, епископъ Іона, впервые возвѣстилъ слово Божіе въ предѣлахъ Перми Великой или *Чусовой*, по выраженію преподобнаго Епифанія. Чрезъ 10 лѣтъ послѣ того, въ 1472 г., въ Перми Великой произошло событіе, имѣвшее рѣшительное значеніе для всей послѣдующей ея исторіи— произошло подчиненіе этой страны власти великихъ государей Московскихъ. Вскорѣ послѣ того въ этомъ краѣ пріобрѣтаетъ важное политическое значеніе городъ Чердынъ, часто именовавшійся иначе, по имени страны, Пермью Великой. Здѣсь было сосредоточено главное гражданское и военное управленіе всего Великопермскаго края, здѣсь стали жить съ самыхъ первыхъ годовъ XVI в. намѣстники и воеводы великихъ государей Московскихъ. Тогда Іемдынъ или, по выраженію книги Большаго Чертежа, „Пермь Старая“ сталъ постепенно терять прежнее значеніе. Его географическое положеніе не представляло тѣхъ выгодъ, какія имѣла Пермь Великая Чердынъ, лежавшая на важнѣйшемъ торговомъ пути изъ Европы въ Азію и на самой восточной окраинѣ тогдашнихъ русскихъ владѣній.

Политическому паденію Перми Старой способствовало не мало и перенесеніе отсюда епископской каѳедры въ Вологду, вслѣдствіе присоединенія къ Пермской епархіи Вологодскихъ церквей. Это произошло въ 1492 г., при преемникѣ св. Іоны епископѣ Филоѣѣ (1471—1501). Перенесеніе епи-

скопской кафедры въ Вологду совершалось впрочемъ постепенно, не вдругъ. Преемники Филовея—епископы Никонъ (1502—1508), Стефанъ (1508—1514), Протасій (1514—1520), Пимень (1520—1524), Алексій (1525—1543), Аванасій (1543—47), Кипріанъ (1547—58) и Іоасафъ (1558—1570) часто проживали въ Вологдѣ, именуясь со времени Филовея, именно съ 1492 года, епископами „Пермскими и Вологодскими“, но все-таки главной резиденціей своей продолжали считать Усть-Вымъ, такъ какъ и въ титулѣ ихъ наименованіе „Пермскій“ предшествовало другому—„Вологодскій“. Но частое проживаніе въ Вологдѣ въ концѣ концовъ обратилось въ постоянное. При епископѣ Макаріи (1570—1576) Іоаннъ IV, нерѣдко прїѣзжавшій въ Вологду, присоединилъ въ 1571 г. къ его Пермско-Вологодской епархіи церкви Двинской области и городъ Холмогоры. Это заставило епископовъ *навсегда* покинуть Усть-Вымъ и переселиться въ Вологду. Такъ какъ роли этихъ городовъ теперь перемѣнились, то—соотвѣтственно—перемѣнился съ 1571 г. и титулъ епископа на „Вологодскій и Пермскій“. Такъ же титуловался и преемникъ Макарія, епископъ Варлаамъ (1576—1584)*).

Тѣмъ временемъ на востокъ Россіи послѣдовали политическія событія особенной важности: горсть отважныхъ казаковъ съ Ермакомъ Тимоѣевичемъ во главѣ, при матеріальномъ содѣйствіи Строгановыхъ, покорила Россійской державѣ Сибирское царство Кучума. Русскимъ открылся широкій путь для экспорта произведеній Азіи въ Европу и наоборотъ; русскіе колонизаторы перешагнули чрезъ Уралъ и стали прочною ногою на почвѣ богато одаренной отъ природы Сибири. Транзитный путь, пролегавшій чрезъ Пермь

*) *Лыткинъ*: «Пятистлѣтіе Зырянскаго края» въ «Журн. Министер. Народ. Просвѣщ.», 1883 г., декабрь, стр. 306—307.

Протоіерей *Евгеній Поповъ*: «Великопермская и Пермская епархія». Пермь, 1879 г., стр. 291—292.

Великую изъ Европейской Россіи въ Сибирь, получаетъ важное государственное значеніе, и въ Чердыни, какъ крайнемъ значительномъ Приуральскомъ городѣ, учреждается таможня *).

Всѣ эти условія способствовали усиленію административнаго значенія Чердыни и окончательно убили нѣкогда важный городъ Усть-Вымъ, переставшій имѣть значеніе центра управленія и церковнаго, и гражданскаго. Въ отношеніи церковнаго управленія центръ тяжести естественно перемѣстился изъ Перми Старой въ Пермь Великую (Чердынь), съ Вычегды—въ бассейнъ Камы. По этимъ-то причинамъ и прежній титулъ Вологодско-Пермскихъ епископовъ опять пришлось измѣнить на титулъ епископовъ „Вологодскихъ и *Великопермскихъ*“, каковымъ *впервые* подписался въ 1584 году упомянутый выше епископъ Варлаамъ, а потомъ стали подписываться и его преемники—епископъ Антоній (1585—87), архіепископы Іона (1588—1603), Іоасафъ (1603—1609) и дальнѣйшіе.

Такъ Пермь Великая затмила постепенно Пермь Вычегодскую, а Чердынь—Усть-Вымъ. Не ясно-ли, что изъ титулованія епископовъ „Великопермскими“ никоимъ образомъ нельзя выводить заключенія, что подъ Великой Пермью разумѣлась вся Пермская страна какъ Вычегодская, такъ и Прикамская. Напротивъ, это титулованіе доказываетъ еще разъ, что „Пермь“ и „Пермь Великая“—не одно и то же, что первая находилась на Вычегдѣ, а вторая на Камѣ и ея притокахъ. А потому, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ г. Лыткинъ, *неправильно* называютъ часто просвѣтителя Зырянъ св. Стефана „Великопермскимъ“—неправильно потому, что въ Великой Перми онъ никогда не бывалъ. И дѣйствительно, во всѣхъ достовѣрныхъ источникахъ агиографіи св. Стефанъ

*) Съ основанія Верхотурья въ 1598 г. главная таможня находилась въ немъ, но въ Чердыни и Соликамскѣ оставались все таки «таможенные избы» (см. писцовыя книги Кайсарова 1623—24 г.г.)

всегда именуется епископомъ *Пермскимъ*, а не „Великопермскимъ“, такъ какъ это—не одно и тоже.

Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что въ исторіи церковнаго управленія Перми Великой нужно различать слѣдующіе періоды:

1. Епархія <i>Пермская</i> съ 1462 до 1492 г.	} Каѳедра въ Усть-Вымѣ.
2. <i>Пермская</i> и <i>Вологодская</i> 1492—1571	
3. <i>Вологодская</i> и <i>Пермская</i> 1571—1584	} Каѳедра въ Вологдѣ.
4. <i>Вологодская</i> и <i>Великопермская</i> 1584—1658	

Въ 1658 году Великая Пермь въ церковномъ отношеніи была отдѣлена отъ Вологды и присоединена къ Вятской епархіи, епископы которой стали называться „Вятскими и Великопермскими“, что продолжалось до 1800 года, когда Пермская губернія составила совершенно самостоятельную епархію. Причиной отдѣленія Перми Великой отъ Вологды была какъ отдаленность ея отъ этого города, такъ и обширность самой Вологодской епархіи.

Съ XVI вѣка Пермь Великая имѣла преимущество предъ Пермью Вычегодской и въ отношеніи числа монастырей и церквей. Монастыри ея не были столь древни, какъ Вычегодскіе, но, возникнувъ въ позднѣйшее время, они скоро превзошли ихъ богатствами и внѣшнимъ благолѣпіемъ. На Вычегдѣ и ея притокахъ еще самъ Пермскій первосвятитель основалъ три монастыря: Спасскій въ Усть-Сысольскомъ уѣздѣ, на правомъ берегу Вычегды, гдѣ нынѣ находится Троицко-Стефано-Ульяновскій монастырь; Стефановскій на р. Сысолѣ въ нынѣшнемъ селѣ Вотчѣ и Архангельскій въ нынѣшнемъ Яренскѣ—оба не существуютъ нынѣ. Всѣ эти монастыри съ теченіемъ времени, особенно послѣ переселенія мѣстныхъ владыкъ въ Вологду, пришли въ упадокъ и обѣднѣли, не смотря на то, что были дѣломъ рукъ самого св. Стефана. Они находились въ глухомъ, отдаленномъ краѣ, среди бѣднаго зырянскаго населенія, и потому не находили

достаточнаго обезпеченія для своего существованія*). Не то было въ Перми Великой. Не смотря на то, что она приняла крещеніе почти на столѣтіе позже, тамъ въ XVI в. существовали уже многіе монастыри. Въ самый годъ крещенія (1462—63) въ Чердыни основанъ былъ Іоанно-Богословскій монастырь, упраздненный только при введеніи штатовъ 1764 года. Мы видѣли, что въ 1580 году онъ получилъ важную грамоту, опредѣлявшую его самоуправленіе, а около 1630 г. перешелъ въ вѣдѣніе Троице-Сергіевой лавры**). Въ 1558—60 г.г. возникаетъ знаменитый Спасо-Преображенскій монастырь на Пыскорѣ, строенье Строгановыхъ, впослѣдствіи сдѣлавшійся ставропигіальнымъ и затмившій собою все другіе монастыри Перми Великой. О немъ мы уже говорили довольно. Въ томъ же вѣкѣ возникаетъ Вознесенскій монастырь въ г. Соликамскѣ и Успенскій на Чусовой, о коихъ также была рѣчь. Въ XVII в. возникаютъ вновь Архангельскій женскій монастырь въ Соликамскѣ и Успенскій дѣвичій въ Чердыни, Введенскій мужской на р. Яйвѣ и Богородицкій Успенскій на Верхъ-Язвѣ близъ запатнаго города Обвинска—оба въ нынѣшнемъ Соликамскомъ уѣздѣ. Не перечисляю уже разныхъ пустыней, разновременно возникавшихъ тамъ и сямъ на обширномъ пространствѣ Перми Великой. Такимъ образомъ уже въ XVI в. Пермь Великая имѣла 4 обители, изъ которыхъ Пыскорская одна могла поспорить своими богатствами со всеми монастырями Вычегодекаго края. Не даромъ же этому монастырю даровано было широкое самоуправленіе со всеми его вотчинами, а его архимандритамъ — исключительное въ своемъ родѣ право контроля надъ всеми церквами Перми Великой. Ко всему сказанному нужно прибавить, что Чердынь и Соликамскъ еще въ XVI вѣкѣ были обильно украшены храмами. А когда Строгановы

*) Есений Поповъ: «Святитель Стефанъ Великопермскій». Пермь. 1885 г., стр. 77—78.

**) Это было при настоятелѣ Герасимѣ, о назначеніи коего см. грамоту 1630 г. въ «Актахъ Историческихъ», т. III, стр. 289—290.

начали дѣятельно колонизировать пожалованныя имъ обширныя Великопермскія вотчины, то во всѣхъ основанныхъ ими слободахъ появились новыя церкви, иногда по нѣсколько въ одномъ селеніи, наприм. въ Орлѣ и Новомъ Усолѣ. При такихъ условіяхъ въ XVI в. Перми Вычегодской слишкомъ трудно, даже невозможно было конкурировать съ Пермью Великой и въ церковномъ, и въ гражданско-административномъ отношеніи. И она дѣйствительно въ XVI в. совсѣмъ ступсевалась предъ своей соименной сосѣдкой, лишившись даже старинной епископской каѳедры и упоминанія въ титулѣ Вологодскихъ владыкъ.

Указавъ отношеніе Перми Великой къ Усть Вому, Вологдѣ и Виткѣ въ разное время и тѣмъ еще разъ подтвердивъ наше основное положеніе о географической обособленности Перми Чусовой отъ Перми Вычегодской, мы не будемъ пускаться въ дальнѣйшія подробности церковнаго управленія Перми Великой, что можетъ составить предметъ особой монографіи. Замѣтимъ только, что для характеристики духовно-нравственнаго состоянія Пермской паствы въ первое время по крещеніи Перми Великой лучшей, важнѣйшей источникъ составляютъ извѣстныя уже намъ два посланія митрополита Симона 1501 г. Каковы въ общемъ были мѣстные пастыри и порученное имъ стадо—достаточно видно изъ слѣдующихъ горькихъ укоровъ митрополита: „Яко же слышу о васъ, что деи о церковномъ исправленіи и о своемъ спасеніи нерадите, и о своихъ дѣтяхъ духовныхъ небрежете, и душевныя пользы не ищите. *Да и прежде деи сего Пермскій епископъ Филофей неединово посылалъ къ вамъ свои грамоты о томъ же*, неучая васъ, чтобы есте отъ ранояденія и отъ питья воздержались, а дѣтей бы есте своихъ духовныхъ, новокрещенныхъ христіанъ, учили всяко закону Божию, вѣрѣ христіанской: *и вы деи о всѣхъ сихъ небрежете и отъ епископа своего божественныхъ писаній поученія не внимаете*“^{*)}).

^{*)} «Акты Историческіе», I, № 112.

Переходя къ исторіи гражданскаго управленія въ Перм Великой, прежде всего нельзя не сознавать, что насколько хорошо разработана церковная исторія Перми вообще, настолько темна исторія гражданскаго управленія Пермскою страной до XVI столѣтія. Причина этого, конечно, та, что христіанство, а съ нимъ и церковное управленіе начинается здѣсь только съ исхода XIV вѣка, тогда какъ гражданскій строй жизни устанавливается въ Пермскомъ краѣ съ глубокой древности, теряется во мракъ Новгородскаго періода исторіи и можетъ быть поэтому какъ-то мало занималъ всѣхъ изслѣдователей древней Перми. Важнѣйшій источникъ для первоначальной исторіи христіанства въ этой странѣ: *„Слово о житіи и ученіи святого отца нашего Стефана, бывшаго въ Пермі епискупа“* *) преподобнаго Елифанія Премудраго, современника Стефанова, написанное въ 1396—1397 г.г., къ сожалѣнію, почти ничего не сообщаетъ намъ о гражданскомъ устройствѣ и управленіи Пермскаго края. Источники Новгородской исторіи, какъ мы знаемъ, также очень не щедры на подробности и во всякомъ случаѣ не достаточны при изученіи гражданскаго управленія Перми до подчиненія ея Московскимъ государямъ. Такимъ образомъ древнюю исторію Пермской земли до XVI вѣка приходится возстановлять по разнымъ другимъ источникамъ, вообще болѣе и менѣе скуднымъ въ данномъ вопросѣ. Попробуемъ извлечь изъ нихъ все, что таѣ или иначе освѣщаетъ далекое прошлое въ гражданской жизни Пермской страны во всемъ ея объемѣ.

Въ политической жизни древней Пермской страны было несомнѣнно три главныхъ періода: 1) періодъ полной политической автономіи, 2) періодъ Новгородской зависимости и 3) періодъ Московской зависимости и полного обрусѣнія края. Это дѣленіе установлено нами въ самомъ началѣ

*) Въ «Памятникахъ старинной русской литературы», издаваемыхъ графомъ Кушелевымъ-Безбородко, вып. 4, СПб. 1862 г., подъ редакціей Н. И. Костомарова, стр. 119—172.

изслѣдованія и имѣть вполнѣ научное, историческое основаніе. Гдѣ грани этихъ періодовъ, какъ долго продолжался каждый изъ нихъ—на эти вопросы мы также дали *приблизительные* отвѣты, при скудости положительныхъ, достовѣрныхъ данныхъ. Теперь сообщимъ нѣкоторыя подробности.

Въ глубокой древности Пермь, подобно Югрѣ, управлялась *независимо* своими князьями. Но между тѣмъ какъ князья *Югорскіе* въ I Новгородской лѣтописи упоминаются еще подъ 1193 годомъ*), о *Пермскихъ князьяхъ* мы не встрѣчаемъ въ источникахъ никакого упоминанія до похода въ Пермь Великую московской рати Федора Пестраго и Гаврила Нелидова въ 1472 году. Не смотря на болѣе близкое къ Новгороду географическое положеніе Перми сравнительно съ Югрой, первоначальная исторія первой намъ еще менѣе извѣстна, нежели исторія второй. Нельзя сомнѣваться лишь въ одномъ, что *Пермь подчинилась Новгородской зависимости раньше Югры*, такъ какъ походы въ Югру, древнѣйшимъ изъ которыхъ считается походъ 1096 года, рассказанный Новгородцемъ Гюрятою, несомнѣнно совершались чрезъ Пермскую землю, гдѣ лежалъ удобнѣйшій путь на Печеру и далѣе—за Уралъ. Если первый изъ извѣстныхъ по лѣтописи зауральскихъ походовъ Новгородцевъ былъ въ 1096 г., то первоначальное подчиненіе Перми Новгороду совершилось еще раньше. И дѣйствительно, первоначальная лѣтопись, перечисляя народы, помѣщаетъ Пермь и Печеру въ числѣ народовъ, *уже платившихъ дань русскимъ*, а подъ 1092 г. Печера ясно указывается народомъ, дающимъ дань Новгороду. Но такъ какъ на Печеру Новгородцы могли проникнуть чрезъ Пермь, то отсюда необходимо заключить, что *Пермь подчинилась зависимости отъ Новгорода еще до 1092 года*. Опредѣленное же указаніе на Пермь, какъ волость Новгородскую, мы встрѣчаемъ въ первый разъ только въ двухъ

*) «Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей», т. III, стр. 21—22.

древнѣйшихъ договорныхъ грамотахъ Новгорода 1263 года*). О насильственномъ подчиненіи Новгородомъ своей зависимости Заволочья, Перми, Печеры и Югры мы подробно говорили уже въ III главѣ, гдѣ шла рѣчь о древнихъ восточныхъ торговыхъ путяхъ.

„Извѣстія о способѣ владѣнія Новгорода отдаленною Пермскою землею до того скудны, справедливо замѣчаетъ Н. И. Костомаровъ, что нѣтъ возможности вывести что нибудь точное. Кажется, что оно ограничивалось собираніемъ дани посредствомъ даньщиковъ, которые посылались Новгородомъ. Они ходили по странѣ вооруженными отрядами и брали у туземцевъ, что могли взять, соображаясь съ тѣмъ, что предположено въ Новгородѣ. *Своебытность Перми не нарушалась Новгородцами: Пермь управлялась своими князьями до послѣднихъ временъ..... Новгородскихъ поселеній, сколько извѣстно, тамъ не было.* Впродолженіи вѣковъ, ограничиваясь сборомъ дани съ Перми, Новгородцы не заботились о распространеніи тамъ христіанской вѣры. Пермяки спокойно поклонялись идолу—Золотой Бабѣ, солнцу, водѣ, камнямъ, деревьямъ, бысамъ, козламъ и вѣрили своимъ колдунамъ (шаманамъ), которые отгадывали будущее, подавали совѣты при начинаніи дѣла и умоливали боговъ въ несчастіи. Только въ концѣ XIV в. св. Стефанъ проповѣдалъ христіанство между Пермьями, изобрѣлъ для пермскаго языка азбукѣ и перевелъ на него евангеліе“**). Вотъ все, что могъ сказать о Новгородскомъ періодѣ Пермской страны такой знатокъ исторіи Новгорода Великаго, какъ Н. И. Костомаровъ. Такъ скудны наши познанія объ этомъ далекомъ прошломъ Перми.

Около трехъ столѣтій длилась эта зависимость Перми отъ Новгорода Великаго, пока у самого Новгорода не явился опасный соперникъ въ лицѣ Москвы. Постепенный политическій ростъ Московскаго государства еще съ конца XIV

*) «Собраніе Государственныхъ грамотъ и договоровъ» I. № 1.

**) «Сѣвернорусскія народоправства», I, 412.

вѣка сталъ угрожать неприкосновенности Новгородскихъ владѣній на русскомъ сѣверо-востокѣ, а въ слѣдующемъ столѣтїи политическіе интересы Москвы и Новгорода должны были неизбѣжно столкнуться въ стремленїи обоихъ ихъ къ одной и той же цѣли въ отношенїи Заволочья, Перми, Печеры и Югры. И Москва, подобно Новгороду, считала важнымъ для себя обладаніе этими далекими странами съ рѣдкимъ инородческимъ населеніемъ, но значительными естественными богатствами, общавшими въ будущемъ выгодный для государства экспортъ, нѣкогда служившій главнымъ источникомъ обогащенія Новгородцевъ. Зная слабую зависимость этихъ далекихъ земель отъ Новгорода, Московскіе государи начали съ нихъ свою долгую наступательную войну съ Новгородомъ, дабы, вырвавъ изъ рукъ Новгорода главный источникъ его богатства, тѣмъ самымъ обезсилить постепенно его самого и затѣмъ уже безъ особеннаго труда положить конецъ и его собственной политической независимости. Эта дальновидная политика Москвы по отношенію къ Новгороду начинается задолго до Іоанна III. Разъ задавшись такой идеей, Москвитяне съ свойственной имъ настойчивостью осуществляютъ мысль на дѣлѣ и направляются въ далекія Новгородскія волости по путямъ, давно проложеннымъ самими же Новгородцами. Постепенно, въ теченіе довольно долгаго періода времени, Москва побѣдила Новгородъ его же оружіемъ!

По отношенію къ Перми сказанное нами подтверждается лучше всего Епифаніевымъ житіемъ св. Стефана 1396—97 г.г. Хотя Вычегодская Пермь окончательно уступлена Новгородомъ Москвѣ по *отказной грамотѣ* на Двинскую землю отъ 11 августа 1471 года*), а Пермь Великая Чусовая завоевана воеводами Іоанна III въ 1472 году, но московская власть начала утверждаться въ Пермской странѣ гораздо раньше, по крайней мѣрѣ на цѣлое столѣтіе, — утверждаться

*) Этотъ важный документъ вмѣстѣ съ тремя списками Двинскихъ земель напечатанъ въ «Актахъ Археографической Экспедиціи», т. I, СПб. 1836 г., стр. 72—75.

такъ же *насилъственно*, какъ нѣкогда и власть новгородская. Способъ владѣнія Новгородцевъ Пермью можно усмотрѣть изъ словъ житія: „Но и сами ти (тии) *Новгородци, ушкуй-ници, разбойници* словесы его (св. Стефана) увѣщевании бываху, еже не воевати ны“ *). Такъ какъ во времена св. Стефана въ Перми еще продолжался Новгородскій періодъ исторіи, то эти слова совершенно естественны въ памятникѣ XIV вѣка. Но тотъ же памятникъ, писанный почти за столѣтіе до совершеннаго покоренія Перми Москвою, нѣчто подобное говоритъ и о Москвитинахъ. Вотъ какія слова Епифаній влагааетъ въ уста извѣстнаго сотника Пермскаго Пама: „*Отъ Москвы можетъ-ли что добро быти намъ (Пермякамъ)? Не оттуда-ли намъ тяжести быша, и дани тяжкія, и насилство, и живуні, и довоицици и пристав-ници?* Сего ради не слушайте его (т. е. Стефана, пришедшаго изъ Москвы), но мене паче послушайте, добра вамъ хотящаго; азъ бо есмь родъ вашъ и единая земля“ **). Эти слова, сказанныя человѣкомъ XIV вѣка, неопровержимо доказываютъ, что уже и въ то время Москва начала налагать свою руку на старинную Новгородскую волость Пермь, что это посягательство Москвы на землю Пермскую началось еще до прихода въ нее св. Стефана, проповѣдь котораго, усердно поддерживаемая митрополитами и великими князьями Московскими, была только новымъ торжествомъ Московской политики, дальнѣйшимъ, весьма важнымъ, шагомъ въ дѣлѣ утвержденія Московскаго вліянія на берегахъ Вычегды и ея притоковъ.

Итакъ трудно сказать съ желательной точностью, когда именно Вычегодская Пермь признала впервые Московскую зависимость. Уже въ перемирной грамотѣ Василия II съ польскимъ королемъ Казиміромъ 1449 г. Московскій государь титулуется между прочимъ „Ростовскимъ и *Пермскимъ*“. Въ

*) «Памяти. старин. русской литерат.», вып. 4-й, стр. 160.

**) *ibidem*, стр. 138.

подобной же грамотѣ Іоанна III съ королемъ Александромъ 1494 г. первый названъ „Югорскій, Пермскій и Болгарскій“, хотя окончательное покореніе Югры послѣдовало позже. Въ посланіи митрополита Іоны къ Вятчинамъ около 1452 года Сысола, Вымь и Вычегда названы „вотчиной великого князя“ Московскаго *).

Изъ договорной грамоты Новгорода съ Василиемъ II отъ 1434 года ясно однако видно, что въ этомъ году Новгородъ не потерялъ окончательно своей власти надъ Пермью, но, имѣя въ ней своихъ намѣстниковъ, уступалъ въ пользу Москвы часть своихъ доходовъ съ Пермской земли. „А что волостей Ноугородскихъ всѣхъ ти не держати своими мужми, а держати мужми Ноугородскими, а даръ имати отъ тѣхъ волостей. А безъ посадника ти, княже, суда не судити, ни волостей роздавати, ни грамотъ давати..... А се ти, княже, и волости Ноугородскыя: Волокъ со всѣми волостями, Торжекъ, Бѣжици, Городецъ, Палець, Шишино, Мелеча, Югна, Заволочье, Тиръ, Пермь, Печера, Югра, Вологда“ **).

Наконецъ въ 1471 году изъ Новгорода Великаго, „съ вѣча съ Ярославля двора“, послѣдовала окончательная отказная грамота въ пользу Москвы на Пинегу, Кевролу, Чаколу, Пермскія волости, Мезень, Пиліи горы, Немьюгу, Пинежку, Вью и на „Суру на поганую“ ***). Въ третьемъ спискѣ Двинскихъ земель при перечисленіи разныхъ волостей, отходившихъ къ Москвѣ, между прочимъ замѣчено: „А что Важка, то исконное мѣсто великаго князя Вычегодское, Пермики“ ****). Эта волость, слѣдовательно, раньше всѣхъ другихъ Двинскихъ земель перешла въ руки Москвы. Изъ того же третьяго списка Двинскихъ земель видно, что Новгородцы долго сопротивлялись отдачѣ своихъ давнишнихъ

*) «Описаніе Румянцевскаго Музея» № LXXIII, л. 71 и 76. Акты Историческ. I, № 261.

**) «Акты Историческіе», т. I, № 258, стр. 487.

***) «Акты Археографической Экспедиціи», т. I, № 93.

****) «Акты Археографической Экспедиціи», т. I, № 94, стр. 75.

владѣній Московскимъ государямъ и не разъ выгоняли оттуда Московскихъ волостелей. „И на Кегроль да на Чакаль, говорится въ документѣ, *сдѣль отъ великаго князя волостель Кузма Коробынъ лѣтъ съ семь. А на Мезени, да на Пермь-скихъ, да на Немьюзѣ, да на Пилиихъ горахъ сдѣль Ярецъ: и Немьюгу да Пилии горы еще при великомъ князи при Василии Новгородцы отняли, а Ярия сослали. А послѣ того на Кегроль, и на Чякаль, и на Пермьскихъ, и на Мезени сдѣль Федоръ Борисовичъ Брюхо, а послѣ того сѣдѣль на томъ же на всемъ Юрій Захаричъ, а послѣ Юрія Иванъ Гавриловъ на томъ же сѣдѣль на всемъ: и Новгородцы, пришедъ на семь лѣтъ (1471), городокъ Кегрольской сожгли, а съ Чяколского городка окупъ взявъ, да Иванова тиуна Гаврилова били и людей его бивъ да и переграбили, а тѣ волости всею поотоймали за себя“^{*)}).*

Такъ упорно стоялъ Новгородъ за свои старинныя права, прежде чѣмъ волею-неволею долженъ былъ навсегда смириться предъ Москвой. Ярецъ, Брюхо, Юрій Захарьевъ и Иванъ Гавриловъ—первые представители Московской власти въ Вычегодской Перми, извѣстные намъ по источникамъ. Не извѣстно, была-ли дана въ слѣдующемъ 1472 г. Новгородомъ Іоанну III такая же „отказная грамота“ на Великопермскія земли. Должно думать, такой грамоты вовсе не было, такъ какъ Пермь Великая взята была оружіемъ. Отрѣзанная совершенно отъ Новгорода въ 1471 году, вслѣдствіе перехода Перми Вычегодской въ руки Москвы, Пермь Великая Чусовая въ послѣдній годъ Новгородскаго періода своей исторіи, повидимому, управлялась ни отъ кого независимо своими князьями. Въ 1472 г. Москва имѣетъ дѣло исключительно съ Пермскими князьями, помимо всякаго вмѣшательства Новгорода въ это дѣло.

Итакъ переходъ отъ Новгородской зависимости къ Московской въ Перми совершался постепенно, пока въ 1471

^{*)} ibidem, I, № 94, стр. 74—75.

юду Новгородъ не принужденъ былъ окончательно уступить Вычегодскую Пермь Москвѣ, а въ 1472 г. отказаться въ ея же пользу и отъ Перми Великой Чусовой.

Со вступленіемъ въ Московскій періодъ, мы встрѣчаемъ въ источникахъ все большія подробности о Пермской странѣ. Дальнѣйшая историческая ея судьба проясняется все больше, но всей желательной полноты данныхъ мы все таки не находимъ и въ источникахъ Московскаго періода. И тутъ о многомъ приходится судить только по догадкамъ, изъ сопоставленія разныхъ данныхъ выводить болѣе или менѣе вѣроятныя заключенія. Прежде всего мы разумѣемъ здѣсь вопросъ о загадочныхъ Пермскихъ князьяхъ. Какова была ихъ генеалогія, время и мѣсто жительства, объемъ автономной власти и отношеніе сначала къ Новгороду, потомъ къ Москвѣ? Все это — темныя мѣста въ исторіи Перми, требующія историческаго освѣщенія. Попытаемся сдѣлать для этого все, что позволяютъ находящіеся въ нашихъ рукахъ источники и пособія.

По аналогіи съ Югрой и на основаніи мѣстныхъ пермяцкихъ и русскихъ преданій, связанныхъ съ разными мѣстностями, можно заключить, что въ Перми Вычегодской и Чусовой туземные князья существовали съ древнѣйшихъ временъ. Но мы не знаемъ ни одного Пермскаго князя — язычника, знаемъ только князей съ христіанскими именами, слѣдовательно жившихъ никакъ не ранѣе второй половины XIV столѣтія. Самый важный мѣстный источникъ, изъ котораго мы узнали эти имена, есть синодикъ древнѣйшаго Іоанно-Богословскаго монастыря въ Чердыни, о началѣ котораго уже была рѣчь. Синодикъ этотъ сохранился, къ счастью, въ Богоявленской церкви города Чердыни, къ которой приписана церковь Іоанна Богослова, по упраздненіи монастыря при введеніи штатовъ 1764 года. Я видѣлъ этотъ важный памятникъ старины въ бытность въ Чердыни въ 1883 году.

Не берусь точно указать время его происхожденія, но судя по четкому, красивому уставному письму и одной хронологической датѣ на первыхъ его страницахъ, я отношу его начало къ XV вѣку. По внѣшнему виду онъ напоминаетъ собою старинную богослужебную книгу большого формата. Въ него внесены многія имена монашествующихъ и Чердынскихъ гражданъ, погребенныхъ вѣроятно на монастырскомъ кладбищѣ, вокругъ Иоанно-Богословской церкви, при чемъ записи велись въ разное время разными руками, но впереди всѣхъ ихъ сдѣлана слѣдующая важнѣйшая записъ:

„Богоспасаемаго града Чердыни, обители Вознесенія Господня, Иоанна Богослова общежитія монастыря, монастырскіе быша начальники, лѣта 6985 (т. е. 1477) января въ 6 число, — помяни Господи души преставльшихся: архимандритъ Діонисій, игумены и строители; помяни Господи души *Великопермскихъ князей и княгинь: князя Михаила Пермскаго, убитъ отъ Вогуличей, князя Владимира Пермскаго, князя Иоанна Пермскаго, князя Ермолая Вымскаго, князя Василия Вымскаго, князя Федора Вымскаго, князя Иоанна Пермскаго, убитъ отъ Вогуличей, князя Дмитрія Пермскаго, князя Константина Пермскаго, князя Андрея Великопермскаго, князя Матвѣя Пермскаго, княгини Анны, княгини Ксеніи, княгини Анастасіи Великопермскія*“.

Этотъ самый списокъ 14 Пермскихъ князей и княгинь, заимствованный изъ древняго монастырскаго синодика, въ концѣ прошлаго вѣка найденъ былъ въ видѣ особаго реестра въ архивѣ Чердынскаго магистрата, при разборѣ этого архива въ 1786 и 1787 г.г., сдѣланномъ по предписанію тогдашняго Пермскаго и Тобольскаго генераль-губернатора Евгенія Петровича Кашкина, согласно Высочайшему повелѣнію. Когда и зачѣмъ былъ сдѣланъ этотъ реестръ, хранившійся въ архивѣ, неизвѣстно. Самый реестръ вмѣстѣ съ древней копіей „Великопермской уставной грамоты Чердынцевъ и Усольцевъ XVI вѣка“ и многими другими наиболѣе важными

и древними документами, хранившимися въ томъ же архивѣ Чердынскаго магистрата, былъ отправленъ въ Петербургъ въ 1787 г. Къ счастью, кто-то успѣлъ снять копію съ реестра Пермскихъ князей, а равно и съ уставной грамоты, благодаря чему оба документа не пропали безслѣдно. *Н. С. Поповъ*, составлявшій около того времени по порученію Вольнаго Экономическаго Общества „Хозяйственное описаніе Пермской губерніи“, вышедшее первымъ изданіемъ въ Перми, въ 2-хъ большихъ томахъ, въ 1804 году, — *первый* напечаталъ этотъ реестръ во II томѣ своего труда (примѣчаніе на страницѣ 265)*), а въ 1821 г. извѣстный *В. Н. Берхъ* перепечаталъ его (почему-то съ пропускомъ имени седьмаго князя Іоанна Пермскаго) и „Уставную грамоту XVI вѣка“ въ своемъ „Путешествіи въ Чердынь и Соликамскъ“. Но странно, что ни тотъ, ни другой не знали о существованіи первоисточника реестра — древняго монастырскаго синодика, откуда первоначально и былъ несомнѣнно заимствованъ списокъ Пермскихъ князей, судя по дословному сходству его, съ соблюденіемъ самаго порядка и титулованія князей и княгинь, со спискомъ *Н. С. Попова*. Да и изъ всѣхъ позднѣйшихъ изслѣдователей Перми на этотъ важный источникъ по исторіи Перми Великой обратилъ вниманіе только одинъ *В. Н. Шишонко*, сообщившій о немъ свѣдѣніе въ первомъ же примѣчаніи къ первому изданію Чердынскихъ писцовыхъ книгъ Яхонтова 1878 года (въ „Пермск. Губерн. Вѣдомост.“).

Когда же и гдѣ жили упоминаемые древнимъ синодикомъ 14 Пермскихъ князей и княгинь? Списокъ ихъ со всѣмъ не даетъ какихъ-либо хронологическихъ датъ, почему время ихъ жизни можно опредѣлить только при помощи другихъ источниковъ. Изъ сопоставленія данныхъ лѣтописей,

*) Къ сожалѣнію, *Н. С. Поповъ* не объяснилъ, куда именно, въ какое Петербургское учрежденіе были вытребованы въ 1786—87 г.г. важнѣйшіе въ историческомъ отношеніи документы Чердынскаго архива? Въ Петербургѣ, повидимому, такъ и пропали всѣ они, или и теперь лежатъ гдѣ нибудь никому не извѣстными.

нѣкоторыхъ царскихъ грамотъ и извѣстныхъ намъ двухъ посланій митрополита Симона можно съ большою вѣроятностью приурочить время ихъ жизни къ XV вѣку. Прежде всего обратимъ вниманіе на ихъ христіанскія имена, занесенныя для вѣчнаго поминанія въ монастырскій синодикъ. Въ царской же грамотѣ отъ 10 августа 1580 г. о неприкосновенности угодій Чердынскаго Богословскаго монастыря, которому принадлежалъ синодикъ, упоминаются въ числѣ монастырскихъ земель „за Богословскимъ же монастыремъ князь *Матвѣевскій Великопермьскіе* пустыя земли и лѣса и лука“ *), несомнѣнно завѣщанные монастырю по древнему благочестивому обычаю. Это одно уже дастъ намъ указаніе на то, что въ синодикѣ идетъ рѣчь о *князьяхъ, жившихъ въ Чердыни послѣ крещенія Перми Великой въ 1462—63 г.г.* Впрочемъ время жизни одного изъ нихъ точно указано въ посланіи митрополита Симона 1501 г. на имя князя *Матвѣя Михайловича Пермскаго*, „великаго князя слуги“ **), — посланіи, писанномъ въ Чердынь, какъ мы говорили уже объ этомъ въ концѣ предыдущей главы. Такимъ образомъ одинъ и тотъ же князь именуется въ одномъ актѣ „Пермскимъ“, въ другомъ „Великопермскимъ“, потому что и самая „Пермь Великая“, какъ часть Перми вообще, именовалась часто просто „Пермью“ (часть вмѣсто цѣлаго, наоборотъ не могло быть). *Есть полное основаніе думать, что Пермскіе князья-христіане жили въ Чердыни, идѣю Иоанно-Богословскій монастырь былъ ихъ родовой усыпальницей*, хотя на монастырскомъ кладбищѣ чрезъ 400 лѣтъ и не осталось никакихъ признаковъ княжескихъ могилъ. Этимъ нужно объяснить духовную близость князей къ монастырю и наоборотъ: князья даютъ въ пользу монастыря земли и угодья, а монастырь вѣчно молится за нихъ, какъ за своихъ исконныхъ радѣтелей. Вѣдь не давали же Пермскіе князья земель другимъ

*) «Акты Историческіе», т. I, стр. 397.

**) *ibidem*, I, стр. 168.

монастырямъ и церквамъ, коихъ въ XV в. на Вычегдѣ было болѣе, нежели въ Перми Великой. Строгановы подобнымъ образомъ покровительствовали Пыскорскому монастырю, какъ „своему строенью“. Но Чердынскій монастырь былъ основанъ четвертымъ преемникомъ св. Стефана, епископомъ Іоною. „Лѣта 1463 г., Іона, епископъ Пермскій, крести Великую Пермь и князя ихъ и церкви постави, иконы и поны“, говорятъ лѣтописи. *Карамзинъ* думаетъ, что здѣсь разумѣется отецъ Матвѣя, первый извѣстный намъ Пермскій князь Михаилъ *). Досто вѣрно извѣстно, что въ первые годы по завоеваніи Перми Великой въ 1472 г., этотъ Михаилъ, какъ вассалъ Іоанна III, жилъ въ Покчѣ, что въ 5 верстахъ отъ Чердыни. Я убѣжденъ, что по смерти онъ погребенъ былъ въ самой Чердыни, въ Богословскомъ монастырѣ, въ синодикѣ котораго его имя поставлено первымъ въ ряду 14 именъ Пермскихъ князей и княгинь. Сынъ его Матвѣй на помятъ души своего родителя, по тогдашнему обычаю, завѣщалъ въ пользу монастыря землю, а впоследствии какъ самъ онъ, такъ и дальнѣйшіе его потомки были погребаемы тутъ же, въ обители Іоанна Богослова, ставшей ихъ усыпальницей.

Князь Михаилъ Пермскій, отецъ Матвѣя, былъ участникомъ двухъ важнѣйшихъ событій въ исторіи Перми Великой: со своимъ народомъ онъ принялъ святое крещеніе въ 1462—63 г.г. и чрезъ 10 лѣтъ онъ же долженъ былъ признать свою политическую зависимость отъ Іоанна III. О немъ-то и говоритъ Никоновская лѣтопись подъ 1472 годомъ: „а Гаврила Нелидова отпустилъ (князь Ѳеодоръ Пестрый) на нижнюю землю—на Урость и на Чердыню да на Почку на князя *Михаила*..... И отпущу послалъ князь Ѳеодоръ князя *Михаила* къ великому князю“..... Іоаннъ III, быть можетъ, по ходатайству тогдашняго митрополита за *перваго* Пермскаго князя-христіанина, позволилъ одѣлако Михаилу возвратиться

*) «Истор. Рос. Росс.», т. VI, см. «Дополнительныя выписки изъ лѣтописей» послѣ примѣчаній къ этому тому. Также см. «Пермскій Сборникъ», I, стр. 8.

въ Пермь Великую въ качествѣ его, великаго князя, *слуги*. По возвращеніи на родину, князь Михаилъ правилъ страной, какъ присяжникъ Іоанновъ, имѣя мѣстопробываніе въ 5 верстахъ отъ Чердыни въ городкѣ Покчѣ, по назначенію князя Ѳедора Пестраго, завоевателя Перми Великой. Состоя въ этомъ новомъ званіи, князь Михаилъ Пермскій, по словамъ синодика, былъ убитъ Вогуличами, не извѣстно, въ которомъ году. Мѣсто его занялъ сынъ Матвѣй *).

Такъ какъ вогульскіе набѣги на Пермь Великую въ XV и XVI в.в. повторялись многократно, то трудно сказать, когда именно погибъ первый Пермскій князь-христіанинъ. Во всякомъ случаѣ это было между 1472—1501 годомъ (въ этомъ году митрополитъ Симонъ писалъ уже Матвѣю Михайловичу), а за это время мы знаемъ набѣгъ Вогуловъ на Пермь Великую въ 1481 г., когда они проникли до Чердыни, но здѣсь потерпѣли пораженіе отъ Устюжанъ подъ начальствомъ Андрея Мишневъ **). Очень вѣроятно, что тотъ-то набѣгъ Вогуловъ и былъ роковымъ для Пермскаго князя Михаила. Относительно же сына его Матвѣя есть положительное извѣстіе, что онъ „былъ сведень съ Перми Великой“ въ 1505 году и замѣщенъ *первымъ русскимъ намѣстникомъ княземъ Василиемъ Андреевичемъ Ковромъ* ***).

Таковы наши свѣдѣнія о первыхъ двухъ Пермскихъ князьяхъ-христіанахъ, присяжникахъ Іоанна III. Далекое извѣстно намъ изъ источниковъ о прочихъ Пермскихъ князьяхъ, поименованныхъ въ Чердынскомъ синодикѣ. Сдѣлавъ общее наименованіе всѣхъ князей „Великопермскими“ (помяни, Господи, души *Великопермскихъ* князей и княгинь), синодикъ при частномъ перечисленіи именъ раздѣляетъ однако ихъ на три группы: 1) князь и княгини *Великопермскіе*:

*) Карамзинъ: «Исторія Государства Россійск.», изд. Смирдина, т. VI, стр. 56—57; Никоновская лѣтопись и Чердынскій синодикъ.

**) Соловьевъ: «Исторія Россіи», V, 94.

***) Карамзинъ, VI, 57; Соловьевъ, V, 94.

Андрей, Анна, Ксенія и Анастасія; 2) князья *Пермскіе*: Михаилъ, Владиміръ, Іоаннъ, другой Іоаннъ, Димитрій, Константинъ и Матвѣй; 3) князья *Вымскіе*: Ермолай, Василій и Теодоръ. Изъ другихъ источниковъ извѣстенъ еще одинъ *Вымскій* князь Петръ, современникъ Теодора *), и князь *Великопермскій* Матвѣй, сосланный изъ Москвы въ Верхотурье въ 1641 году **). Почему же всѣ они объединяются въ Чердынскомъ синодикѣ подъ общимъ названіемъ „Великопермскихъ“? Мы полагаемъ, что это указываетъ на одну княжескую фамилію или родъ, къ которому принадлежали всѣ эти князья и княгини; и такъ какъ, по всѣмъ даннымъ, главнымъ мѣстомъ ихъ жительства былъ *городъ Пермь Великая - Чердынъ*, гдѣ находилась и родовая ихъ усыпальница, то всѣ они въ этомъ смыслѣ и объединялись въ одномъ наименованіи *Великопермскихъ* князей.

Въ Черми Вычегодской, какъ и въ Великой, первое время по присоединеніи ея къ Москвѣ, также оставались туземные князья (до смерти Іоанна III) въ качествѣ *слугъ* великаго князя. Это было, слѣдовательно, между 1471—1505 г.г. Резиденціей ихъ на Вычегдѣ былъ, конечно, Усть-Вымъ, гдѣ въ то время находилась еще епископская каеодра. И дѣйствительно, другіе источники относятъ время жизни упомянутыхъ выше „Вымскихъ“ князей, названныхъ такъ по временному мѣсту жительства, къ означенному періоду времени. Вотъ факты:

Въ 1465 году Іоаннъ III велѣлъ Устюжанину Василю Скрибѣ воевать Югорскую землю. Съ нимъ отправились добровольцы и также князь *Василій Ермолаичъ Вымскій* съ Вымичами и Вычегжанами. Они привели Югорскую землю за великаго князя, доставивъ въ Москву двухъ Югорскихъ князей. Но Іоаннъ снова отпустилъ ихъ въ Югру, наложивъ

*) «Исторія Россіи» Соловьева, V, 95.

**) «Акты Историческіе», т. III, стр. 376—377, гдѣ см. грамоту о его сынкѣ 1641 года.

на нихъ дань, какъ въ 1472 г. поступилъ и съ Пермскимъ княземъ Михайломъ. Далѣе въ 1485 г. благодаря стараніямъ Пермскаго епископа Филофея, князья Югорскіе, такъ называемые Кодскіе-Молданъ, уже бывшій въ плѣну у Русскихъ, но вновь отпущенный на свободу, и трое другихъ заключили миръ подъ городомъ Усть-Вымомъ съ князьями *Вымскими Петромъ и Ѳеодоромъ*, съ Вычегодскимъ сотникомъ и владычнымъ слугою, клялись „лиха не мыслить и не нападать на Пермскихъ людей, а *предъ великимъ княземъ вести себя исправно*“, при чемъ, по своему обычаю, въ знакъ скрѣпленія данной клятвы, пили воду съ золота *). Изъ этихъ фактовъ очевидно, когда и при какихъ обстоятельствахъ жили всѣ четыре Вымскіе князя.

Время жизни прочихъ Пермскихъ князей и княгинь, поименованныхъ въ Чердынскомъ синодикѣ, достаточно ясно видно изъ хронологической даты самаго памятника, въ которомъ всѣ имена князей и княгинь приурочены къ одному 1477 году. Следовательно, *всѣ 14 князей и княгинь Пермскихъ, занесенныхъ въ синодикъ Чердынскаго Богословскаго монастыря, жили во второй половинѣ XVI и началѣ XVII вѣка*. Судя же по многочисленности ихъ рода и по факту упоминанія въ историческомъ документѣ 1641 года Великопермскаго князя Матвѣя,—родъ князей Пермскихъ продолжался впослѣдствіи еще долго. Это уже специальный вопросъ генеалогіи, не входящій въ задачу настоящаго изслѣдованія, имѣющаго своимъ предѣломъ первую четверть XVII вѣка.

Теперь намъ нужно прослѣдить до этого предѣла исторію гражданскаго управленія Пермь Великой при государевыхъ Московскихъ намѣстникахъ и воеводахъ, начиная съ перваго изъ нихъ, упомянутого выше, князя Василія Андреевича Ковра, т. е. съ 1505 года.

*) Соловьевъ, «Исторія», V, 94—95.

Въ предыдущей V главѣ мы уже во всѣхъ подробностяхъ прослѣдили постепенныя измѣненія въ административномъ раздѣленіи Перми Великой съ XV и до второй четверти XVII в. Какъ сказано было, въ Новгородскомъ періодѣ въ Перми Великой были извѣстны четыре *туземныхъ* города: Искоръ въ Верхнемъ станѣ Пермскаго-Чердынскаго уѣзда, Урость, Чердынь и Покча—въ Нижнемъ и Окологородномъ станахъ. Около 1430 года Русскіе заводятъ новое поселеніе Усолье Камское. Судя по мѣстнымъ преданіямъ и по тому, что при крещеніи Перми Чердынь была избрана средоточіемъ духовной жизни въ краѣ, гдѣ основанъ былъ св. Іоною и *первый* монастырь для всей этой страны, сдѣлавшійся, какъ есть основаніи думать, усыпальницею всѣхъ Пермскихъ князей; судя наконецъ по самому наименованію города *Пермью Великой*, тождественному съ названіемъ всей страны, мы убѣждены, что *именно Чердынь съ древнѣйшихъ временъ и была главной резиденціей Великопермскихъ туземныхъ князей, столицей всей Перми Великой*. Отчасти такое значеніе города Чердыни можно усмотрѣть и изъ того, что, по завоеваніи страны Русскими въ 1472 году, князь Ѳеодоръ Пестрый не безъ умысла избралъ мѣстопребываніемъ Московскихъ на мѣстниковъ сосѣдній городокъ Покчу, а не Чердынь, дабы порвать традиціонныя связи съ славнымъ прошлымъ города, главнѣйшаго во всей странѣ, и низвести бывшую княжью столицу на степень обыкновеннаго города. Маленькій Пермскій городокъ Покча былъ съ умысломъ предпочтенъ бывшей столицѣ Пермскихъ князей. Въ Покчѣ князь Пестрый „срубилъ городокъ“, т. е. построилъ небольшое деревянное укрѣпленіе, и „сѣде въ немъ и приведе всю землю ту за великого князя; и оттуду послалъ князь Ѳеодоръ князя Михаила къ великому князю,.... а самъ остался тамо въ городѣ“ (Никонов. лѣт.). Впрочемъ предпочтеніе Покчи городу Чердыни можетъ быть еще объяснено и тою обидою Московскимъ купцамъ, которую нанесли имъ Чердынцы, и которая

была для Іоанна III предлогомъ къ походу на Великопермскую землю. Города Покча (нынѣ село) отстоялъ отъ Чердыни къ сѣверу всего на 5 верстъ и находился при устьѣ рѣчки Кемзелки, при впаденіи ея въ Колву. Два другіе Пермскіе города—Искоръ и Уросъ были дальше отъ Чердыни, въ сторонѣ отъ удобнаго водянаго пути по рѣкѣ Колвѣ и потому были оставлены Пестрымъ безъ вниманія. Искоръ и Покча послѣ были низведены на степень погостовъ (селъ), а Уросъ совсѣмъ былъ заброшенъ и забытъ Русскими на столько, что теперь достоверно даже не извѣстно мѣсто-нахожденіе древняго Уроса.

Что же касается времени *перваго* основанія самой Чердыни, какъ поселенія, то этотъ вопросъ даже приблизительно не можетъ быть рѣшенъ, за совершеннымъ отсутствіемъ историческихъ данныхъ. *Вопросъ о началѣ Чердыни сливался какъ-то самъ собою съ вопросомъ о Биарміи и, какъ все въ этой туманной области, такъ и остался не вырѣшеннымъ сколько нибудь удовлетворительно.* Въ литературѣ о началѣ Чердыни образовалось, поэтому, также двѣ партіи—апологетовъ и скептиковъ, изъ которыхъ первые относили начало города чуть не къ доисторической эпохѣ (напр. Чулковъ въ „Описаніи Россійской Коммерціи“), а вторые высказывали сомнѣніе въ существованіи Чердыни даже во времена св. Стефана (*Берсъ* въ „Путешествіи“, стр. 74). И то, и другое мнѣніе, конечно,—крайности, и разсуждая безпристрастно, мы должны признать фактъ существованія Чердыни задолго до св. Стефана. Св. Іона крестилъ Великую Пермь чрезъ 67 лѣтъ по кончинѣ великаго первосвятителя и нашель Чердынъ, какъ можно догадываться, наиболѣе значительнымъ городомъ въ этой странѣ и притомъ княжей столицей. Родъ князей Пермскихъ былъ довольно обширенъ въ то время и, безъ всякаго сомнѣнія, существовалъ въ Пермской странѣ давно. Молчаніе же источниковъ о далекомъ городѣ, въ которомъ долго, долго не было *ни одного русскаго чело-вѣка*, —дѣло весьма

обыкновенное, если вспомнимъ, что наши лѣтописи не сочли нужнымъ отмѣтить въ исторической жизни Перми даже крупный фактъ подчиненія ея Новгороду Великому. *Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію старшинство Чердыни среди всѣхъ другихъ городовъ Перми Великой.* На чемъ нибудь основано же мѣстное преданіе о томъ, будто этотъ городъ стоитъ уже на пятомъ мѣстѣ, при чемъ нѣкогда онъ былъ, будто-бы, при Камѣ, а не при Колвѣ, и что первые русскіе поселенцы въ пермскомъ городѣ были выходцы Новгородскіе, а не Московскіе! *).

Первымъ же значительнымъ поселеніемъ, основаннымъ самими Русскими въ Перми Великой, было Усолъе Камское—впослѣдствіи Соликамскъ. Сообщенное *Берхомъ* извѣстіе („Путешествіе“, стр. 1—4), извлеченное имъ изъ одной древней рукописи, что Усолъе Камское основано около 1430 года посадскими людьми *Калинниковыми*, теперь принято всѣми изслѣдователями за достовѣрное. Слѣдовательно, Соликамскъ, по степени древности, былъ вторымъ значительнымъ городомъ въ Перми Великой въ концѣ Новгородскаго періода ея исторіи. Этимъ объясняется, почему Усолъе Камское съ своими деревнями очень рано обособилось отъ Чердыни въ особый Усольскій уѣздъ, а со временемъ явилось соперникомъ и самой Чердыни по административному значенію въ Великопермской странѣ.

Порядокъ основанія всѣхъ прочихъ значительныхъ русскихъ поселеній въ Перми Великой мы уже указали въ предыдущей V главѣ. Взаимныя отношенія Строгановскихъ слободъ, городковъ и острожковъ между собою мы видѣли тамъ же; видѣли и отношеніе вотчинъ Строгановыхъ и монастырей Пыскорскаго и Богословскаго, а также города Каякъ Великопермскимъ намѣстникамъ. Теперь необходимо подробно прослѣдить взаимныя административныя отношенія

*) *Берхъ*: „Путешествіе“, стр. 56—57.

Чердыни и Соликамска—этихъ двухъ важнѣйшихъ Великопермскихъ городовъ, чего выше мы не могли еще сдѣлать.

Недолго городокъ Покча оставался мѣстопробываніемъ государевыхъ намѣстниковъ въ Перми Великой. Въ 1535 г. деревянное его укрѣпленіе сгорѣло. Для постройки новаго укрѣпленія изъ Москвы былъ посланъ въ Пермь Давыдъ Семеновичъ Курчовъ. По его соображеніямъ, главное средоточіе управленія Перми Великой изъ Покчи было переведено въ Чердынь, какъ было до покоренія Перми. Въ то время странюю правили уже не Пермскіе князья, а Московскіе намѣстники, начиная съ 1505 г. Во время пожара Покчи, конечно, намѣстникомъ былъ уже не князь Василій Андреевичъ Коверъ, а кто-то другой, оставшійся неизвѣстнымъ. Давыдъ Курчовъ на новомъ мѣстѣ, въ Чердыни, построилъ „деревянный городъ“, какъ видно изъ послѣдующихъ описей Чердынской крѣпости *). Этотъ городъ въ свою очередь горѣлъ впоследствии не одинъ разъ, но не переставалъ служить мѣстопробываніемъ государевыхъ намѣстниковъ и воеводъ цѣлое столѣтіе—до 1636 г. Изъ источниковъ не видно, былъ-ли намѣстникомъ Чердынскимъ строитель тамошней крѣпости Давыдъ Семеновичъ Курчовъ и, если былъ, то сколько лѣтъ. Начиная съ перваго русскаго намѣстника въ Перми Великой, князя Василя Ковра, правившаго съ 1505 не извѣстно до котораго года, въ лѣтописяхъ, грамотахъ и другихъ источникахъ мы встрѣчаемъ слѣдующихъ Великопермскихъ намѣстниковъ и воеводъ, жившихъ въ Чердыни и вѣдавшихъ тремя уѣздами—Пермскимъ-Чердынскимъ, Усольскимъ и Кайгородскимъ. Наболѣе полный и старательно составленный списокъ ихъ уже сдѣланъ почтеннымъ протоіереемъ Пермскаго каѳедрального собора о. *Александромъ*

*) Археологическое описаніе памятниковъ древности Чердыни, Соликамска и другихъ городовъ будетъ сдѣлано нами въ слѣдующихъ выпускахъ «Пермской Старины».

Лукакинымъ, изъ книги котораго мы и заимствуемъ его. во избѣжаніе вторичнаго напраснаго труда *).

Великопермскіе намѣстники и воеводы, жившіе въ Чердыни въ 1505—1613 г.г.

1. Князь Василій Андреевичъ Коверъ съ 1505 г.
2. Князь Иванъ Юрьевичъ Булгаковъ упоминается въ 1572 году.
3. Василій Целепелицынъ или Целеницынъ упомин. въ 1581 году.
4. Князь Иванъ Михайловичъ Елецкій упом. въ 1582 г.
5. Никифоръ Васильевичъ Троханіотовъ упом. въ 1592 г.
6. Сарычъ Шестаковъ 1594—1596 г.г.
7. Василій Петровичъ Головинъ да съ нимъ Иванъ Васильевичъ Воейковъ упоминаются вмѣстѣ въ 1598 году. Они правили одновременно Пермью Великой и Верхотурьемъ, которое и основано было въ 1598 г.
8. Григорій Іевлевъ или Гиневлевъ 1599—1601 г.г.
9. Андрей Васильевичъ Безобразовъ упом. въ 1605 г.
10. Князь Семень Юрьевичъ Вяземскій да съ нимъ подъячій Иванъ Ѳеодоровъ 1606—1607 г.г.
11. Ѳеодоръ Петровичъ Акинѣевъ да съ нимъ подъячій Наумъ Романовъ 1608—1609 г.г.
12. Иванъ Семеновичъ Чемодановъ 1610—1612 г.г.
13. Петръ Степановичъ Нащокинъ одинъ годъ 1613-й.

За все время съ 1505 до 1613 года Усолъе Камское, наравнѣ съ Кайгородомъ, считалось Великопермскимъ *пригородомъ* и было въ подчиненіи у Чердынскихъ намѣстниковъ и воеводъ, власть которыхъ распространялась на всю Пермь Великую за исключеніемъ вотчинъ Строгановыхъ, Пыскор-

*) «Церковно-историческое и археологическое описаніе г. Соликамска», Пермь, 1882 г., стр. 130—137. Въ «Памятной книжкѣ Пермской губерніи на 1863 годъ», составленной С. Пенномъ, въ очень дѣльной статьѣ г. Пенна «Матеріалы для исторіи Пермскаго края» списокъ намѣстниковъ однако не столь полонъ и обстоятеленъ, какъ у о. *Луканина*.

скаго и Богословскаго монастырей. Но въ 1613 году, со вступленіемъ на престолъ новой династіи, происходитъ важная административная перемѣна въ Пермь Великой: съ этого года Соликамскъ и его Усольскій уѣздъ имѣтъ своихъ воеводъ, независимо отъ Чердыни, гдѣ воеводство продолжалось своимъ чередомъ. Это было съ 1613 до 1636 года, когда обоими уѣздами опять сталъ править одинъ воевода, жившій однако же въ Соликамскѣ. Такъ управлялась Пермская область до 1717 года, когда, по указу Петра Великаго, въ Чердынѣ снова стали назначать особыхъ воеводъ съ званіемъ комендантовъ. Укажемъ особыхъ Чердынскихъ и Соликамскихъ воеводъ, правившихъ въ періодѣ времени 1613—1636 г.г.

Особые Чердынскіе воеводы, бывшіе между 1613—1636 г.г.

14. Иванъ Дмитріевичъ Кологривой упом. въ 1628 г.
15. Князь Петръ Владиміровичъ Клубковъ-Масальскій упом. въ 1629 г.
16. Сарычъ Никитичъ Лиевъ упом. въ 1630 г.
17. Николай Никитичъ Новокщеновъ 1631—1632.
18. Иванъ Аѳанасевичъ Стражневъ уп. въ 1632 г.
19. Лаврентій Александровичъ Кологривовъ уп. въ 1634 г.

Особые Соликамскіе воеводы, бывшіе между 1613—1636 г.г.

1. Іовъ Нестеровичъ Лачиновъ, *первый* Соликамскій воевода, былъ одинъ годъ 1613-й.
2. Левъ Ильичъ Волковъ 1614—1616 г.г.
3. Богданъ Поликарповичъ Лупандинъ 1617 г.
4. Гаврило Васильевичъ Лодыгинъ да съ нимъ дьякъ Степанъ Пустошенинъ 1617 г.
5. Князь Андрей Романовичъ Тюменскій 1617—1618 г.г.
6. Никита Ѳедоровичъ Глѣбовъ 1619 г.
7. Василій Ѳедоровичъ Бутурлинъ да съ нимъ Макарій Внуковъ 1620—1622 г.г.

8. Воинъ Лукьяновичъ Корсаковъ 1622—1623 г.г.*).
9. Гаврило Михайловичъ Вережкинъ да съ нимъ Яковъ Бутримовъ и Мосѣй Ѳедоровичъ Глѣбовъ 1623—1626 г.г.
10. Захарій Петровичъ Шишкинъ 1626 г.
11. Воинъ Лукьяновичъ Карповъ 1627 г.
12. Иванъ Леонтьевичъ Скобелцынъ 1628 г.
13. Василий Васильевичъ Сьяновъ 1629 г.
14. Богданъ Семеновичъ Зміевъ 1630 г.
15. Никита Наумовичъ Бѣглецовъ 1631 г.
16. Илья Ивановичъ Зубовъ 1632 г.
17. Захарій Григорьевичъ Шишкинъ 1635 г.
18. Христофоръ Ѳедоровичъ Рыльскій 1636 г.

Съ 1636 года воеводы опять стали править вмѣстѣ Чердынью и Соликамскомъ, какъ было до 1613 года, но мѣстопробываніе теперь они имѣли въ Соликамскѣ, а не въ Чердыни. Я объясняю это предпочтеніе Соликамска Чердыни измѣненіемъ направленія главнаго Сибирскаго пути съ 1595 года, когда, съ проложеніемъ Бабиновской дороги, Чердынь осталась въ сторонѣ отъ главнаго транзитнаго пути изъ Европ. Россіи въ Сибирь. Въ виду существованія внутреннихъ таможенъ, пребываніе воеводы въ Соликамскѣ являлось даже необходимостію. Первымъ *Соликамскимъ и Чердынскимъ воеводою* былъ Богданъ Ивановичъ Комнинъ въ 1636—1639 г.г. Дальнѣйшихъ воеводъ мы не перечисляемъ, а упомянемъ еще одного Прокопія Козьмича *Елизарова* (1647—1648 г.г.), производившаго, по порученію правительства, новую перепись въ Пермь Великой въ 1647 году. Послѣ описей Яхонтова и Кайсарова это была *третья* по времени всеобщая перепись Великопермской страны.

*) При немъ всю Пермь Великую, за исключеніемъ Кайгородскаго уѣзда, описывалъ Михаилъ Кайсаровъ, который и упоминаетъ воеводу Корсакова въ своей писцовой книгѣ.

Каково было управление Великопермских намѣстниковъ—можно видѣть изъ достопамятной грамоты Іоанна Грознаго отъ 1580 г. Чердынскимъ старостамъ, дѣловальникамъ и „всѣмъ Чердынцомъ“ о неприкосновенности владѣній Іоанно-Богословскаго монастыря, поручавшей имъ, Чердынцамъ, наблюдение за дѣйствіями ихъ намѣстника по отношенію къ монастырю. Много и краснорѣчиво говорятъ намъ слова этой грамоты о намѣстникахъ: „И вы бѣ (всѣ Чердынцы) Богословскаго монастыря строителя Варлама съ братьею и ихъ крестьянъ отъ *Пермскихъ намѣстниковъ* и отъ ихъ *тіуновъ* и доводчиковъ берели во всемъ, что бѣ имъ и ихъ крестьяномъ обидѣ и насильствъ не чинили“.... Вредный обычай „кормленія“ повсемѣстно сопровождался одними и тѣми же крайне печальными явленіями съ одной стороны вымогательства, а съ другой—понятнаго мѣстнаго недовольства. Мы полагаемъ, что Строгановскіе захваты чужихъ земель, о коихъ говорилось въ предыдущей главѣ, совершались не безъ вѣдома мѣстныхъ воеводъ, имѣвшихъ много *личныхъ* побужденій держать сторону богачей-землевладѣльцевъ, хотя бы правда была не на ихъ сторонѣ. И это правонарушеніе допускалось самими блюстителями закона, не смотря на точно опредѣленный окладъ содержанія, вполне достаточный для одного семьянина.

Въ Чердынской писцовой книгѣ Яхонтова 1579 года указанъ слѣдующій „доходъ намѣстничъ съ Чердыни съ посаду и съ уѣзду“: *корму* на Рождество Христово деньгами 13 рублей, 32 алтына, 1 1/2 деньги, на Великъ день—6 руб. 32 алтына 5 ден., на Петровъ день—деньгами столько же, какъ на пасхѣ; и всего намѣстнику на три праздника *корму* деньгами 27 руб. 31 алт. 1 1/2 деньги. „Съ сохи по рублю и по двѣ гривны—то ему съ *тіуномъ* и съ доводчикомъ“. Яхонтовъ полагалъ въ соху 64 двора, а во всемъ Пермскомъ-Чердынскомъ уѣздѣ было 1,131 дворъ пашенныхъ крестьянъ и 362 двора непашенныхъ, итого 1,493 двора и

въ нихъ 1,700 человекъ муж. пола; слѣдовательно намѣстникъ получалъ по рублю и по 2 гривны съ 23 сохъ слишкомъ. „Да вишерскіе соли съ 7 варницъ намѣстнику по 20 пудъ на годъ съ варницы“. „Изъ съѣзжаго корму намѣстнику кто что принесетъ, то ему и взять“, добавляетъ писцовая книга. „Намѣстнику жъ надъ посадскими людьми и надъ *вольными* крестьяны, говорится далѣе, — судъ да убрusное (плата съ новобрачныхъ) и лѣсная пошлина, да пятно (клеймо, тавро); присудную пошлину и уѣздъ и хоженое (плата разсылнымъ намѣстника), и убрusную и лѣсную пошлину и пятно давати намѣстнику по Чердынской по уставной грамотѣ (1554 г.); а въ Чердыни на посадѣ держати намѣстнику кабакъ и въ кабакѣ держати на продажу вино, медъ и пиво. И на посадѣ и въ уѣздѣ держати намѣстнику тиуна да 3 доводчиковъ. Намѣстнику жъ рыбная ловля на рѣкѣ на Вишерѣ, на усть Колвы рѣки; а ловятъ рыбу намѣстнику своими людьми, или кого наймутъ; да на рѣкѣ на Колвѣ, противъ города, противъ починка Покчи, намѣстничьихъ луговъ на 300 копенъ“ *).

Таково было въ 1579 г. довольствіе Великопермскаго намѣстника съ одного Чердынскаго уѣзда. Но сверхъ того ему полагался доходъ съ Усольскаго уѣзда, не имѣвшаго еще своихъ особыхъ воеводъ: на Рождество деньгами 3 рубля 10 алтынъ, на Великъ день 1 рубль 20 алтынъ 10 денегъ, на Петровъ день — какъ на пасхѣ, всего на 3 праздника деньгами 6 рублей 20 алтынъ. Съ сохи по рублю и по двѣ гривны — то ему съ тиуномъ и съ доводчикомъ; да въѣзжаго кто сколько дастъ; да съ 16 варницъ по 20 пудъ соли съ каждой; да ему же пошлины судебныя, убрusныя и лѣсныя да пятно. Да въ Усольѣ Камскомъ на посадѣ держать намѣстнику кабакъ, а въ немъ вино, медъ и пиво; да ему же съ Григорова озерка давати ежегодно двѣ бочки мелкой

*) См. оттискъ Чердынскихъ книгъ Яхонтова, Пермь, 1878 г., стр. 42—44 и Берха «Путешествіе», стр. 193—195.

рыбы; либо деньгами за рыбу рубль двѣ гривны, по 20 алтынъ за бочку рыбы (*Берхъ*, стр. 190—191).

Неужели такое довольствіе можно назвать скуднымъ по своему времени? А между тѣмъ Великопермскіе намѣстники имъ не довольствовались въ 1580 г., судя по жалобѣ Чердынскихъ монаховъ,—не смотря на то, что въ то время Соликамскъ не имѣлъ еще своего воеводы, и всеѣ доходы съ Усольскаго уѣзда шли въ пользу тѣхъ же Великопермскихъ воеводъ. Мы увѣрены, что послѣдніе получали доходы и съ уѣзда Кайгородскаго, въ виду его принадлежности къ Пермь Великой, хотя прямыхъ данныхъ по этому вопросу въ источникахъ мы не нашли.

Широкое поле для злоупотребленій воеводъ и ихъ чиновниковъ представлялъ въ этомъ краѣ и азіатскій торговый транзитъ. Мы знаемъ уже, что чрезъ Пермь Великую шелъ главный Сибирскій путь. Онъ пролегалъ сначала чрезъ Иро-славль, Тотму, Устюгъ, южную часть Усть-Сысольскаго уѣзда, чрезъ Кайгородъ, Соликамскъ и Чердынь за Уралъ на рѣку Лозьву; но въ 1595 г., по разслѣдованію Артемія Бабинова, путь направился южнѣе, минуя Чердынь, изъ Соликамска прямо на востокъ, на село Ростесь, и за Уралъ на Верхотурье. Но и въ этомъ случаѣ путь все таки пролегалъ чрезъ Пермь Великую. Изъ Сибири по нему везли мѣха и другія произведенія страны въ сыромъ, необработанномъ видѣ, а туда слѣдовали преимущественно произведенія мануфактуры и въ очень значительномъ количествѣ хлѣбъ. Въ *Верхотурьѣ* находилась *главная таможенная по торговлѣ съ Сибирью*, а въ Соликамскѣ и Чердыни были, по свидѣтельству Кайсарова, „таможенные избы“. До основанія же Верхотурья (1598 г.) главное таможенное управленіе было сосредоточено, по всей вѣроятности, въ Чердыни. Другой дорогой правительство запрещало возить товары какъ изъ Россіи въ Сибирь, такъ и обратно, хотя контрабанда, конечно, существо-

вала*). Замѣчательно, что хлѣбородная Сибирь долго довольствовалась хлѣбомъ, привозимымъ изъ Евр. Россіи. Для доставки въ Сибирь русскіе купцы (большею частію изъ Москвы) зимою закупаѣли хлѣбъ большими партіями чрезъ своихъ прикащиковъ или „покрученниковъ“ и до вскрытія рѣкъ складывали этотъ хлѣбъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ, что бы весенней водою сплавить его въ Сибирь. *Города, въ которыхъ были такіе склады хлѣба, предназначеннаго для Сибири, получили названіе „поморскихъ городовъ“*. Это были: Устюгъ Великій, Тотъма, Сольвычегодскъ, Вымъ, Яренскъ, Вятка съ своими пригородами и въ *Перми Великой Чердынъ, Кайгородъ и Соль Камская*. Доказательство тому, что эти три Великопермскіе города принадлежали къ числу „поморскихъ“, мы находимъ въ грамотѣ царя Ѳеодора Алексѣевича Верхотурскому воеводѣ Ивану Ѳеодоровичу Пушкину да дьяку Дмитрію Анонасьеву отъ 24 іюля 1678 г., гдѣ между прочимъ читаемъ: „Въ прошлыхъ годѣхъ, по указомъ блаженные памяти дѣда нашего, Государева, вел. гос. царя и в. кн. Михаила Ѳеодоровича и отца нашего.... Алексѣя Михайловича, возили въ Сибирь, на Верхотурье, сошныя хлѣбныя запасы изъ поморскихъ городовъ—съ Устюга Великого, отъ Соли Вычегоцкой, съ Вятки съ пригороды, съ Чердыни, съ Кайгородка, съ Соли Камской, съ Выми, съ Еренского городка, съ посадовъ и съ уѣздовъ, и съ Сысольскихъ волостей посадскіе люди и уѣздные крестьяне....“ **). Н. Н. Костомаровъ слѣдующими словами характеризуетъ „порядки“ на напихъ таможенныхъ заставахъ въ XVI—XVII в.в. „Не обезпеченный закономъ, торговый человѣкъ былъ постоянно подъ произволомъ воеводъ, таможенныхъ и приказныхъ людей,

*) Такъ въ XVII вѣкѣ купцы самовольно ѣздили изъ Казани чрезъ Кунгуръ и Уфу на *Китайскій острогъ*, что на р. Исети въ нынѣшнемъ Камышловскомъ уѣздѣ, а отсюда въ Ялуторовскъ. Это заставило правительство въ 1680 году учредить въ Китайскомъ острогѣ, «на старой Казанской дорогѣ», постоянную таможенную заставу. «Акты Историч.» V, 363.

**) «Дополненія къ Актамъ Историч.» VII, стр. 109.

которые при удобномъ случаѣ не забывали пользоваться на счетъ купца лихоимствомъ.... Собиратели пошлинъ непременно постараются сорвать съ торговца что нибудь лишнее. На заставахъ, мостахъ, перевозахъ и проч., кромѣ установленныхъ поборовъ, его не пропустить безъ взятки. *Посадскія общины въ XVII вѣкъ были умнены воеводами, которые вмѣшивались въ общинное управленіе....* Намъ остались жалобы цѣлыхъ посадовъ на воеводъ, жалобы, въ которыхъ посадскіе грозили разбрестись розно. Правительство дѣйстви-тельно старалось ограничить своевольство воеводъ и приказ-ныхъ надъ торговымъ классомъ,..... но эти ограниченія ничего не значили, ибо воеводы и приказные, обладая адми-нистративною и судейскою властью, всегда могли найти незаконныя средства къ поживѣ. Торговый уставъ 1667 года *), для избѣжанія проволочекъ, приказалъ вѣдать всѣхъ торговцевъ въ одномъ Приказѣ, котораго обязанность была охранять ихъ отъ *воеводскихъ налюговъ*,..... но въ немъ сидѣли такіе же подьячіе. Сосредоточенность судебныхъ дѣлъ въ Москвѣ подвергала посадскихъ невыносимымъ стѣсненіямъ: они должны были ѣздить въ Москву съ мѣста своего жи-тельства, иногда за тысячу верстъ, оставлять свои промыслы, проживаться въ Москвѣ..... Посадскіе жаловались, дѣло дли-лось, съ нихъ брали взятки, и наконецъ изъ Приказа при-сылали воеводѣ грамоту, которая предписывала ему охранять посадскихъ людей; а *этотъ воевода первый готовъ былъ дѣлать съ ними всякія своевольства* **). „Но не только воеводы и подьячіе утѣсняли торговцевъ, поясняетъ Н. И. Костомаровъ; случалось, что сосѣдній помѣщикъ или вотчин-никъ (въ Пермскомъ краѣ, какъ мы видѣли, Строгановы) напѣждалъ на посадъ и дѣлалъ въ немъ разныя безчинства.... Если ко всему этому прибавить трудность и опасность пере-

*) Въ «Собраніи государств. грамотъ и договоровъ», т. IV, 203.

**) «Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ». СПб. 1862 г., стр. 163—164.

возки торговых грузов и приключенія, какимъ торговецъ подвергался въ дорогѣ отъ разбойниковъ, которыми такъ изобиловала наша матушка Русь и на водяныхъ, и на сухихъ путяхъ, то мы легко поймемъ, почему русскій купецъ долженъ былъ сдѣлаться плутомъ и почему, не смотря на склонность къ торговлѣ и на способность и изворотливость, русскій купецъ былъ бѣденъ^{*)}. Эти полныя глубокой исторической правды слова незабвеннаго *Н. И. Костомарова* вполне подтверждаются многими мѣстными историческими документами Пермскаго края и многочисленными фактами въ прошлой жизни этого края.

Права посадскихъ людей въ Перми Великой были точно опредѣлены особою „Великопермскою уставною грамотою“ Чердынцевъ и Усольцевъ XVI вѣка, первоначально напечатанной *Берхомъ* („Путешествіе“, стр. 121—134). Безспорно, въ отношеніи къ древней Великой Перми это—историко-юридическій документъ первостепенной важности, и такъ какъ Берхово изданіе его 1821 года теперь стало библиографической рѣдкостью, а въ изданія Археографической Комиссіи эта грамота не вошла, то я считаю весьма полезнымъ перепечатать „Великопермскую уставную грамоту XVI вѣка“ въ первомъ выпускѣ настоящаго сборника, посвященномъ специально Перми Великой^{**)}.

Грамота написана по формѣ всѣхъ другихъ документовъ этой категоріи. Самое начало ея пострадало отъ времени, но изъ него все же видно, что побудило Чердынцевъ и Усольцевъ (Соликамцевъ) просить для себя царской уставной грамоты. Жалобы на своеволие намѣстниковъ, ихъ тѣновъ и доводчиковъ слышатся въ первыхъ же строкахъ грамоты,

^{*)} «Очеркъ торговли», стр. 164—165.

^{**)} *Шинио* не счелъ нужнымъ помѣстить подъ 1553 годомъ своей «Пермской Лѣтописи» Великопермскую уставную грамоту, а ограничился только упоминаніемъ ея. См. томъ I, стр. 39—40.

по обыкновенію повторяющей вкратцѣ содержаніе челобитной посадскихъ людей, слѣдствіемъ которой и была грамота. „Да ваши жъ Пермскіе намѣстники, писали посадскіе люди изъ Перми Великой, посылають по Пермской землѣ своихъ людей, тіуновъ и доводчиковъ, луковъ писати*) и кормовъ брати, и намѣстниче-де люди приписываютъ у нихъ многіе луки мѣшніе, и Пермичемъ де въ тѣхъ мѣшинахъ луки чинятъ продажи и убытки великіе..... и они-де въ томъ отъ нашихъ намѣстниковъ и отъ ихъ людей, отъ тіуновъ и отъ доводчиковъ, охудали и опустѣли и впредь имъ прожити безъ нашихъ грамоты уставныя не можно“. Такимъ образомъ посадскіе люди надѣялись найти въ уставной грамотѣ защиту отъ насильствъ. Мы видѣли, что эта надежда ихъ далеко не всегда оправдывалась на дѣлѣ.

Въ самой уставной грамотѣ на первомъ мѣстѣ поставлены не безъ основанія доходы намѣстника. Любопытно сравнить ихъ съ указанными позже въ книгѣ Яхонтова и намъ уже извѣстными. Основаніемъ раскладки податей взято въ уставной грамотѣ число бѣлокъ. На Рождество намѣстникъ получалъ за 1400 бѣлокъ 14 рублей—по 2 деньги за бѣлку, на Великъ день (пасху) „намѣстнику корму и ево тіуну и доводчикомъ (двумъ) за 700 бѣлокъ семь рублей“, на Петровъ день имъ же за 700 бѣлокъ семь рублей „по двѣ же деньги за бѣлку“. Да съ Вишерской варницы имъ полагалось соли ежегодно по пяти *сапецъ*, т. е. 30 пудовъ соли (*сапца* равнялась 6 пудамъ), „по старинѣ“. Мы видѣли, что у Яхонтова полагалось съ 7 варницъ по 20 пудовъ, всего 140 пудовъ соли, и что у него уже нѣтъ исчисленія податей по числу бѣлокъ. „А oprичъ того, добавляетъ уставная грамота, намѣстнику и ево тіуну и доводчикамъ съ нихъ

*) При существованіи преобладающаго охотничьяго промысла, въ Чердынскомъ краѣ подати брались и съ соли, и съ охотничьяго лука. Люди обязаны были платить или бѣлками, или—соотвѣтственно ихъ стоимости—деньгами. Такъ поступало наше правительство и съ инородцами.

пошлины нѣтъ; а берутъ кормъ *намѣстничъ и тиуновъ и доводчиковъ* поборъ старосты и люди добрые *Пермяки* сами, да отдаютъ кормъ *намѣстнику* и съ *тиуны* и съ *доводчики* въ городѣ, а сами *намѣстники и тиуны и доводчики по погостамъ* *муковъ* писати и кормъ брати не *пздаютъ*. Что означаютъ такія оговорки царской грамоты — ясно безъ поясненій.

Такъ какъ въ приложеніяхъ мы помѣщаемъ весь подлинный текстъ уставной грамоты, то подробныхъ выписокъ изъ нея здѣсь мы не станемъ дѣлать, а ограничимся лишь немногими нужными замѣчаніями. Во всей грамотѣ Чердынцы именуются то *Пермичами*, то *Великопермцами* и вездѣ уравниваются въ правахъ съ *Усольцами*, т. е. *Соликамцами*. Иногда тѣ и другіе вмѣстѣ называются общимъ именемъ *Пермяки* въ смыслѣ обитателей всей *Перми Великой*. Важна въ одномъ мѣстѣ ссылка уставной грамоты XVI в. на какія-то старинныя грамоты *Пермскихъ князей*, доказывающія, что и въ *Новгородскомъ періодѣ* въ *Перми Великой* существовали юридически-опредѣленные отношенія.

Уставная *Великопермская* грамота точно опредѣляетъ между прочимъ торговыя права *Чердынцевъ* и *Усольцевъ*. Изъ этихъ мѣстъ грамоты можно видѣть отношенія ихъ къ ближайшимъ сосѣдямъ *Перми Великой* — на сѣверѣ къ *Устюжанамъ* и *Вычегжанамъ*, на западѣ — къ *Вятчанамъ*, на востокѣ — къ *Вогуламъ* и на югѣ — къ *Остякамъ*. Изъ грамоты видно, что *Пермскіе* *намѣстники*, получая хорошее обезпеченіе, тѣмъ не менѣе отъ себя посылали своихъ людей „съ *Пермскимъ* со всякимъ товаромъ торговати“ къ *волоку Тюменскому*, и къ *Вогуламъ* и на *Сылву* къ *Остякамъ* — въ тѣ мѣста, куда ѣздили для торговли *Чердынскіе* и *Усольскіе* *посадскіе* люди; и *намѣстничьи* торговые люди запрещали *посадскимъ* людямъ производить торговлю до тѣхъ поръ, пока сами распродаютъ весь свой товаръ, чѣмъ, конечно, причиняли *посадскимъ* людямъ „убытки великіе“. Кромѣ того

корыстолюбивые намѣстники вступались у Пермичей въ ихъ рыбную ловлю, наноси имъ и тутъ убытокъ. Уставная грамота воспрещаетъ отъ имени самого царя то и другое лихоимство. Устюжанамъ, Вычегожанамъ и Вятчанамъ пермская грамота предоставляетъ исключительное право вести торговля дѣла въ Перми, о чемъ подробно сказано было и въ „Уставной Устюжской грамотѣ“, по которой они должны были поступать; а ѣздить въ Пермь для торговыхъ цѣлей, въ ущербъ мѣстнымъ торговымъ людямъ, изъ городовъ Московской, Новгородской и Тверской земель воспрещалось. „И съ оными никакими дѣлы не пздать (въ Пермь) никто отъиць Устюжанъ и Вычегожанъ и Вятчанъ. А Устюжана и Вычегожана и Вятчана ѣздить къ нимъ торговати со всякимъ товаромъ по своей грамотѣ по жалованной по уставной по Устюжской и возять отъ нихъ товаръ всякой и соль, куда хотять, съ ними“.

Таково было управление Перми Великой и отношеніе ея къ сосѣдямъ въ мирное время. Но Великопермскій край, долго служившій самымъ восточнымъ предѣломъ русскихъ поселеній, за которымъ начиналось безпокойное инородческое сосѣдство, часто подвергался нападеніямъ нѣкогда воинственныхъ Вогуловъ, Сибирскихъ или, по старинному мѣстному наименованію, Нагайскихъ Татаръ, Остяковъ и другихъ народовъ. Поэтому Пермскіе князья, а потомъ Московскіе намѣстники и воеводы соединяли въ своихъ рукахъ не только мѣстную административную и судебную власть, но и военную. Не даромъ въ Перми Великой, какъ мы видѣли, каждый городъ и слобода былъ непременно снабжаемъ укрѣпленіемъ, боевыми снарядами и извѣстнымъ числомъ воинскихъ людей. Въ этомъ краѣ необходимо было всегда состоять въ готовности встрѣтить внезапное, неожиданное нападеніе врага. Набѣги болѣе или менѣе значительными массами людей дѣлались не только на Пермь Чусовую, но и на Вычегодскую,

простираясь иногда далеко на западъ, до города Выма. если еще не далѣе. И чѣмъ болѣе показывалось русскихъ въ Приуральѣ, тѣмъ чаще стали повторяться эти нападенія инородцевъ, очевидно, чувствующихъ въ русскомъ колонизаторѣ будущую силу, съ которой не легко будетъ имъ считаться. Самые опустошительные и значительные по числу людей вогульско-татарскіе набѣги на Пермскую страну были не задолго до покоренія Сибири. Чувствуя все большее колони-заціонное давленіе съ запада, видя все возрастающій наплывъ русскихъ, туземные князья употребляли послѣднія, самыя отчаянныя усилія въ борьбѣ съ этимъ движеніемъ, грозив-шимъ въ будущемъ ихъ автономіи. И опасенія ихъ были не напрасны. Завоеваніе Сибири положило конецъ ихъ само-стоятельности, послѣ чего зауральскіе набѣги на Пермь постепенно должны были прекратиться, но борьба съ Башки-рами продолжалась и въ XVII вѣкѣ.

Впрочемъ русскіе сами подали первые примѣры вторже-ній въ чужія земли, а инородцы мстили имъ за это. Мы видѣли, какъ рано, еще съ XII в., если не прежде, Новго-родцы начали подчинять своей зависимости Югорскихъ кня-зей, а по ихъ слѣдамъ въпослѣдствіи направились и Москви-тяне. Со второй половины XV в., когда Москвитяне, завое-вавши ту и другую Пермь, лицомъ къ лицу встрѣтились съ Вогулами, инородческіе набѣги особенно учащаются и про-должаются потомъ, съ постоянно возрастающимъ ожесточе-ніемъ, чрезъ все XVI-е столѣтіе. Не входя въ подробности изложенія фактовъ этой борьбы въ Приуральскомъ краѣ, перечислимъ только наиболѣе извѣстные въ исторіи Пермской страны походы русскихъ противъ инородцевъ и вогульско-татарскіе набѣги въ XV—XVI в.в. *).

*) Указываю источники и литературу вопроса: «Устрогановская Сибирская лѣтопись», изданная Спасскимъ отдѣльно и въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ» за 1821 г.; «Соликамскій лѣтописецъ» въ «Путешествіи» Берха; «Соликамскія лѣтописи», изда-ныя мною въ Пермск. Губ. Вѣдом. за 1883 и 1884 г.г. и отдѣльно (Пермь. 1884 г.);

Походы Москвитянъ противъ Югорскихъ князей начинаются съ того времени, какъ московская власть прочно утвердилась въ Вычегодской и Чусовой Перми, а это было во второй половинѣ XV вѣка.

Въ 1465 году, по мысли Московскаго правительства, состоялся удачный походъ въ Югру устюжанина Василия Скрябы и съ нимъ Вымскаго князя Василія Ермолаевича изъ рода князей Пермскихъ.

Въ 1467 г. Вятчанамъ и Пермьякамъ удалось взить въ плѣнъ воинственнаго Вогульскаго князя Асыку, который однако убѣжалъ потомъ изъ плѣна и продолжалъ прежнюю вражду съ русскими.

Въ 1483 г. былъ предпринятъ противъ этого Асыки большой походъ за Уралъ, подъ начальствомъ князя Ѳеодора Курбскаго-Чернаго и Салтыка Травина, и окончился плѣненіемъ Югорскаго князя Молдана.

Въ 1484 году Вогульскіе князья Юмшанъ и Кальна вмѣстѣ съ Пермскимъ епископомъ Филоооємъ, вѣроятно по вліянію послѣдняго, уже лично являются въ Москву и заключаютъ миръ съ Іоанномъ (Юмшанъ—сынъ упомянутаго Асыки).

Въ 1485 г. Молданъ, уже отпущенный изъ плѣна, и трое другихъ князей, слѣдуя, кажется, примѣру Юмшана, заключаютъ миръ въ городѣ Усть-Вымѣ съ тамошними князьями (рода Пермскихъ князей) Петромъ и Ѳеодоромъ, слугами великаго князя Іоанна III.

Въ 1499 г. предпринимается, наконецъ, *послѣдній* и самый замѣчательный походъ въ Югру князя Семена Курб-

«Усольская лѣтопись Ѳ. А. Волегова», изданная мною въ тѣхъ же «Вѣдомостяхъ» 1882 г. и отдѣльно (Пермь. 1882 г.).

«Исторія Государ. Россійскаго» Карамзина, томъ VI (соотвѣтствующіе годы); «Исторія Россіи» Соловьева, томъ V, стр. 94—95; «Пермскій Сборникъ», т. I, статьи Кручинина; «Списки населенныхъ мѣстъ Пермской губерніи» Штигица. СПб. 1875 года, стр. CLV, CLX, CLXI. О набѣгѣ Татаръ 1547 года сообщено только у меня въ «Очеркахъ Чердынскаго края» въ «Календарѣ Пермской губерніи на 1883 годъ»; «Истор.-археологич. описаніе Соликамска», протоіерея Луканина. Пермь. 1882 г.

Въ 1573 г. былъ опустошительный набѣгъ Кучумова сына царевича Маметкула на Чусовую и вторженіе его въ Пермь Великую.

Въ 1581 г. въ іюль мѣсяцѣ на Чусовскіе городки и Сылвенскій острожекъ Строгановыхъ сдѣлалъ набѣгъ мурза Бегбелій съ Вогулами и Остяками.

Въ 1581 г. въ сентябрѣ мѣсяцѣ произошло небывалое по размѣрамъ, самое опустошительное, гибельное нападеніе на всю Пермь Великую Пелымскаго князя Кихека съ Сибирскими, Сылвенскими и Иренскими Татарами, Остяками, Вогуличами, Вотяками и Башкирцами. Всѣ окрестные инородцы на этотъ разъ соединились въ одномъ походѣ противъ Чермы Великой, разоривъ при этомъ Чусовскіе городки, Сылвенскій и Яйвенскій острожки и особенно Соликамскъ, преданный ими пламени. Кихекъ проникалъ и далѣе на сѣверъ до Чердыни и Кая, которые однако были спасены.

Но вотъ наступаютъ достопамятные 1582—1583 годы, и роли перемѣняются. Русскіе казаки, во главѣ съ своимъ атаманомъ Ермакомъ, дѣятельно поддерживаемые Строгановыми, уже испытавшими столько напастей отъ беспокойныхъ восточныхъ сосѣдей,—вносятъ оружіе въ предѣлы Сибирскаго царства Кучума. Русская власть окончательно утверждается на берегахъ Тобола, Иртыша и могучей Оби, послѣ чего старинные враги Чермской страны должны были притихнуть. Правда, въ первые годы послѣ похода Ермака кое-гдѣ были еще тщетныя попытки сломить это господство русскихъ за Ураломъ. Такъ, подъ 1582 г. Соликамская лѣтопись упоминаетъ еще о нападеніи Вогуличей на Чердынь и избіеніи немногихъ тамолинихъ жителей; а чрезъ 10 лѣтъ, въ 1592 г. упоминается походъ противъ Пелымскаго князя Чердынскаго намѣстника Троханіотова. Но это были послѣдніи вспышки потухавшаго огня, ни для кого не страшныя и вскорѣ прекратившіяся совершенно.

Этой эпопеей кровавой борьбы Русскихъ съ исконными жителями обрѣхъ склоновъ Урала, — борьбы, кончившейся полнымъ торжествомъ Русской національности, мы и закончимъ настоящее изслѣдованіе прошлыхъ судебъ Перми Великой съ древнѣйшихъ, и незапамятныхъ временъ до второй четверти XVII столѣтія *).

А. Дмитриевъ.

*) Если разныя внѣшнія обстоятельства не попрепятствуютъ продолженію настоящаго изданія, предпринятаго не безъ риска со стороны издателя, располагающаго очень скромными средствами, то въ слѣдующихъ выпускахъ «Пермской Старины» можно будетъ продолжать исторію Перми Великой до начала XVIII вѣка, для чего издателю собраны уже богатѣйшіе рукописные матеріалы.

ОТДѢЛЪ II.

МАТЕРІАЛЫ.

Великопермская уставная грамота Чердынцевъ и Усольцевъ XVI вѣка *).

... что Миѣ били челомъ Пермичи Данилко да Гришка Ивановъ отъ всѣхъ градскихъ людей и сельскихъ о томъ ... что была у нихъ наша ... и по сей у нихъ Государя грамотѣ ... въ Перми наши намѣстники судили ... и та у нихъ наша грамота сгорѣла лѣта семь тысячъ шестьдесятъ перваго году (1553 г.) апрѣля въ тридесятый день, въ церкви Варлаама Чудотворца на посадѣ, и нынѣ де у нихъ въ Перми наши намѣстники и ихъ тиуны и доводчики безъ нашихъ жалованныхъ грамоты безъ уставной Пермичь безъ суда и безъ исцовъ ... и судятъ ихъ безъ цѣловальниковъ, а доводчики де ихъ ѣздятъ по погостамъ, да въ какомъ въ одномъ дѣлѣ сколькихъ людей дадутъ на поруки, а ѣздые на нихъ емлютъ разные ... по головамъ, да славянаго по гривнѣ; а дальнихъ де ихъ погостскихъ людей верстѣ за 50 и за 60 даютъ поруки, а сроки де имъ чинятъ стать въ городъ предъ тиуны назавтре, и которой де изъ тѣхъ людей не станетъ въ городѣ на тотъ срокъ предъ тиуномъ, и они де ихъ тѣмъ винятъ.

*) Перепечатывается изъ рѣдкой книги В. Н. Берха: «Путешествіе въ города Чердынь и Соликамскъ для изысканія историческихъ древностей». С.-Петербургъ. 1821 г., стр. 121—134. Найдена Берхомъ въ Чердыни у купца Д. А. Оболенскаго въ списокѣ, снятомъ съ древняго, сильно пострадавшаго отъ времени и сгорѣвшаго въ пожарѣ 1792 г. Оригиналъ, вѣроятно, отправленъ былъ въ 1787 г. въ Петербургъ вмѣстѣ со спискомъ Пермскихъ князей и другими важными документами, о чемъ см. выше главу VI-ю. Собственно это—копія съ древней уставной грамоты, данной еще въ началѣ XVI в. и сгорѣвшей въ церкви Варлаама Чудотворца. Копія эта «дана изъ Москвѣ лѣта 7062 (1554) декабря въ 26 день».

Да и ваши жъ де Пермскіе намѣстники посылають по Пермской землѣ своихъ людей, тіуновъ и доводчиковъ, луковъ писати и кормовъ брати, и намѣстничіе де люди приписываютъ у нихъ многіе луки лишніе, и Пермичамъ де въ тѣхъ лишнихъ лукахъ чинятъ продажи и убытки великіе, дани имъ продажи отъ намѣстниковъ и отъ ихъ людей, отъ тіуновъ и отъ доводчиковъ, живутъ великіе (?) не по грамотѣ, и они де въ томъ отъ нашихъ намѣстниковъ и отъ ихъ людей, отъ тіуновъ и отъ доводчиковъ, охудали и опустѣли; и впредь имъ прожити безъ нашія грамоты уставныя не можно, и Мнѣ бы Пермичъ пожаловати грамотой жаловальной уставной снимка съ старой грамоты, что у нихъ нашіе прежніе намѣстники съ тоя уставныя грамоты списывали*).

И Мы, Великій Государь, слышавъ ихъ Данилки и Гришки Иванова челобитья, всехъ людей Пермскія земли пожаловали возъ намѣстнику въ верхнемъ городкѣ да дву доводчиковъ въ городкѣ подводу намѣстнику цѣловальниковъ и по Иванову письму Боброва, съ пятнадцати сотъ луковъ, со шти сотъ сорока съ пяти луковъ; на Рождество Христово за тысячу чепыреста бѣлокъ чепырнадцать рублевъ, по двѣ денги за бѣлку. А на Великъ день намѣстнику корму и ево тіуну и доводчикамъ за семь сотъ бѣлокъ семь рублей.

*) Хотя мѣстные изслѣдователи Пермскаго края обыкновенно относятъ Великопермскую уставную грамоту къ 1553 году, но эти слова, да и вообще содержание грамоты, убѣждаютъ меня, что первоначально она дана была Пермь Великой значительно раньше. Въ 1553 г. апрѣля 30 грамота сгорѣла, но она могла быть первоначально дарована гораздо раньше этого года. Берхъ относитъ ея начало къ 1505 году, когда былъ назначенъ въ Пермь Великую первый русскій намѣстникъ (см. стр. 120). Дѣйствительно, уставная грамота ссылается еще на грамоты прежнихъ Пермскихъ князей. Туманскій въ «Россійскомъ Magazinѣ» (часть 1, стр. 67) относитъ начало грамоты къ 1533 году. Съ своей стороны я нахожу мнѣніе Берха весьма основательнымъ.

А на Петровъ день намѣстнику корми ево тїуну и доводчикамъ за семь сотъ бѣлокъ семь рублевъ, по двѣ же деньги за бѣлку.

Да съ варницы Вишерскія соли имати по пяти сапець соли по старинѣ, то ему во весь годъ и съ тїуномъ и съ доводчиками. А опричь того намѣстнику и ево тїуну и доводчикамъ съ нихъ пошлины нѣтъ. А берутъ кормъ намѣстникъ и тїуновъ и доводчиковъ поберъ старосты и люди добрые Пермьки сами, да отдаютъ кормъ намѣстнику и съ тїуны и съ доводчики въ городъ, а сами намѣстники и тїуны и доводчики по погостамъ луковъ писати и кормъ брати не ѣздятъ; а размѣтываютъ Пермьки межъ себя кормъ по сохамъ, по дани; а намѣстникъ нашъ тїуновъ и доводчиковъ до году не перемѣняетъ, а доводчикомъ изъ погоста въ погостъ не переѣзжати; которой же доводчикъ ѣздитъ въ своемъ погостѣ, а ѣздитъ доводчикъ по погостамъ съ однимъ паробкомъ безъ простые лошади . . . а гдѣ есть, тутъ . . . а у котораго Пермитина хлѣбъ или волога какова лучится, что самъ ѣстъ, тѣмъ и доводчики кормить; а тїуны и . . . у соли силою песта . . . то онъ дастъ въ лѣсъ лѣсовать . . . и намѣстнику не является, а хотя хто . . . исто . . . соболиное . . . кто придетъ съ полузимы . . . намѣстнику и тїуну . . . денегъ . . . а кто придетъ излишніе ограбленъ или . . . и съ того намѣстнику по . . .

А случится судъ въ займехъ, или въ бою, или въ лаѣ, а досудится виноватой, и намѣстникъ нашу пошлину емлетъ на виноватомъ, съ рубля по гривнѣ, на сколько хто взыщетъ, то ему и съ тїуномъ опричь хоженного, и ѣзду и правды.

А досудится до поля, а у поля не ставъ помирится, и намѣстникъ емлетъ пошлины по тому жъ расчету, съ рубля по гривнѣ.

А сведется у нихъ поле, да у поля стоявъ помирятся, и намѣстнику пошдины имать гривенные жъ, на сколько кто вышетъ, съ рубля по гривнѣ; а опричь того намѣстнику съ дѣла полевыхъ пошлинъ полполтины, то ему и съ тіуномъ; а доводчику искати свое хоженое, и ѣздъ и правду.

А побьются на полѣ въ займехъ, или въ бою, или грабѣжехъ, и намѣстникъ нашъ велитъ на убитомъ исцова доправити. А намѣстнику на убитомъ съ рубля полполтины, да и опричь того намѣстнику полполтины, а доводчику десять бѣлокъ, опричь хоженного, и ѣзду и правды.

А побьются на полѣ въ душегубствѣ, и татьбѣ, въ пожегѣ, и въ разбоѣ, и въ ябедничествѣ, и намѣстникъ нашъ на убитомъ велитъ исцова доправити, а убитой въ казни и въ продажѣ намѣстнику. А доведуть до кого татьбу и ябедничество, или пожегу, а будетъ вѣдомой лихой человекъ, и намѣстникъ нашъ велитъ того лихова казнити смертною казнію, а исцова велитъ изъ его статка, а что у статка останеть, ино то намѣстнику и его тіуну имати себѣ; а не будетъ у котораго лихаго статковъ съ исцова, и намѣстнику его исцу во гибели не выдати, велѣти его казнити смертною казнію.

А погосца ихъ людей намѣстнику и его тіуну судить по воскресеньямъ, отъ недѣли въ недѣлю, и доводчикомъ въ недѣлю; а посадскихъ людей, гдѣ кто какъ самъ живетъ; а въ которой день дѣла тогда и судять, а намѣстнику и его тіуну безъ цѣловальниковъ и безъ старосты и безъ лучшихъ людей суда не судить.

А цѣловальниковъ Пермьки выбираютъ у себя сами, кто имъ любъ, а хоженое приставу бѣлка въ городѣ, а уѣзду на двѣ версты бѣлка, а на правдѣ вдвое; а не люба приставу бѣлка, ино за бѣлку по двѣ деньги.

А на коихъ людей въ одномъ дѣлѣ приставъ на поруку дастъ и объемлютъ ѣздъ одинъ, а пристава намѣстническаго

на поруку дадутъ, и они отъ поруки ставленнаго не даютъ ничего.

А случится у нихъ душегубство, а не доищутся душегубца, то намѣстнику виры чотыреста бѣлокъ, а не любя бѣлка, ино за бѣлку по двѣ деньги.

А кто утонетъ, или сгоритъ, или озябнетъ, или кого возомъ состретъ, или дерево убьетъ, или кто отъ своихъ рукъ утерится, а обшчатъ того безъ хитрости, ино въ томъ намѣстнику виры и продажи нѣтъ. А самосудъ намѣстнику чотыреста бѣлокъ, а не любя бѣлка, то ино за бѣлку по двѣ деньги.

А самосудъ то, кто поймаетъ татя съ поличнымъ, да отпустить; а опричь того самосуда нѣтъ.

А выймутъ у кого поличное, да сведетъ себя сводомъ до коликыхъ не буди, и до пошлаго татя и своднаго нѣтъ, и поличное то, что у кого вымутъ; а вымутъ у кого поличное въ той хороминѣ не за замкомъ, и въ томъ поличнаго нѣтъ; а кто у кого пере еже и намѣстнику за баранъ (?) шесть бѣлокъ

А Пермичъ, Устюжанъ и Вятчанъ намѣстники и ихъ тіуны и доводчики намѣстникъ и его тіуны на стады своими поженъ ихъ не травятъ.

А кто дочь дастъ за мужъ на Вологду, и на Устюгъ, и на Вятку, и намѣстнику за выводную кунцу шесть бѣлокъ; а въ одной волости кто дочь дастъ за мужъ, и намѣстнику за убрусъ три бѣлки, а не любя бѣлка, ино за бѣлку по двѣ деньги.

А кто прійдетъ Вогулетинъ въ Пермь торговать, или инымъ которымъ дѣломъ, и онѣ намѣстнику и ево тіуну являются, а не явивъ Вогулетина намѣстнику, Пермяку и Усольцу не торговати и не хоронить его у себя въ тайному; а кто не явить, а кого вымутъ, и намѣстникъ на

томъ заповѣди возметъ двѣсти бѣлокъ, а не любя бѣлка, ино за бѣлку по двѣ деньги.

А о земляхъ и о рѣкахъ и озерахъ и всякихъ угодьяхъ судъ за три года, а далѣ того о земляхъ не судити; и первыхъ судовъ и грамотъ князей Пермскихъ не посуживати.

А десятильнику дають отъ знамени съ холосца по двѣ бѣлки, да третья бѣлка записная; а съ со вдовца десятильнику отъ знамени четыре бѣлки, да записного бѣлка; а не любя бѣлка, ино за бѣлку по двѣ деньги.

А учинить десятильнигъ надъ ними какову сплу, и намѣстнигъ нашъ на десятильника дастъ пристава, да ево судить и управу чинить.

Да Пермязи же били челомъ Мнѣ, Царю и Великому Князю, о томъ, который нашъ намѣстнигъ въ Перми у нихъ будетъ на нашемъ жалованѣ, и они де посылають къ волоку Тюменскому, и въ Вогуличи, и въ Сылву своихъ людей съ Пермскимъ со всякимъ товаромъ торговати; а въ кою де пору намѣстничіе люди въ тѣхъ мѣстѣхъ торгують, а которые Пермичи въ тѣ мѣста приидуть со своимъ товаромъ торговати, и намѣстничи люди Пермичемъ торговати не велить дотолѣ, доколѣ они сторгуются своимъ товаромъ, и Пермичемъ де имъ въ томъ убытки великіе.

Да и въ рыбную ловлю у Пермичъ намѣстники вступаются въ ихъ ловлю; и Азь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всея Русіи Пермичъ пожаловалъ, которой нашъ намѣстнигъ въ Перми у нихъ будетъ, и онъ въ Пермскія угодья и къ волоку Тюменскому, и въ Вогуличи, и въ Сылву съ Пермскимъ товаромъ своихъ людей торговати не посылаетъ, а въ рыбную ловлю въ ихъ Пермскую не вступаются у нихъ ни во что.

Да Пермичи жъ посадскіе люди Мнѣ били челомъ о томъ, чтобъ Мнѣ ихъ пожаловати освободити—къ которому празднику помолитись, или родителей помянути канунъ дослѣти, пивца сварити, или медку разсытити; и Азь Царь

и Великій Князь Пермичъ посадскихъ людей пожаловаль, велѣль есми имъ кануны обѣтныя и родительскіе держати по старинѣ; а коли Пермитину которому чловѣку лучится къ которому празднику или по родителехъ канунъ доспѣть, пиво сварить и медъ разсытити, и они намѣстнику явять, а намѣстники наши Пермичемъ кануны чинить ослобожаютъ, и явки намѣстникъ возметъ съ пива съ сонца по четыре деньги, а съ меду съ сонца по четыре жъ деньги.

Да сверхъ того есми Пермичъ пожаловаль, далъ есми имъ въ году три недѣли питья варити и пити: недѣля Великоденная, другая недѣля въ осень Дмитріевская, третья недѣля въ зимѣ Рождественская; и тѣмъ тремъ недѣлямъ вино пити доспѣти безъ явки, опричь посадскихъ людей, а посадскіе люди къ праздникамъ и по родителемъ кануны чинить по старинѣ, какъ напредъ того у нихъ было.

А намѣстничьи люди, или иной хто опришной чловѣкъ, къ Пермичемъ на ширъ или на братчины не званы, пить да не ходять; а кто къ нимъ на ширъ или въ братчину не званъ прійдетъ, и они того чловѣка изъ пиру или изъ братчины вышлютъ вонъ отъ себя безпенно.

А кто у нихъ въ пиру или въ братчинѣ учнетъ пити сильно и какову у нихъ учинить гибель, и они на томъ чловѣкѣ ту гибель возмутъ безъ суда.

А кто у нихъ въ Перми будутъ лихіе люди тати и разбойники; душегубцы, зажигательники, ябедники и поклепцы, и наши Пермскіе намѣстники на тѣхъ лихихъ людей Пермичемъ пристава даютъ, да велятъ ставити предъ собою съ Пермичи съ очей на очи, да ихъ съ ними судять. И на которыхъ людей Пермичи передъ нашимъ намѣстникомъ доведутъ, а скажутъ на него чловѣкъ пять или шесть людей добрыхъ по нашему крестному цѣлованью, что онъ лихой чловѣкъ, и намѣстникъ нашъ того лихаго чловѣка велитъ бить кнутемъ, да изъ земли его Пермичамъ велитъ выслать вонъ безпенно.

Такъ же есми пожаловать Великопермцовъ и Усольцовъ гостинскимъ—въ Пермь Великую и къ Соли изъ городовъ Московскія земли, изъ Новгородскія земли и изъ Тверскія земли торговати, и съ оными никакими дѣлы не ѣздить никто опрочъ Устюжанъ и Вычегжанъ и Вятчанъ. А Устюжана и Вычегжана и Вятчана ѣздить къ нимъ торговати со всякимъ товаромъ по своей грамотѣ по жалованной по уставной по Устюжской, и воятъ отъ нихъ товаръ всякой и соль, куда хотятъ, съ ними. Пермичи и Усольцы товаровъ въ Московскіе города воятъ продавать, а таемъ*) къ нимъ въ Пермь или къ Соли торговати изъ городовъ Московскія земли, Новгородскія земли и изъ Тверскія земли, и намѣстникъ нашъ у того станеть а его даеть на поруки, да пришлетъ его ко Мнѣ Царю и Великому Князю. А кто взыщеть Великопермецъ или Уsoleцъ на гостехъ на Устюжскихъ, или на Вычегжанинѣ, или на Вятчанинѣ, или на Вогуличахъ, или на Остякахъ, или на иномъ какомъ ни буди, и намѣстникъ на тѣхъ пристава дасть и судить и управу чинить его тіуны или доводчики; и они на нихъ наметываютъ сроки сами во всякихъ дѣлехъ предъ Меня Царя и Великаго Князя на Оспожино заговѣнье; а настанеть срокъ, Пермской или Уsoleцъ на намѣстника или на его тіуна или на доводчиковъ въ каковѣ дѣлѣ Пермитина или Уsoleца, и тому Пермитину или Уsoleцу къ сроку ѣхати. А Пермитину и Уsoleцу на Пермитина и Уsoleца сами сроковые наметываютъ и ни въ которомъ дѣлѣ а которые Пермитинъ или Уsoleцъ напишетъ срокъ (не) на Оспожино заговѣнье, и тому Пермитину и Уsoleцу къ тому сроку ѣздити не велятъ, а хотя оную грамоту возметъ, и то безъсудная не въ безъсудную, и чрезъ сію Мою грамоту изъ тѣхъ на нихъ кто возметъ, или чѣмъ изобидитъ, и тому быть отъ меня Царя и Великаго Князя въ казни.

*) А тайно, тайкомъ пусть не ѣздить.

А сія имъ грамота дана таковая жъ, какова у нихъ была прежняя уставная грамота
Дана грамота сія на Москвѣ лѣта семь тысячъ шестьдесятъ второго*) декабря въ 26 день. Приказали дати казначей Иванъ Петровичъ Головинъ да Ѳедоръ Ивановичъ Сукинъ, а казначей имъ говорилъ Царевымъ Великаго Князя словомъ словомъ окольничей Алексѣй Ѳедоровичъ Адашевъ. Царевъ и Великаго Князя діакъ Петръ Васильевичъ сынъ Торокановъ.

На подлинной грамотѣ подписи Государей Царей и Великихъ Князей**). Таковыи на оборотѣ.

Поступное письмо братьевъ Якова, Григорія и Семена Аникіевичей Строгановыхъ Пыскорскому монастырю 1570 г.***).

„Въ пречестную обитель Всемиловитаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, честнаго и славнаго Его Преображенія, иже показа славу Своего Божества ученикомъ и апостоломъ на горѣ Фаворстѣй, и Пресвятія Богородицы Присно-Дѣвы Маріи, заступницы роду христіанскому, а намъ грѣшнымъ во всемъ помощницы и упованія всѣхъ христіанъ, честнаго и славнаго Ея Рождества, начальнику и пастырю Христовыхъ словесныхъ овецъ, Варлааму, о Христѣ миръ и цѣлованіе и всему по Божѣ братству твоему, Аникіевы дѣти Строгановы Яковецъ, Грыньи и Семенецъ челомъ бьемъ!“

*) Берхъ послѣ этой цифры поставилъ свою «1553», почему обыкновенно и стали приурочивать уставную Великопермскую грамоту къ этому году.

**) Доказательство, что прежняя грамота дана была или при Василии III, или, что еще вѣроятнѣе, при Іоаннѣ III.

***) Перепечатывается, какъ древнѣйшій документъ главнаго изъ Великопермскихъ монастырей, изъ рѣдкой книги (оттиска изъ «Пермскихъ Епарх. Вѣдомостей») священника *Ипполита Словоцова*: «Пыскорскій Преображенскій ставропигиальный 2 класса монастырь». Пермь. 1869 г., стр. 5—7. Раньше было дважды напечатано въ «Пермскихъ Губерн. Вѣдом.» 1857 г. № 23 и 1865 г. № 34 и въ другой редакціи — въ «Пермской Лѣтописи» *В. Н. Шишонко*, см. томъ I, стр. 62—63. Редакція *Словоцова* древнѣе.

„Божіи воля сталась, нашихъ родителей въ животѣ не стало, государя нашего отца Іоанникія, а во ивоцѣхъ Іоасафа, и нашея государони матушки Софьи. И мы нынѣ въ домъ Боголѣпному Преображенію и Пречистыя Рождеству, въ твою паству, въ монастырь, даемъ свои новыя роспашни отъ Лысвы рѣчки и по Лысвѣ въ верхъ до вершины, межную свою сторону и мельницу большую на Лысвѣ и отъ Лысвы внизъ по правую сторону Камы свои всѣ новыя пашни и городокъ Канкоръ. И пожаловалъ бы ты, начальникъ Варлаамъ, посовѣтовалъ бы твоей паствѣ съ братствомъ, чтобы перенести и монастырь въ городокъ, а церкви бы ставити по вашему чину, какъ будетъ пригоже. А въ городкѣ боеваго снаряду: 12 рушницъ, да три затинныхъ, да пудъ зелья, да пудъ свинцу. А отъ городка внизъ до Нижней Пыскорки и вверхъ по Пыскоркѣ до вершины; а за Пыскорку монастырю дѣла нѣтъ, также и до Меркурьевскихъ острововъ монастырю дѣла нѣтъ. А межа нашему данью: по Камѣ по правую сторону отъ Лысвы внизъ до нижней Пыскорской курьи, а по лѣвую сторону по Камѣ внизъ до Зырянки, а ниже Зырянки по Камѣ въ нашъ правезъ монастырю дѣла нѣтъ. А которые жильцы живутъ у городка Канкора, которымъ давано отъ насъ подъ дворы мѣста и пахотныя земли и покосы въ Чашкинѣ, и тѣ жилецѣи земли и пашни по смерти тѣхъ жильцовъ владѣтъ монастырю же; да мы же послали въ домъ Боголѣпнаго Преображенія и Пречистыя Рождеству сто рублевъ денегъ. А молити вамъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и Пречистую Его Матерь Присно-Дѣву Марію и святыхъ небесныхъ Силь, Ангелъ и Архангелъ Михаила и Гавріила и прочихъ безплотныхъ и великаго Пророка и Предтечу Христова Крестителя Іоанна и всѣхъ святыхъ Богоугодившихъ отъ вѣка вѣковъ аминь, чтобы умножилъ Богъ православному Государю Царю и Великому Князю Іоанну Васильевичу, всея Руссіи, его благодарованнымъ дѣтямъ царевичамъ Іоанну и Ѳеодору многолѣтнее

здравіе во всякомъ проскомисаніи, на литіяхъ и панихидахъ, и на обѣдняхъ Благовѣрнаго Князя Василя Васильевича, во иноцѣхъ Варлаама, Благовѣрныхъ Царицъ и Великихъ Княгинь и чадъ ихъ, тако и за отца нашего за прежнее данье и за нынѣшнее служить игумену съ соборомъ и кормы кормити, доколѣ Богъ изволитъ и обитель стоитъ; а по Государехъ и по Государыняхъ кормы кормити большими; да и по нашихъ родителехъ служить игумену съ соборомъ по четыре службы на всякъ годъ, доколѣ святое мѣсто стоитъ; родъ же нашъ написать въ синодикъ, прочитывать вряду на всякъ день; а который изъ насъ, Іоанникіевыхъ дѣтей, похочетъ постричися, или дѣти наши, то безъ вклада стритчи, а кого мы велимъ изъ своихъ людей постритчи, тѣхъ вамъ стритчи безъ вклада же и братству причести; а послушите коего изъ насъ въ животѣ не станетъ, и вамъ бы приписать къ нашимъ родителемъ, да поминать на литіяхъ по вся дни. Писано 7078 года марта 2 дня“.

Конецъ I выпуска.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Автобіографическая замѣтка автора-издателя . . .	Стр. III—XVIII.
--	-----------------

ОТДѢЛЪ I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Предисловіе къ изслѣдованію о Пермѣ Великой . . .	1.
---	----

Древняя Пермь Великая въ современномъ научномъ освѣщеніи.

Раздѣленіе исторіи Пермской земли на періоды . . .	3.
--	----

Глава I. Современное состояніе вопроса о Финнахъ вообще, такъ называемой Чудѣ и въ частности о народѣ Пермь (Пермякахъ)	5.
---	----

Глава II. Степень культурнаго развитія обитателей древней Пермѣ, по даннымъ раскопокъ. Скептики Біарміи	10.
---	-----

Апологеты и скептики Біарміи. Графъ Уваровъ, отецъ русской доисторической археологіи. Археологи Пермскаго края (стр. 13—14). Свидѣтельства Рычкова о Пермскихъ городищахъ (14—15). Раскопки В. Н. Берха (15—17), А. П. Иванова (18—20), А. Е. Теплоухова (20). Вятскіе археологи (21). Антропологическая экскурсія проф. Маліева (22—23). Этнографическія изслѣдованія Пермяковъ Н. А. Рогова и г. Добротворскаго (24—25). Важное свидѣтельство «Лѣтописца Двинскаго» (25—26).

Глава III. Древніе торговые пути, шедшіе чрезъ Пермь. Апологеты Біарміи	27.
---	-----

Необходимость сравнительнаго изученія вещественныхъ находокъ. Мнѣнія Савельева и Ешевскаго (стр. 28). Находки въ предѣлахъ Пермской губерніи (29—30) и на развалинахъ Булгара на Волгѣ (30). Оцѣнка свидѣтельствъ скандинавскихъ сагъ (31—32). Свидѣтельства Новгородскихъ и другихъ лѣтописей (32). Насильственный способъ занятія Новгородцами Заволочья, Перми, Печеры и Югры (33—38). Древнѣйшій восточный путь изъ Хозаріи чрезъ Булгаръ и Пермь на Сѣв.

Двину (31). Сухопутная дорога изъ Булгара чрезъ Пермь въ Югру (34). Новгородскій путь съ запада на востокъ чрезъ Пермь, Печеру и Югру (34). Московскіе пути за Уралъ (39—43). Бабиновская дорога (42).

Глава IV. *Эксплоатація естественныхъ богатствъ Пермь Великой* 44.

«Закамское серебро» — мнимое богатство Пермской страны (45). Достоверныя извѣстія о природныхъ богатствахъ Пермь и Печеры (46). Эксплоатація соли (47—48) и металловъ (49).

Глава V. *Границы и административное раздѣленіе Пермь Великой до начала XVII вѣка* 50.

Историко-географическая номенклатура въ области древней Пермской страны (51—52). Филологическія объясненія наименованій «Пермь» и «Віармія» (52—54). Четыре группы изслѣдователей древнѣйшей Пермь (54—55). Главные представители каждой группы (55—61), характеристика ихъ ученыхъ воззрѣній (тамъ же). Топографія Епифанія Премудраго (62) и его комментаторовъ (62—63). Комментаріи къ свидѣтельству Епифанія (64—66). Новыя данныя въ Никоновской лѣтописи (67—68). Сравнительное значеніе писцовыхъ книгъ въ ряду другихъ источниковъ (69—70). Библиографія Пермскихъ писцовыхъ книгъ Яхонтова 1579 г. и Кайсарова 1623—1624 г.г. (70—73). Географическій терминъ «Пермь Великая» (74—76).

„ „ А. Пермскій, онъ же Чердынскій, уѣздъ Пермь Великой въ XVI и началѣ XVII вѣка 76.

Городъ «Пермь Великая Чердынъ», какъ главный во всей Великопермской странѣ, по Яхонтову и Кайсарову (стр. 76—77). Станъ Окологородный (78). Верхній (79). Нижній (80) и округъ Отхожіи (81—84), по Яхонтову. Вотчины Іоанно-Богословскаго монастыря, бывшаго въ Чердыни (84—86). Тѣ же земли по Кайсарову (86—88). Внѣшнія границы Пермь Великой (87—88).

„ „ Сосѣдняя область поселеній Вогуловъ и Остяковъ 88.

„ „ Б. Усольскій, позднѣе Соликамскій, уѣздъ Пермь Великой въ XVI и началѣ XVII вѣка 89.

Усолье Камское или Соликамскъ, по Яхонтову и Кайсарову (90). Усольскій уѣздъ, по Яхонтову (91—93) и по Кайсарову (93—95). Внѣшняя граница Пермь Великой (продолженіе).

„ В. Вотчины Строгановыхъ и монастыря Пыскорскаго въ Пермѣ Великой въ XVI и началѣ XVII вѣка 95.

Начало Великопермскихъ вотчинъ Строгановыхъ и ихъ административная обособленность (95—100). Борьба Строгановыхъ съ Чердынцами и Усольцами за обладаніе землями (тамъ же). Постепенное распространеніе владѣній Строгановыхъ въ области Пермѣ Великой (101—104). Грубая ошибка «Солониковаго Лѣтописца» о числѣ людей у Строгановыхъ (105—107). Организациа управленія въ вотчинахъ Строгановыхъ (107—109). Выдѣленіе вотчинъ Пыскорскаго монастыря въ особый по управленію округъ (109—111). Границы Строгановскихъ вотчинъ и ихъ административное раздѣленіе при Яхонтовѣ (112—116). Слобода Орель-городокъ и ея округъ (112), слоб. Яйва съ ея округомъ (113), слоб. Чусовая съ ея округомъ (114—115), сл. Сытва съ округомъ (115). Южная вѣйшія граница Пермѣ Великой (116). Понятія «Пермь Великая», «Вятка», «Югра» (тамъ же).—Границы и раздѣленіе вотчинъ Строгановыхъ при Кайсаровѣ (117). Пыскорскій монастырь и его вотчины при Кайсаровѣ (118—120). Увеличеніе вотчинъ Строгановыхъ за 44 года съ 1579—1623 (120—121). Начало Успенскаго монастыря на Чусовой (121—122), Новаго Усолья (122), Верхняго Чусовскаго городка (123), Очерскаго острожка (123). Очерскій округъ (123—124). 1) Часть Андрея и Петра Семеновичей Строгановыхъ: Чусовской Нижній городокъ и Нижнечусовской округъ (124—125), Сытвенскій острожекъ и округъ (124—125). 2) Часть Ивана и Максима Максимовичей Строгановыхъ: Чусовской Верхній городокъ и Верхнечусовской округъ (126—128), Успенскій монастырь на Чусовой (127 и выше стр. 121—122) и Яйвенскій острожекъ съ его округомъ (128). 3) Общее владѣніе всѣхъ Строгановыхъ: Орель-городокъ и Орловскій округъ (129—130), Очерскій острожекъ и округъ и слобода Новое Усолье (см. выше стр. 122—124).

„ Свидѣтельства грамотъ XVI—XVII вѣковъ о границахъ Пермѣ Великой 131.

Два посланія митрополита Симона въ Пермь Великую отъ 1501 г. (131—133). Духовная Іоанна III (133). Великопермская уставная грамота XVI в. (133—134). Жалованныя

Строгановых грамоты XVI в. (134—135). Грамота Чердынского Богословского монастыря 1580 г. (136). Грамоты начала XVII в. о взаимных отношениях Чердыни, Соликамска и Кайгорода с их уездами (136—139). Вопрос о начале Кайгорода и Кайгородского уезда Перми Великой (136—137). Грамота 1581 г. о защите южной границы Перми Великой (139—140). Жалованная Вогудаж грамота 1689 года и северо-восточная граница Перми Великой (140—142).

„ „ Общее заключение о границах и раздѣленіи древней Перми Великой 142.

Глава VI. *Управление древней Перми Великой до начала XVII вѣка* 144.

Церковное управление въ Пермской странѣ до начала XVII вѣка и вопросъ о взаимномъ отношеніи Пермской и Великопермской епархій (144—150). Гражданское управление Пермской страны (151). Новгородскій періодъ (151—158). Способъ владѣнія Новгорода Пермью, по Костомарову (153). Постепенный переходъ Новгородской зависимости въ Московскую (153—158). Московскій періодъ (158 и слѣд.). Чердынскій синодикъ и реестры Пермскихъ князей (158—160). Пермскіе князья (159—165). Вопросъ о началѣ Чердыни (167—168), Соликамска (168) и другихъ Великопермскихъ городовъ (166, 168—169). Великопермскіе намістники и воеводы, жившіе въ Чердыни въ 1505—1613 г.г. (170—171). Особые Чердынскіе воеводы, бывшіе между 1613—1636 г.г. (171). Особые Соликамскіе воеводы, бывшіе между 1613—1636 г.г. (171—172). Злоупотребленія намістниковъ, ихъ тиуновъ и доводчиковъ (173). Доходы намістника въ 1579 году (173—175). Таможенныя злоупотребленія (175—178). Права посадскихъ людей, по уставной Великопермской грамотѣ XVI в., и нарушеніе этихъ правъ намістниками (178—181). Защита отъ воинственныхъ сосѣдей Перми Великой (181—184). Набѣги на Пермь Великую Вогудовъ, Остяковъ и Татарь (184—185). Торжество русской національности на востокъ Россіи (185).

ОТДѢЛЪ II.

МАТЕРІАЛЫ.

- I. Великопермская уставная грамота Чердынцевъ и Усольцевъ XVI вѣка 187.
- II. Поступное письмо братьевъ Якова, Григорія и Семена Аникіевичей Строгановыхъ Пыскорскому монастырю 1570 года 195.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Пермь—книжный магазинъ Ольги Петровской.

Екатеринбургъ—кн. маг. М. Д. Блохиной и К^о.

Томскъ—кн. маг. Михайлова и Макушина.

Казань—у А. А. Дубровина Воскресенская ул., Гостиный дворъ № 1.

Москва—у А. А. Карцева, Мясницкая ул., Фуркасовскій переулокъ, домъ Обиной.

С.-Петербургъ—у М. М. Стасюлевича Васильевскій островъ, 2-я линія, № 7.

ЦѢНА 1 РУБЛЬ.

Адресъ автора-издателя:

Пермь. Александрѣ Алексѣевичу Дмитріеву. Мужская гимназія.